

НА Б О ЕВОМ П О С ТУ

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

РОССИИ

№6

ИЮНЬ

2002

ВНУТРЕННИЕ ВОЙСКА —
ШКОЛА ВОСПИТАНИЯ
ПАТРИОТОВ ОТЕЧЕСТВА

ПО ДОБРОЙ ВОЛЕ И БЕЗ ПРИНУЖДЕНИЯ

В этом году в отряде специального назначения внутренних войск "Русь" очередная сдача экзамена прошла 7 мая. Желающих пострадать ради ношения берета набралось шестьдесят человек. Несколько офицеров и прапорщиков, остальные солдаты, хотя чины и должности в этом случае значения не имеют.

Всего четыре человека из шестидесяти сумели в тот день пройти через все и вся. И самой дорогой наградой для них стал берет цвета запекшейся крови, к которому парни, опустившись на одно колено перед строем сослуживцев, припадали губами и, лихо сбив его набекрень, произносили: "Служу Отечеству и спецназу!"

Лейтенант Роман ДУРКАЧ
Фото Ильи ЗЛОТНИКА

НА Б ОЕВОМ ПОСТУ

№ 6
ИЮНЬ
2002

В номере:

Главный редактор
УЛЬЯНОВСКИЙ В.Н.

Редакционная
коллегия:

АРТЮХОВ Е.А., АШУРКОВ И.А.,
БАНИКОВ А.Ю. (зам. главного
редактора — ответственный
секретарь), БЕЛЬСКИЙ В.Ю.,
ГЕРАСИМОВ В.Н.,
ДОМОЖИРОВ В.К. (зам.
главного редактора),
ЕРМАКОВ П.И., КАЗАКОВ Н.Н.,
КАРПОВ Б.В., КИСЛЫЙ Ю.П.
(зам. главного редактора),
КОЛЕСНИКОВ С.С.,
КЛОЧКОВ В.И., КУДРЯШОВ А.В.,
МАКАРОВ А.В., ЛЕВКОВИЧ В.Г.,
ОБРЕВКО В.М.,
ПАНЧЕНКОВ В.В.,
СЕНКОСЕНКО Л.Ф.,
СВИТКО Е.В.,
ТОНКОГОВ В.П.,
ЮРЧЕНКО С.П.

Художественное
оформление
БАНИКОВ А.Ю.,
КОПЫЛОВ Э.П.

Верстка
ВИНОГРАДОВА О.К.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А.,
ГАВРИЛОВА Е.Ю.

На 1-й странице обложки
ИВОНИН Б.Н.
фото САВКОВА А.И.

Издается с 1958 года
учредитель —
МВД России
издатель —
Главное командование
внутренних войск

Журнал зарегистрирован в
Министерстве печати и
информации Российской
Федерации.

Регистр. № 01420.
Имеет приложения:
газету «Ситуация» и сборник
учебно-методических
материалов
«Войсковой вестник»

При перепечатке материалов
ссылка на наш журнал обязательна

Редакция вправе сокращать и
литературно обрабатывать при-
нятые к публикации тексты. Ре-
дакция может публиковать ма-
териалы, не разделяя точку зре-
ния авторов. Рукописи не рецен-
зируются и не возвращаются. За
достоверность фактов, имен
собственных, неразглашение
тайны отвечают авторы публика-
ций, за достоверность реклам-
ных объявлений — рекламода-
тели, за качество печати — ти-
пография. Переписка с читате-
лями ведется только на страни-
цах журнала.

Сдано в набор 15.04.2002
Подписано к печати 18.05.2002
Формат бумаги 84x108 1/16
Общий тираж изданий 15 000
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,8.
Уч.-изд. л. 11. Зак. № 976
Индекс для индивидуальных подписчиков
— 70610
для предприятий и организаций
— 73175

Отпечатано в ФГУП Издательство и
типография газеты «Красная звезда»
123007, Москва,
Хорошевское шоссе, д. 38

ОФИЦИАЛЬНО
Ю. КИСЛЫЙ

2 Держать руку на
пульсе времени

ПАТРИОТИЗМ
А. НЕДЕЛИН

6 Программа есть.
Будут ли
патриоты?

СПЕЦОПЕРАЦИИ
А. КУДРЯШОВ

7 Пахари войны

ЗНАЙ НАШИХ!
С. КАРЫШЕВ
Ю. КИСЛЫЙ

10 Ромка —
антиснайпер

В ЗОНЕ ОСОБОГО
ВНИМАНИЯ

А. МАКАРОВ

13 Между жизнью и
смертью

АЛЬМА-МАТЕР
К. АЛЕКСЕЕВ

16 Офицерами не
рождаются. Ими
становятся даже
за полгода учебы

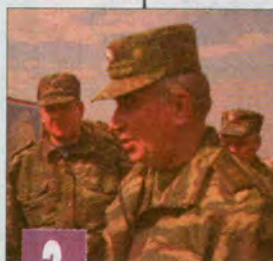
ПАМЯТЬ
Ю. КИСЛЫЙ

20 По законам
боевого братства

21 Назовем
поименно

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР
Н. НОВАК:

23 "Главное — дело,
которому ты
служишь..."

Письмо в номер 26

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ
В. КОНДРА

✓ Настоящие
патриоты из
"Патриота-С" 28

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС
И. БЫСЕНКОВ

✓ Аэродром для
семьи летчика 30

К 200-ЛЕТИЮ МВД РОССИИ
А. МАЛЫГИН
Р. МУЛУКАЕВ

✓ Министерство
внутренних дел:
страницы истории 32

ИМЯ В ИСТОРИИ ВОЙСК
А. КУЛИКОВ

✓ Тяжелые звезды
(Продолжение) 35

ЛИТЕРАТУРА

✓ Лишь на время
умолкли орудия
где-то...
(стихи) 43

И. ДЕГТЯРЕВА

✓ Три рассказа 45

С. КОНОВАЛОВ

✓ Рассказы 59

КАЛЕЙДОСКОП

✓ Кроссворд 64

© Журнал «На боевом посту», 2002

Адрес редакции: 111250, Москва, Красноказарменная 9 а
Телефоны для справок: 361-81-71, 361-82-57 E-mail: a_u_bannikov@mail.ru

С 16 по 18 апреля на базе новочеркасского соединения прошел учебно-методический сбор с заместителями командующих войсками округов, командирами соединений и отдельных бригад, воинских частей, непосредственно подчиненных главнокомандующему внутренними войсками, заместителями начальников военных институтов, санаториев внутренних войск по работе с личным составом, начальниками отделов по работе с личным составом округов, начальниками кафедр гуманитарных и социальных наук, военной педагогики и психологии военных институтов внутренних войск.

ДЕРЖАТЬ РУКУ

После открытия учебно-методического сбора с докладом "О состоянии морально-психологического обеспечения служебно-боевой деятельности внутренних войск и мерах по его совершенствованию в свете решений военного совета ГКВВ МВД России от 1 марта 2002 года" выступил заместитель главнокомандующего внутренними войсками генерал-лейтенант Станислав Кавун. Он отметил, что в связи с угрозой национальной безопасности России возникает необходимость осуществления дополнительных государственных мер по укреплению морально-психологического потенциала страны, приведению войск в соответствие с характером и объемом возложенных на них задач.

Принципиальным является то, что предстоит не просто изменение численности Вооруженных сил, других войск и воинских формирований, а глубокая структурная реформа всей военной организации государства. Это выдвигает на повестку дня вопрос о качественном улучшении морально-психологического обеспечения служебно-боевой деятельности.

Успешному решению назревших проблем в данной сфере способствует ряд факторов. Так, на современном этапе органы по работе с личным составом вооружены необходимой нормативной и правовой базой, в нее внесено много нового. Достаточно благоприятными для нас являются общественное мнение и информационная обстановка. Оправдала себя методология подходов к организаторской работе, определенных соответствующими приказами главнокомандующего. Создана социально-психологическая служба, складыва-

ется структура социально-правовой работы, усилены пресс-службы округов. Благодаря этому удалось укрепить правопорядок в воинских коллективах, повысить авторитет внутренних войск в обществе.

Несомненным приоритетом морально-психологического обеспечения была и остается воспитательная работа, подчеркнул генерал-лейтенант С.Кавун. В целях ее улучшения полностью обновлена нормативная база по основным направлениям воспитания личного состава. Приняты действенные меры к совершенствованию системы общественно-государственной подготовки. Реализация составленных в округах целевых планов МПО для воинских частей и подразделений, выполняющих задачи в группировке войск на Северном Кавказе, позволила повысить качество отбора военнослужащих, направляемых в СКР. Доказала свою действенность и система боевого информирования, ставшая в сложной обстановке важнейшей формой воспитания.

Воспитательный процесс в военных институтах направлен на создание в курсантских коллективах здоровой морально-психологической атмосферы, привитие будущим офицерам чувства ответственности, выработку деловых качеств, необходимых для дальнейшей службы.

Вместе с тем сегодня состояние воспитательной работы, по словам заместителя главнокомандующего, нельзя признать отвечающим требованиям времени.

В ряде соединений и частей не уделяют должного внимания повышению методического уровня занятий

по общественно-государственной подготовке. Не везде утвердилась практика заслушивания организаторов ОГП и руководителей групп. Есть нерешенные вопросы в организации героико-патриотического воспитания. Об этом свидетельствует тот факт, что многие солдаты плохо знают примеры героических действий военнослужащих.

Не выполнено в полной мере требование о превращении роты в центр воспитательной работы. Не все сделано для того, чтобы эталоном в воспитательной работе стали военные институты.

Необходимо искать и находить новые, нетрадиционные формы и методы воспитания, изживать здесь формализм и казенщину. Основные усилия органов по РЛС сосредоточить на разъяснении требований Верховного Главнокомандующего, министра внутренних дел и главнокомандующего внутренними войсками по выполнению служебно-боевых задач, реализации решений военного совета ГКВВ от 1 марта 2002 года. Один из главных резервов повышения эффективности МПО — активное участие должностных лиц органов военного управления в воспитательной работе с личным составом.

Важнейшей задачей в области воспитания является формирование психологической готовности военнос-

Наиболее целенаправленно социально-правовая работа проводится в Приволжском, Сибирском, Восточном округах внутренних войск, кировском соединении.

Однако в целом на этом важнейшем направлении МПО есть серьезные недостатки и упущения, связанные с неисполнительностью отдельных должностных лиц. Не везде своевременно представляются списки на оказание финансовой помощи через Национальный военный фонд членам семей погибших и пострадавшим военнослужащим. Такие факты имели место в Северо-Кавказском, Уральском округах и ОДОНе. В ряде случаев затягиваются выплаты единовременных денежных пособий. Работа по разъяснению военнослужащим, выполняющим задачи на Северном Кавказе, прав на получение социальных льгот, гарантий и компенсаций организована формально. В первую очередь это касается порядка начисления и выплат "боевых" денег. Но больше всего возмущают факты бездушного отношения к родителям погибших воинов, игнорирования некоторыми командирами их просьб об оказании помощи.

Нужно срочно поправлять такое положение, потребовал генерал-лейтенант С.Кавун. Добиться не-

НА ПУЛЬСЕ ВРЕМЕНИ

жащих к действиям в экстремальных условиях. На этом участке неплохих результатов добились специалисты Приволжского округа. Большая работа проводится отделом исследования психологических проблем внутренних войск. В ближайшей перспективе, продолжая совершенствовать организационно-штатную структуру социально-психологической службы, необходимо максимум внимания уделить профилактике суицидальных происшествий, реабилитации военнослужащих, прибывших в пункты постоянной дислокации, внедрению методов психокоррекции и адаптации к военной службе.

В условиях реформирования войск, их активного участия в контртеррористических операциях на Северном Кавказе важное значение приобрела социально-правовая работа. И сделано за последнее время немало по своевременной реализации установленных законодательством социальных гарантий и льгот, сказал докладчик. Созданы комиссии, занимающиеся решением социальных вопросов. Большой вклад в эту работу вносят "горячие линии" Главкомата и округов. С целью изучения социально-экономического и правового положения военнослужащих и членов их семей в войсках проводится ежегодный мониторинг, по итогам которого в законодательные и исполнительные органы власти направляются предложения по решению наболевших проблем. Для оказания материальной помощи членам семей погибших и пострадавшим военнослужащим привлекаются значительные финансовые средства из внебюджетных источников.

укоснительного выполнения приказа главнокомандующего "О повышении эффективности социально-правовой работы во внутренних войсках МВД России".

Далее докладчик отметил, что внутренние войска сегодня располагают достаточным потенциалом культурно-досуговой и информационной базы. К сожалению, и здесь есть нерешенные вопросы. Оставляет желать лучшего уровень взаимодействия с региональными и центральными СМИ. Не используется в полной мере потенциал войсковой прессы. Подписка на журнал "На боевом посту", газету "Ситуация", сборник "Войсковой вестник" составляет только 33 процента от общего количества подписных изданий. А ведь именно на войсковую прессу должны опираться офицеры, воспитывая подчиненных.

Беспокоит и организация кинообслуживания личного состава. Практически повсеместно в клубах воинских частей и в подразделениях организуется просмотр видеофильмов. Но при этом репертуарные планы не составляются, подавляющее большинство видеокассет — с фильмами иностранного производства, как правило, пропагандирующими культ жестокости и насилия. Надо активнее создавать в воинских частях видеофильмотеки, содержащие высокохудожественные отечественные произведения. Больших материальных затрат для этого не требуется.

В истекшем периоде в войсках несколько улучшилась работа общественных организаций, их деятельность стала более разнообразной и плодотворной.

Повысилось их влияние на качественное решение служебно-боевых задач. Ведущее место в этой работе принадлежит ветеранским организациям. В текущем году при их участии широко и активно проводилась работа по обеспечению праздничных мероприятий, посвященных Дню защитников Отечества, вручению внутренним войскам Знамени, 191-й годовщине внутренних войск. Надо наращивать усилия в этой важной работе с учетом предстоящего празднования 8 сентября 2002 года 200-летия Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Особое внимание в докладе было уделено проблемам укрепления дисциплины и правопорядка в войсках. В 2001 году, а также в истекшем периоде 2002 года сохранились тенденции к сокращению количества происшествий и небоевых потерь. Но несмотря на некоторое улучшение статистики, обстановку благоприятной назвать нельзя. Тревогу вызывает высокий уровень преступлений на почве неуставных взаимоотношений, правонарушений среди офицеров. Не внушает оптимизма положение дел в воинских частях ОДОНа, находящихся в пунктах временной дислокации, и 46-й ОБрОН. Ниже имеющихся возможностей проводится работа по поддержанию воинской дисциплины в Северо-Кавказском, Северо-Западном округах, Саратовском и Санкт-Петербургском военных институтах.

В чем причины? Во-первых, дает о себе знать отсутствие примерности среди части офицерского состава в соблюдении общевоинских уставов и законов. Во-вторых, большой ущерб организаторской и воспитательной работе наносят попытки скрыть преступления и происшествия от учета. Склонность улучшить статистику не путем повседневного кропотливого труда, а одним росчерком пера был отмечен в прошлом году в Северо-Кавказском округе.

Проанализировав недостатки, заместитель главнокомандующего четко сформулировал задачи по поддержанию дисциплины и правопорядка в войсках. Для улучшения дел на этом участке необходимо добиться примерности всех офицеров. Позаботиться о создании безопасных условий военной службы, исключающих случаи небоевых потерь и травматизма. Усилия структур по работе с личным составом направить на форми-

рование в воинских коллективах здоровой моральной атмосферы, искоренение нарушений уставных правил взаимоотношений.

Издержки в стиле работы органов управления и должностных лиц проявляются в проблемах морально-психологического обеспечения группировки внутренних войск в составе ОГВ на Северном Кавказе. В целом система МПО позволяет выполнять поставленные перед группировкой задачи. Подавляющее большинство военнослужащих понимают их государственную важность, показывают примеры мужества, стойкости и отваги. В текущем году наметилась тенденция к снижению негативных явлений среди личного состава. Однако успокаиваться на достигнутом мы не вправе — такой должна быть принципиальная позиция офицеров структур по работе с личным составом, подчеркнул заместитель главнокомандующего.

В организации и планировании МПО служебно-боевой деятельности группировки войск имеются недостатки, негативно влияющие на качество выполнения служебно-боевых задач. В некоторых частях и подраз-

делениях планы морально-психологического обеспечения составляются формально, по шаблону, дублируются из месяца в месяц. Остается на низком уровне качество проведения занятий по ОГП, ее воздействие на укрепление дисциплины. Зачастую не используются наглядные пособия, технические средства воспитания. Не всегда эффективно работают пункты психологической помощи и психореабилитации на КП частей группировки. Необходим более строгий учет в распределении гуманитарных грузов. Нередко дает сбой система доставки периодических изданий, отправляемых Главкоматом из Москвы в группировку.

Заострив внимание участников сбора на этих и других проблемах, генерал-лейтенант С.Кавун определил действенные меры по совершенствованию МПО на самом трудном и ответственном направлении служебно-боевой деятельности. Напомнил, что своевременное планирование, качественная организация и корректировка морально-психологического обеспечения частей, действующих на территории Чечни, — задача не только Северо-Кавказского округа. Повышение персо-

нальной ответственности должностных лиц за сохранение жизни и здоровья военнослужащих, улучшение их социального самочувствия, уровня информированности, укрепление морального духа личного состава — предмет повседневной заботы всех структур по работе с личным составом.

Немало серьезных проблем накопилось также в кадровом обеспечении МПО, констатировал докладчик. Хотя за последние четыре года удалось довести общий процент укомплектованности органов по работе с личным составом до 92 процентов, тревогу вызывает снижение качественных характеристик этой категории офицеров. Резко сократилось количество заместителей командиров подразделений по РЛС с базовым образованием. Причем большинство из них имеет стаж работы в должности от одного до двух лет. В результате роты, где решаются все вопросы воспитания и укрепления воинской дисциплины, испытывают острую нехватку профессиональных организаторов этой работы.

Для выхода из сложной ситуации необходимо продумать вопрос о возобновлении переподготовки офицеров структур по РЛС на базе курсов усовершенствования офицерского состава Санкт-Петербургского военного института. Наряду с этим следует позаботиться о доподготовке вновь назначенных заместителей командиров рот по работе с личным составом, получивших образование экстерном. Таким же способом организовывать на местах обучение культурно-досуговых работников, поскольку нет возможности удовлетворить потребности округов в выпускниках учебных заведений данного профиля.

Подводя черту под аналитическим разделом доклада, заместитель главнокомандующего подчеркнул: ключ к успеху в решении задач морально-психологического обеспечения — постоянное совершенствование стиля и методов организаторской и воспитательной работы структур по РЛС округов, соединений и воинских частей. Для этого необходимо повысить требовательность к должностным лицам органов военного управления, добиться выполнения всех руководящих документов, служебных обязанностей. Активнее внедрять передовой опыт, держать руку на пульсе времени.

Продолжающееся реформирование войск в недалеком будущем потребует коренного пересмотра привыч-

ных взглядов на обеспечение моральной составляющей боевой и мобилизационной готовности, сказал в заключение генерал-лейтенант Станислав Кавун. Меняется обстановка, меняются люди и их отношение к службе. И столь же быстро должны меняться формы и методы воспитательной работы. Это касается прежде всего более грамотного применения педагогики, психологии и социологии в практике работы с людьми. Причем речь идет не только об узких специалистах, но и обо всех офицерах, имеющих в подчинении личный состав. Степень их моральной воспитанности — вот наша перво-степенная забота.

Обобщающий вывод: система МПО внутренних войск в целом адекватно реагирует на решение служебно-боевых задач, однако в ближайшей перспективе многие ее элементы должны быть усовершенствованы и дополнены. Сейчас на подписи у Президента Российской Федерации находится указ о переходе Вооруженных сил, других войск, воинских формирований и органов к единой системе воинского воспитания. Военным советом ГКВВ разработана и утверждена Целевая программа совершенствования морально-психологического обеспечения в ходе реформирования внутренних войск МВД России на 2002 — 2005 годы. В ней определены конкретные мероприятия по приведению организации МПО в соответствие с новым статусом, оргштатной структурой, способами служебно-боевого применения войск. Их выполнение — необходимость, продиктованная жизнью.

Принципиальные замечания и конкретные требования по улучшению МПО в округах, соединениях и воинских частях заместитель главнокомандующего высказал в ходе заслушивания сообщений участников сбора. Главный лейтмотив этих установок таков. Нельзя жить вчерашним днем, занимая пассивную, выжидательную позицию. Залог успеха — чувство нового, активность, инициатива в решении поставленных задач.

Для совершенствования профессионализма руководителей структур по РЛС с учетом современных требований в отделах управления по воспитательной работе ГКВВ были подготовлены инструктивные доклады по вопросам укрепления воинской дисциплины и правопорядка, повышения действенности воспитательной и социально-правовой работы, культурно-досугового и информационного обеспечения.

В расположении мотострелковой роты и в учебном районе размещения оперативного батальона с участниками сбора проведены показательные занятия, в ходе которых детально рассматривались особенности планирования МПО в пунктах постоянной и временной дислокации.

Подводя итоги этих занятий, начальник управления по воспитательной работе ГКВВ генерал-майор Владимир Светличный поставил задачу активно использовать приобретенные знания и опыт для совершенствования профессиональной подготовки офицеров структур по работе с личным составом.

**Подготовил полковник
Юрий КИСЛЫЙ**
Фото автора и
Юрия ВОЙТЕНКО

Не так давно среди жителей Иванова был проведен социологический опрос. Различным по возрасту категориям населения предлагалось ответить на несколько вопросов. На вопрос: "Санкт-Петербург — это..." — предлагалось три варианта ответа: колыбель революции, центр российской культуры и криминальная столица. 65 процентов жителей города в возрасте от 50 лет и старше выбрали для ответа первый вариант. 70 процентов жителей от 25 до 50 лет выбрали второй. А 75 процентов молодежи — третий.

В этом же социологическом опросе был отмечен еще один факт. На вопрос: "Ваши действия при виде того, как группа подростков сжигает Российский флаг?" — около 20 процентов молодежи затруднились дать ответ. 33 процента предпочли выбрать вариант: пройду мимо, как будто ничего не случилось. Чуть больше 20 процентов обратились бы к представителям власти и лишь немногим более 10 процентов предпочли бы вмешаться.

Для проведения социологического опроса Иванова выбрали не случайно. Типичный российский город. Я далек от мысли, что в Туле или Ярославле картина разительно бы отличалась. Плюс-минус пять-семь процентов. Но тот факт, что для 75 процентов молодежи Санкт-Петербург ассоциируется с криминальной столицей, уже говорит сам за себя. Мне не верится, что в Соединенных Штатах Америки бешеным успехом пользовался бы фильм под названием "Криминальный Нью-Йорк".

25 апреля в Государственной Думе Российской Федерации состоялись парламентские слушания на тему "О ходе выполнения государственной программы "Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001 — 2005 годы". В слушаниях приняли участие член Комитета Государственной Думы по делам ветеранов генерал армии Игорь Родионов, председатель Комитета Госдумы по делам ветеранов Маршал Советского Союза Виктор Куликов, заместитель министра образования Российской Федерации Юрий Коврижный, начальник Главного управления воспитательной работы МО РФ генерал-полковник Виталий Азаров, депутаты Госдумы, представители федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации,

органов законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации, представители Минфина, общественных объединений и творческих союзов.

Рассматриваемый на слушаниях вопрос злободневен. Таким низким уровень патриотизма в нашей стране не был никогда. В условиях перехода к рыночной экономике наиболее опасной по своим последствиям оказалась деформация духовных ценностей российских граждан, и прежде всего глубинных основ — нравственности и патриотизма, чреватая постепенной утратой нашим обществом патриотического сознания. Выступавшие перед собравшимися в зале особо подчеркивали этот факт. По словам генерал-полковника Виталия Азарова, уровень патриотизма солда-

та середины восьмидесятых годов прошлого столетия и современного призывника просто невозможно сравнить. Если первый стремился с честью выполнить воинский долг в Афганистане, то второй порой идет служить в армию лишь потому, что воспринимает военную службу как фатальную неизбежность и боится уголовной ответственности.

Впервые была принята государственная программа "Патриотическое воспитание граждан России", которая должна послужить мощным импульсом развитию системы патриотического воспитания. Однако, несмотря на то, что программа утверждена постановлением Правительства Российской Федерации 16 февраля 2001 года, на сегодняшний день она не профинансирована из федерального бюджета ни на копейку. А отсюда — слабое оснащение материально-технической базы патриотических клубов и учреждений, недостаточное программно-методическое обеспечение процесса воспитания граждан, отсутствие заинтересованности средств массовой информации в проведении патриотического воспитания граждан и ряд других нерешенных задач.

Несмотря на это, по мнению участников слушаний, федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации работают над выполнением этой государственной программы. В ряде регионов России разрабатываются основы нормативно-правовой базы патриотического воспитания, проводятся ведомственные и региональные мероприятия патриотической направленности. Не остались в стороне и Вооруженные силы, рода и виды войск Российской Федерации, где патриотическому воспитанию молодежи в ходе занятий по общественно-государственной подготовке уделяется большое внимание.

В конце слушаний собравшиеся в зале приняли решение обратиться с парламентским запросом к Председателю Правительства Российской Федерации Михаилу Касьянову о финансировании государственной программы "Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001 — 2005 годы".

Алексей НЕДЕЛИН

ПАХАРИ

ВОЙНЫ

"Витязей" подняли ранним утром. Вчера, ближе к полудню, вертушки перенесли их, окоченевших от холода, из высокогорного селения, где даже в конце апреля лежал снег, на базу в Ханкалу. Офицеры и бойцы законно рассчитывали хотя бы день провести в лагере, но на войне спецназ работает на износ. Времени на сборы - минимум: надеть еще не до конца высохший камуфляж, надоевший бронежилет и тяжеленную спецназовскую маску, схватить оружие с боеприпасами и прыгнуть в уже газующий БТР.

КУДА поедут в этот раз — не знал никто. Для обеспечения режима секретности маршрут выдвижения доводят непосредственно перед маршем. БТРы и "Уралы" отряда уже выстроились ленточкой перед КПП группировки.

— Едем в родовое селение Бараева, в Алхан-Калу, — перекидывая рев двигателя, доводит маршрут исполняющий обязанности командира группы лейтенант Александр Н. — Там, по оперативным данным, намечен сбор полевых командиров.

Полевых командиров так полевых командиров. "Витязям" не привыкать и с полевыми командирами драться. Они привыкли, что спецназ на войне всегда направляют туда, где тяжело. Внушительная колонна отрядовских "Уралов" с БТРами рвет утреннюю грозненскую тишину. Несколько минут назад, проскочив че-

рез обнесенный рядами колючей проволоки контрольно-пропускной пункт, мы въехали в спящую столицу Чечни. Ветер хлещет в лицо. Да так, что слезятся глаза. Половина нашей группы сидит на броне. Остальные приютились с экипажем БТРа среди коробок с сухим пайком и боеприпасов. Справа и слева проносятся разрушенные здания, где вполне могут спрятаться чеченские снайперы. Пулеметчик группы сержант Сашка, которого все называют Черный, перекидывает ствол ПКМа и направляет его на окна.

По дороге успеваем познакомиться. Невысокий, коренастый снайпер по прозвищу Горыныч срочную служил в разведоте одного из полков ОДОНа. Сейчас — по контракту в "Витязе". Фанат своего дела. Даже в нечастые минуты отдыха постоянно что-то мастерит для своей винтовки, камуфлирует ее. Сидящий слева от башни БТРа крепыш-контрактник Витек в отряде с 1999 года. Поначалу он сторонится фотоаппарата и отворачивает лицо от объектива. Чуть впереди него в шапке, наподобие той, которую носили наши солдаты в Афгане, сидит высокий не слишком разговорчивый парень Пашка, которого все почему-то называют Федором, за ним — невысокий жилистый лейтенант-"краповик" Денис. Он в "Витязе" уже старожил. Служил здесь срочную и сверхсрочную, а по окончании курсов при Владикавказском институте внутренних войск получил офицерское звание. Под броней, ошетинившись стволами, едут срочники. Все вместе они — одна из групп спецназа "Витязя". Называют друг друга в обиходе братишками, и случись что — отдадут друг за друга жизнь, как

это сделал их сослуживец сержант-контрактник Сергей Бурнаев в Аргуне. Сейчас ими командует лейтенант Александр. В спецназовской трехкилограммовой маске с забралом он выглядит очень грозно. А когда снимает ее — моментально преображается, широкой улыбкой подкупая собеседника. В прошлом году Александр закончил Новосибирский институт внутренних войск. По сроку Сашке уже несколько месяцев надо бы щеголять старлеем, но приказ о присвоении звания еще не пришел.

К Алхан-Кале подъезжаем утром. Уже рассвело, и издали видна боевая техника полка мотострелков, который стоит в оцеплении. Из-за близости расположения им пришлось окружить аж три населенных пункта: Алхан-Калу, Кулары и Ермоловское. Солдатики, загораая в свежевырытых окопчиках, подставляя лица пробивающемуся через облака солншку и с уважением смотрят на проносящиеся БТРы с сидящими на них спецназовцами. Мотострелки знают: несмотря на то, что к операции привлечено более тысячи человек, именно им, спецназовцам внутренних войск, придется выполнять самую важную и сложную задачу.

Перед въездом в село исполняющий обязанности командира отряда подполковник Дмитрий Чернов ставит задачу. Грузовики с полевой кухней и палатками сворачивают в поле и обустраивают лагерь. А штурмовые группы сразу после возвращения командиров устремляются в село.

СКОРОСТЬ у БТРа — за восемьдесят. Время поджигает. Нашей группе дали несколько адресов для проверки. Строго предупредили о соблюдении

мер безопасности: по предварительной информации именно там и должны были собраться боевики.

Пропетляв по улицам, наша "корбочка" резко останавливается у белого двухэтажного дома. Командир подает команду "К машине!", но на броне ее застают лишь изготовившийся для прикрытия снайпер: все бойцы уже прыгнули и, прикрывая друг друга, заблокировали входы и выходы здания. На долю секунды застыв у входной двери, Витек резко открывает ее и отходит в сторону. Первым туда влетает уже бегущий командир группы. За ним через доли секунды вбегает Денис.

— Где ключи от этой двери?

Вопрос офицера повис в воздухе. Естественно, из рядом стоящих женщин никто и знать не знает, где искомые ключи от одной из комнат.

— Кто там сейчас?

— Никого, сынки.

Ждать нет времени. Бойцы изготавливаются для стрельбы сидя. Удара ноги замок не выдерживает. Комнату тщательно осматривают. В ней простукивают полы, отодвигают диван и отгибают ковры. Видимых следов пребывания посторонних нет. На чердаке также все чисто. Вернее, не совсем чисто, потому что солдаты, досматривающие чердак, вылезли все в пыли. Но ничего не нашли. Потому и говорят при докладе: "Все чисто, товарищ лейтенант". Поиски во дворе также не дали никаких результатов. Хоть извиняйся за вторжение. Командир негромко чертыхается. Бойцы ищут снова. Результата нет. После доклада командира по рации группа сворачивается и выходит на улицу. Здесь, в таких же домах, как и наш, работают другие группы "Витязя". Результатов никаких. Да и не будет результата. Это командиры групп поняли по многим признакам: не суетятся женщины, не снуют из дома в дом мальцы, что-то лопочущие по-своему, и мужчины

ведут себя спокойно, ведь с документами-то полный порядок.

Колонна возвращается на базу в поле. Здесь — разительные перемены. За час, проведенный нами в селе, в поле вырос палаточный лагерь. Уже дымит походная кухня, готовящая долгожданный обед, вкопаны столбы с умывальниками. Рядом с лагерем "Витязя" расположился "Росич". Знакомимся. Крепкий, жилистый, лысый старлей Андрей говорит, что их отряд зачищает Ермоловское. Кажется, что с момента приезда прошло всего несколько минут, а группам уже снова дана команда: "В ружье!". Снова через позиции мото-

стрелков пылим в Алхан-Калу отрабатывать следующий адрес. Солдаты приветливо улыбаются нам вслед.

Одноэтажный дом стоит на перекрестке. На этот раз лихой водитель БТРа контрактник Серега остановил машину перед поворотом, чтобы

— Есть ведь в доме оружие. Ну чувствую, что есть, — сплевывая сквозь зубы и доставая сигарету, говорит Витек. — Только хрен мы его найдем. Для этого не только весь огород перелопатить надо, а еще и в доме каждую доску в полу простучать. А может, и в стене.

— Да, здесь они нас обошли, — подводит итоги первых выездов командир, — прячут они лучше, чем мы ищем.

Пока лучше. У других групп также результатов нет. Нет ни задержанных по подозрению в причастности к незаконным вооруженным формированиям, ни оружия, ни боеприпасов. Уже почти желанных.

Обедали в первый день на скорую руку. Да и обедом назвать этот прием пищи можно было с натяжкой. Мы вернулись около шестнадцати, пока разделись, умылись — уже половина пятого. Что-то среднее между обедом и ужином. Зато маленький чумазый поваренок Максимка расстарался — приготовил такой наваристый гороховый суп, что все, не стесняясь, попросили добавки. Едва успели перекусить — новая боевая задача. Проверить еще один адрес.

часть группы прыгнула и зашла со стороны фасада здания. Другая же часть влетает через изрешеченные пулями ворота. По этому адресу так же досконально досматриваются все помещения, проверяются паспорта, домовые книги и документы на автотранспорт, которого в большом дворе немало: даже старенький "пазик" нашел здесь пристанище. Результат опять нулевой. Сашка уже матерится. Тихо так, чтобы никто не слышал. Но бойцы понимают это по-своему. Так, как хочет командир. И снова в поисках подвалов поднимают половики, слетают с чердака листы железа, под которыми можно спрятать все что угодно, сдвигают даже старенький бесколесный "Москвич", который ну больно уж подозрительно стоит. Слишком ровно. Результат прежний. Вернее сказать, нет результата. Желая всего "самого доброго" и "скорох встреч", после чего у хозяина дома предательски подогнулись ноги, группа удаляется к БТРу.

Командир серьезен. Действия нашей группы по замыслу прикрывает другая. Раньше мы действовали самостоятельно. Это уже один из сигналов того, что предстоящий выезд будет особенным. Впрочем, здесь, на теперешней вялотекущей войне, каждый выезд особенный. И, к сожалению, для кого-то последний.

Привычное наше расположение на броне нарушает один оперативник — майор ФСБ. Он сел между Федором и Денисом. Этот майор пойдет работать с нашей группой...

— Видишь, как хитро сделали? — Сашкин палец показывает на одну калитку в начале улицы.

— А что тут хитрого? — удивляюсь я.

— Да ты посмотри вон туда.

Вдалеке, в конце едва видимой дорожки, виднеется другая калитка, выводящая на параллельную улицу. И впрямь удобная вещь. Удобная для того, кому скрыться надо. Вошел с одной улицы — вышел на другую. При зачистках, как правило, заходят с одной стороны улицы. Но в каждом правиле есть свои исключения. Сегодня это исключение — группа, прикрывающая действия подчиненных Александра. Они уже давно выставили секрет неподалеку от двери (чтобы не светиться) и ждут, когда оттуда кто-то выбежит.

Никто не выбежал. Сашка аж плюнул с досады. И в этом доме все чисто. Осмотрели все: здание, хозяйственный двор, даже в выгребной яме палкой полазили. Ан нет. Все чисто. И с документами у жителей порядок. В первый день наша группа еще три раза выезжала в Алхан-Калу. Результат оставался прежним. Не только у нас. У всего отряда. Спать мы не легли. Свалились. Так вымотались за день.

А В СЕЛА под покровом темноты пошли поисковые группы фэсбэшников.

У них там были свои дела — незадолго до этого пост радиоперехвата засек разговор двух абонентов:

— Иса, как там у тебя?

— Пока все тихо. Сажу.

— Как там наш человек в “Кабуле” (Кулары. — **Авт.**)?

— Тоже сидит. Ждет.

Именно после этого оперативники и пошли в “Кабул”, а вернее сказать, в Кулары. И нашли-таки того человека, который кого-то или чего-то ждал. Но не дождался. И дал показания. Да еще какие! По крайней мере, дальнейшая работа стала куда результативнее.

На следующий день до обеда наша группа отдыхала. Ночью мы составляли патруль и несколько секретов.

— Журналисты, прыгайте ко мне в машину. Братишки из “Росича” что-то нашли, — это подполковник Дмитрий Чернов. Несколько минут, и мы мчимся через Алхан-Калу в Ермоловское. В командирском бронированном “уазике” тесно: впереди водитель, справа от него — руководитель спецоперации: степенный полковник в черной куртке, о котором даже тертые “витязи” отзываются с уважением. Нас сзади сидит четверо. Все с оружием. Ну молодец командир. Зная, что будем стукаться друг о друга, позвал-таки с собой. Спасибо!

За забором разбитого цеха многолюдно. Бойцы и офицеры “Росича” собрались около находки. Охрана пропускает руководителя спецопе-

рации. В пестрой спецназовской массе без труда узнаю знакомых офицеров. Здесь их группы нашли целый арсенал оружия: несколько ящиков с гранатами, выстрелы к противотанковому гранатомету, залитые маслом канистры с патронами, пистолет и даже медицинские носилки. Тремя здоровенными трубами над этой мелочью возвышаются два переносных зенитно-ракетных комплекса и один станковый противотанковый гранатомет. Весь этот арсенал был тщательно заминирован. Разминированием его занимался начальник инженерной службы отряда. После этого все, что можно было вынести, вынесли, а что представляло хоть какую-то опасность, взорвали.

“Витязи” тоже в стороне не сидели. Несколько групп по указанным адресам нашли лиц, подозреваемых в причастности к незаконным вооруженным формированиям. Вскоре около блокпоста, выставленного от одного из соединений внутренних войск, образовалась внушительная толпа женщин. Ближе к обеду приехала и сама глава администрации села, которая до этого не жаловала своим вниманием солдат, несущих здесь службу. А глава администрации одного из сел “от чистого сердца” подарил спецназовцам барана. Понял, с кем дело имеет. Да только спецназ не задобришь...

Закончилась спецоперация в Алхан-Кале так же быстро, как и началась. Еще утром группы выезжали на задания, а ближе к обеду представителям командования Объединенной группировки на территории Северо-Кавказского региона и представителям администрации района и республики были показаны изъятые оружие и боеприпасы.

А показать было что. От одного СПГ, попади он в умелые руки, может погибнуть не один десяток человек и не одна единица техники. Да два ПЗРК тянут на два вертолета и десятки, если не на сотни, спасенных человеческих жизней. Рядом лежали ящики, таящие в себе смерть, с гранатами, выстрелами к гранатометам, патронами... Вот так и спасают человеческие жизни спецназовцы, зачастую рискуя своими.

На следующий день без заезда на базу бойцы полка спецназа “Витязь” убили для проведения спецоперации в Ар-гун. На войне спецназ работает на износ.

Капитан Альберт КУДРЯШОВ
Фото Дмитрия БЕЛЯКОВА

Фамилии изменены

КРАЙНИЙ день моей энной по счету чеченской командировки. В ожидании борта перед возвращением на Большую землю в аэропорту Северном офицеры коротают время, беседуя "за жизнь". Вспоминают о боевых делах. Как водится, у каждого фронтовика-кавказца припасена для такого случая коронная история. Вот и мне пришлось на память эпизоды, которые вызывают желание мысленно поаплодировать смелому и умелому русскому солдату.

В 1995 году я был прикомандирован к сводному батальону ульяновского полка внутренних войск, выполнявшему задачи в районе Шалажей. Участок нам нарезали очень сложный, село кишело бандитами. С учетом этой обстановки батальону были приданы подразделения Северо-Кавказского округа ВВ, включая артиллерию.

Хотя артиллерия — громко сказано. В наших боевых порядках работал всего-то минометный взвод с 82-миллиметровыми "смаковарами" 1943 года выпуска. Но результаты показывал такие, что все только диву давались. И то сказать, стволы разболтанные, мины в полете "танцуют", а поражение целей — с поистине снайперской точностью.

Приданными артиллеристами управлял сержант Роман (фамилию по понятным причинам здесь не называю), штатный командир расчета. С виду, как и все бойцы-срочники, пацан пацаном. Да

только не зря говорят на Руси: "Молодо — не всегда зелено". По уровню боевого мастерства наш Ромка мог дать фору иному профессионалу с высшим образованием и богатым опытом. Одно слово — артиллерист от Бога. Уникальный глазомер. Отменные математические способности: производил в уме расчеты, что твой компьютер — быстро и безошибочно. А характером — под стать матерым спецназовцам или разведчикам. В деле — решительный и хваткий.

Прибыл к нам однажды на-

чальник артиллерии округа. И сразу же с вопросом к комбату майору Сергею Михайлову:

— Кто у вас командует артиллерией?

— Сержант...

— Контрактник?

— Никак нет, срочной службы.

И спрашивается на пять с плюсом.

— Что ж, поглядим, каков он, ваш отличник.

Когда прибежал по вызову Роман, полковник, взглянув на запыхавшегося паренька, с сомнением покачал головой.

— Обстановка тут, знаю, не курортная. Лейтенанта надо бы поставить на взвод. Ну да ладно. Видишь высотку, товарищ сержант? Во-он ту, с пологими скатами, — указывает навскидку. — Определи координаты и рассчитай на карте расстояние до вершины этого холма.

Ни слова не говоря, Ромка вытаскивает из потертой командирской сумки шнурок с привязанным гвоздем, линейку и два скрепленных нитками транспортира с отверстием посередине. Разворачивает карту, накладывает импровизированный угломер на точку стояния, гвоздик — в отверстие. Затем протягивает шнурочек до заданной цели, измеряет линейкой длину отрезка. Сошпурившись и с минуту пошевелив губами, докладывает:

— Расстояние 2 километра 731 метр. Дирекционный угол... прицел...

Ну и так далее по всем артиллерийским параметрам.

У полковника вытянулось лицо.

— Кто так считает? Какой 731 метр?!

Достает умный элек-

Ромка — АНТИСНАЙПЕР

тронный прибор, включает, наводит на цель. И не верит собственным глазам. После загорания зеленого индикатора на табло высвечивается: 2.731.

— Сержант, откуда ты такой молодец взялся?! Тебе ж цены нет! — и давай обнимать Романа от избытка чувств.

А того восторженными похвалами не удивишь.

— Меня недавно вот так же и генералы обнимали, — говорит, пряча смущенную улыбку.

Это, впрочем, присказка. Сказка, точнее, фронтовая история из жизни — впереди.

Повадился обстреливать наши позиции крутой снайпер. Каждое утро, как только рассеется дымка, вышагивает из Шалажей легкой походкой. В руках "бур", на голове белая папаха. Рисует, гад, зная, что из "эсвэдашек" и "калашей" его не достать. Показав свой гонор, подходит к дзоту за околицей села, снимает папаху,

надевает черную кепку — берегись, мол, взвэшники, приступаю к работе. И демонстративно занимает позицию, высовывает в амбразуру ствол. Шалажинские бандиты тут же открывают плотный огонь, втягивая наших в перестрелку. Под шумок "дух" незаметно выскальзывает из дзота, оставляя в амбразуре запасную винтовку, чтобы ввести бойцов в заблуждение, а сам с дальнобойным "буром" укрывается неподалеку. Стрельба постепенно умолкает. В течение получаса — тишина. Коварная, обманчивая: враг пасет очередную жертву.

Нехитрую уловку, которую чеченец педантично повторял изо дня в день, мы разгадали после первой же его охоты. Да что толку! Он находился вне досягаемости для стрелкового оружия батальона. К тому же замаскироваться в густой зеленке не составляло

большого труда. Попробуй-ка вычислить, откуда пальнет "бур".

Пока треклятый "дух" не уберется восвояси, солдаты носу из окопов не кажут, кроют бандюка последними словами. Часовые на постах и вовсе чувствуют себя смертниками: внутри круглых бетонных блоков теснотища, как ни пригибайся, как ни поворачивайся, пуля, влетевшая в смотровую щель, по-любому ужалит. Вычислив это уязвимое место, в амбразуре и целился меткач. Семерых бойцов ранил. Только по случайной случайности никто от снай-

рвалась у основания бетонной плиты. Вторая — рядышком.

— Таким макарон и прихлопнем "чеха" вместе с его парадной папахой! — деловито произнес комбат. — Лишь бы не передумал охотиться, волчара.

— Не беспокойтесь, товарищ майор, — потер ладони Ромка. — Выйдет как пить дать. У "чичика" здесь козырный интерес. В удовольствие ему военным шайбы забивать, перед своими красоваться.

В это утро "дух" не появился. То ли опасность почуял, то ли выходной решил себе устроить. И еще три дня прошли в томительном ожидании: "духа" нет как нет. Комбат хотел уже дать Роману отбой... И вдруг наблюдатель докладывает на КП:

— Снайпер вышел из села. Направляется к дзоту...

У Михайлова в глазах загорелись искорки азарта. Хватает телефонную трубку, связывается с огневой позицией.

— Роман, ты готов?

— Через тридцать секунд после вашей команды — выстрел!

Комбат приказывает дежурному офицеру занять место у телефона, а сам наблюдает в дальномер.

— Так-так-так, снял папаху, надел кепку...

— Так-так-так, надел кепку, — возбужденно дублирует дежурный.

— Да мне по фигу, так-растак, что он там надевает! — рычит в трубку сержант. — Командуйте, когда стрелять!

— Так, высунул ствол... Огонь!

— Огонь!

Через полминуты ахнул Ромкин миномет, и амбразуру — в бинокли было отлично видно — заслонил огненно-дымный куст. Тяжелая лобовая плита заваливается внутрь дзота...

Со стороны противника ни

перских пуль не погиб.

Короче говоря, достал, сволочь, до самых печенок.

И вот, помню, на вечернем совещании кто-то из офицеров мечтательно произнес:

— Пушку бы нам. Снарядом шарахнуть по дзоту, когда снайпер там угнестится для понта. Другого способа нет.

— Есть! — воскликнул комбат и показал большой палец офицеру, натолкнувшему на спасительную идею. — И как мы раньше не додумались?! Ромка выручит!

На рассвете майор Михайлов ставит Роману задачу — для пристрелки хлопнуть "дымом" по гнезду "кукушки".

Сержант рад стараться. Поколов на карте своим легендарным утломером, установил прицел и ласково погладил ствол "самова-ра": не подведи, старичок.

Первая сигнальная мина разо-

единого выстрела. Молчим и мы. Не веря в удачу, курим, наблюдаем. Долго ждать не пришлось. Едва высмолили по сигарете — ожгло осиное гнездо. Четверо боевиков бегом потащили тело снайпера к селу. Из Шалажей донесся страшный женский вой. Уделал-таки Роман наглеца.

— От имени личного состава батальона большущее спасибо тебе, антиснайпер! — крепко пожал руку сержанта комбат. — Буду писать представление. Заслужил награду! А сейчас готовимся к ночному бою. Уверен, “чехи” наваяются на нас всей бандой. Будут мстить за смерть своего “красавчика”.

Чутье не обмануло майора. Около полуночи бандиты с бешеной пальбой стали прорываться к переднему краю. Но не тут-то было! Разрывы мин и “агэсных” выстрелов, дружные очереди из окопов скоро охладили их пыл. Крепко получив по зубам, “духи” откатились к Шалажам. Бой мы закончили без потерь.

Через пару дней сверху приказ — провести разведку в радиусе пяти километров и усилить давление на противника.

— Для полноценной разведки сил в батальоне маловато, — сказал на совещании Михайлов. — К тому же риск нешуточный — углубляться на территорию “индейцев”. Однако кто не рискует...

— Меня в разведгруппу назначьте, товарищ майор, — попросил Роман. — Лишним не буду...

— А что, сержант, пригодится в разведке твой глаз-алмаз.

Тщательная подготовка, инструктор — и небольшая группа во главе с самым крепким в батальоне офицером пошла по указанному маршруту. Направление выбрали верное. Метров двести проползли разведчики, глядь — нора. Прислушались. Из норы — ни звука, хозяин в отлучке.

— Скорее всего это лежище снайпера, — шепнул старшему Роман. — Надо наведаться с подарком.

Протискивается в лаз, включает фонарь. Схрон обжитой. На земляном выступе огарок свечи, спортивный костюм и толстая

книга на арабском языке. Недолго думая, сержант достал “эфку”, поставив гранату на боевой взвод, спрятал ее в костюме, рычаг прижал увесистым томиком.

— “Лимончик” оставил, к чаю, — выскользнув из норы, тихо засмеялся Ромка в ответ на вопросительные взгляды товарищей.

Идут дальше. И вновь — удача. Не зря парили мозги над картой, определяя маршрут.

Впереди послышались голоса. Четверо боевиков заняты оборудованием огневой позиции. Трое, отложив стволы и лопаты, присели на бруствер отдохнуть. Один, с автоматом на плече, заканчивает обшестку свежерытого окопа. Любого из них можно захватить в качестве языка.

— Руки вверх! Не двигаться! — взяв “духов” на прицел, крикнул офицер.

Отдыхавшие злобно выругались по-русски, однако руки подняли.

Копач молча воткнул лопату в землю, демонстрируя готовность подчиниться, пошевелил ладонями. И вдруг, с молниеносной быстротой сорвав с плеча “калаш”, падает на колени за спинами сидевших боевиков и применяет “чеченский вариант”: оружие в вытянутых руках над головой, очереди — веером.

Разведчики отреагировали почти синхронно. Трех уложили прицельными выстрелами из автоматов. Шустрого стрелка Ромка ликвидировал, метнув ему под ноги гранату.

Все произошло в считанные секунды. Есть время для отхода. Да вот беда, ранен старший. Тяжело, в грудь. При таком раскладе отступать всей группой — верная гибель, “духи” настигнут. Кто-то должен остаться, задержать огнем боевиков, которые появятся с минуты на минуту.

— Уносите командира! — приказал Роман. — Я прикрою. Маршрут — по тропе, через камыши, это кратчайшая дорога. Вперед!

Пятясь вслед за товарищами, сержант ставит на пути отхода растяжку с двумя “эфками”. Отбегает на безопасное расстояние, укрывается за кустарником... Как только у позиции с расстрелян-

ными “духами” появились боевики, выдает себя автоматной пальбой, чтобы завлечь бандитов в капкан. И — ноги в руки. По звукам выстрелов за спиной чувствует: озверевшие “духи”, растягиваясь в цепочку, преследуют крупную стаю.

Взрывы, громкие крики... “Сработал “спотыкач”! Человек шесть-семь поражены осколками, не меньше”, — с этой мыслью Ромка прибавил скорость и догнал разведчиков, подходивших к камышовым зарослям.

А позади нарастает огонь, бандиты приближаются... Опоздали, к камышам им ходу нет. Дежурные расчеты АГСов кучно кладут выстрелы, отсекают боевиков.

Отдышавшись, Роман поспешил к своим “самоварам”. Денек обещал быть очень жарким.

Вскоре бандиты подтянули свежие силы и пошли в атаку с намерением расквитаться за дерзкую вылазку разведчиков.

Целые сутки шел бой. Дорого он обошелся “духам”. По оперативным данным, бандиты увезли в Бамут “Газель” с трупами и два КамАЗа с ранеными. А вечером, после окончания боя, прогремел взрыв в норе, обнаруженной разведчиками. Еще один снайпер нашел смерть от Ромкиного подарка.

Комбат сдержал свое слово — представил Романа к ордену Мужества. Но наверху, как это часто бывает, наградной затерли. Вместо ордена сержант получил знак “За отличие в службе” второй степени.

Моя история прошла на ура. А когда прилетел борт, один из офицеров сказал:

— Почему бы тебе не написать в журнал про минометчика-антиснайпера. Этот рассказ будет дополнительной наградой к Ромкиному кавказскому кресту. А для воюющих бойцов — примером.

“Хорошая идея!” — подумал я. С тем и написал это письмо.

**Подполковник
Сергей КАРЫШЕВ**
Подготовил Юрий КИСЛЫЙ
Фото из архива редакции

Между ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

Пуля, хоть и дура, а цель находит. Да и не только пуля. Взорвавшийся фугас, граната. И еще учтите, что разработчики оружия далеки от сантиментов и задачу себе ставят одну — нанести максимальный урон противнику. А автомату или гранатомету все равно, в чьих он руках: нашего бойца или чеченского бандита.

Все это подумалось, когда из вагончиков медицинского отряда специального назначения (МОСН) внутренних войск осторожно спускали носилки с ранеными. Спеленутые бинтами в кокон, с торчащими прибинтованными к шинам руками, они безучастно смотрели на врачей, солдат, прозрачное, высокое небо. Первый, второй, третий.

Закрылись дверцы санитарного "уазика", и он осторожно покатил в сторону взлетной полосы, где уже раскручивал винты вертолет.

Еще один спецназ — медицинский

Ну-ка заглянем в сумку уходящего с бойцами на операцию санитарного инструктора. Бинты, жгуты, ампулы и шприцы. Складные шины. Негусто. Так ведь и задача у него

— оказать лишь первую помощь.

А если что серьезное, надо организовывать эвакуацию раненого или больного.

Спасение раненого — это целая наука. Началась она со статьи знаменитого хирурга Владимира Оппеля "Основания сортировки раненых с лечебной точки зрения на театре военных действий", опубликованной еще в 1915 году. Применялась разработанная им теория в Великую Отечественную, на афганской войне, работает и сегодня в той же Чечне.

Принцип прост. Первое: чем раньше оказана помощь, тем выше шансы сохранить жизнь. Второе: полный объем помощи и лечения тяжелораненый может получить только в стационарном госпитале. Значит, главная задача — в первые часы стабилизировать состояние раненого, вывести его из шока и обеспечить дальнейшую транспортировку. И если в Великую Отечественную войну раненый попадал в медсанбат через десять-двенадцать часов, то сегодня он получает помощь через двадцать-сорок минут.

Для этого и находится в Чечне

медицинский отряд специального назначения внутренних войск. Приписан он к Главному военному клиническому госпиталю внутренних войск в подмосковном Реутово, ну а работает вдалеке от него, в передних рядах войск, там, где наиболее жарко. А сегодня — в 46-й бригаде внутренних войск, у грозненского аэропорта Северный.

Отряд — это несколько соединенных между собой вагончиков-модулей на территории бригадного медсанбата. В них приемное отделение, рентгенкабинет, стерилизационная, операционная, реанимация, палата для послеоперационных больных, вспомогательные модули.

Вот только пищеблока нет. Больные здесь не едят. Состояние не то. Что надо, получают через вену.

Внутри модулей высокотехнологичное импортное оборудование, не хуже, чем в госпитале или областной больнице. Хотя разница все же есть. И больница, и госпиталь ведут больного до выписки, здесь же главная задача — поддержать раненого в первые, самые тяжелые часы и дни.

При тяжелом ранении с большой кровопотерей врачам на все про все дается не больше часа. При отрыве конечностей первые тридцать—сорок минут есть шанс спасти раненого. Здесь время и на эвакуацию, и на оказание первой помощи. Близость к аэропорту выручает. «Вертушка» с раненым еще летит, а санитарный «уазик» медсанбата уже ждет у взлетной полосы. И в любое время дня и ночи готова принять раненых операционная отряда.

В ноябре 2000-го после подрыва в крайне тяжелом состоянии сюда поступили сразу двенадцать омовцев.

Подкатила машина, открылись дверцы, и сразу начинается сортировка раненых: кого в медсанбат, кого в МОСН. Кого сразу в операционную, кого можно еще провести через рентген, взять анализы.

В этой очереди раненых нет чинов и званий, и если надо, пол-

ковник будет ждать, пока не прооперируют рядового.

Кровь

Лекарства здесь есть. Если даже чего не окажется в аптеке отряда, пришлют из ростовского госпиталя. Главного военного клинического госпиталя внутренних войск. Но главное, что нужно отряду — кровь. Когда после ранения из-за

кровопотери давление падает до 70 мм, отключаются почки. Организм и сам пытается продлить жизнь, начиная гонять кровь по малому кругу: сердце — легкие — мозг.

Ну а дальше необходимо в кратчайшее время влить раненому до двух — двух с половиной литров крови. За первые сутки ему может потребоваться одиннадцать литров крови и кровезаместителей.

Живи долго, Серега!

Взрыв гранаты из подствольного гранатомета и автоматная очередь раздались под Дуба-Юртом 26 апреля. Бандит, прицелившись, полоснул от души. Пули и осколки принял находившийся в карауле рядовой Сергей Ермаков. Бойцы смотрели на истекавшего кровью солдата, и только командир все пытался докричаться по радию о помощи. Санинструктор развернул было свой нехитрый инструмент, да куда там... ранения в грудь и живот из тех, про которые часто пишут: «несовместимые с жизнью».

Место, где находится застава, глухое, ни больниц, ни врачей. Последняя надежда — вызванный вертолет. На часах было 13.30. Сергей уже потерял сознание и не слышал ни шума винтов прилетевшей вертушки, ни как его затаскивали внутрь.

Через сорок пять минут верто-

лет сел в аэропорту Северный в Грозном. На взлетной полосе уже стояла машина скорой помощи. Через пять минут она въезжала в ворота медицинского отряда специального назначения внутренних войск. А дальше — по отработанной схеме.

Приемное отделение и первый осмотр, рентгеновские снимки и анализы. И первый диагноз: ранения сердца, левого легкого, печени, кишечника. Пуля, наворотившая столько в теле, на снимке установилась под ключицей.

В 14.47 солдат с уже включенным аппаратом искусственного дыхания был перевезен в операционный модуль отряда. А когда откачали кровь из легкого и вскрыли грудную клетку, оказалось, что в сердце три ранения и из них два сквозных! Врачи переглянулись. Глаза боятся, а руки делают. Убрали образовавшийся в отверстии

тромб, и в стены и потолок операционного модуля ударила струя крови. Пулевое отверстие заткнули пальцем и стали зашивать. Потом занялись вторым.

Кризис наступил через полчаса после начала операции, когда потребовалось подобраться к сердцу сбоку. Верхнее давление упало до 48 мм, о нижнем просто и речи не было. Началась аритмия. Тогда сердечко на несколько минут оставили в покое и, когда оно вновь ровно забилося, осторожно продолжили работу.

В 16.55, еще когда зашивали грудную клетку, начали работать над ранением в живот, куда попали осколки. В тонком кишечнике обнаружили пять отверстий. Специальным аппаратом удалили пораженный участок.

Операция длилась больше пяти часов. Раненому влили три с половиной литра крови: и своей, той, что откачали из легкого, и донорской из банка отряда. А еще были десятки инъекций.

На улице был поздний вечер, когда солдата перевезли в палату

Начальник станции переливания крови внутренних войск полковник медицинской службы Николай Панасенко обеспечил отряд банком крови всех групп и резус-факторов.

При необходимости прямо из Реутово нужную кровь доставят к самолету, через три часа она будет уже в Моздоке, там погружена в вертолет и через час доставлена в МОСН.

Есть свои доноры и в сорок шестой бригаде.

Люди

Командир МОСН полковник медицинской службы Сергей Савченко работал военным врачом на Камчатке, в Хабаровске и... в Анголе. Там, в отдаленном госпитале, оказался единственным врачом. Кое-кто из обслуживающего персонала чуть-чуть говорил по-английски, Савченко — немного по-португальски. Так и общались.

Впрочем, Сергей Владимирович больше говорит о дне сего-

дняшнем и о своих товарищах.

Сюда приезжают и специалисты из Центрального госпиталя, и врачи госпиталей округов, проходя отличную школу, вытаскивая раненых из пограничного состояния между жизнью и смертью.

Эту школу, в числе прочих, прошли хирург подполковник м/с Михаил Гусев, врачи-реаниматологи старший лейтенант м/с Тамара Смелая и капитан м/с Александр Гуревич, начальник приемного отделения капитан м/с Василий Поп, фельдшер приемного отделения старший лейтенант м/с Лариса Огонькова.

Огромная нагрузка здесь ложится на лаборантов и медсестер. Прапорщику Людмиле Морозовой приходилось брать первые анализы в половине шестого утра, следующие в полдень, последние в 22 часа. И это в обычные дни, когда нет экстренной работы. Прапорщик Вера Жевлатова — рентгенлаборант отряда, ей доверяются самые сложные снимки тяжелых ранений.

На счету операционной медсестры старшего сержанта Светланы Авдеевой уже семь командировок в Чечню, спасенные жизни наших солдат и офицеров.

Вроде и войны сегодня нет, а за год МОСН пропускает через себя и отправляет в госпитали до двухсот тяжелораненых.

Впрочем, сами раненые далеко не всегда осознают, что несколько дней провели в палате реанимации МОСН, и приходят в себя уже в Нальчике, Владикавказе, Ростове-на-Дону или Москве.

Пока мы беседовали с командиром отряда, трое раненых и сопровождавший их врач-реаниматолог уже долетели до Владикавказа. Но передышка у врачей была недолгой, дежурный по авиации сообщил, что на Грозный идет очередной борт с тяжелораненым.

Подполковник Андрей МАКАРОВ

Фото автора

реанимации. Антибиотики, физиологический раствор, внутривенное питание — все это продолжали вводить уже здесь. Стабилизировали его состояние, подготовили Сергея к транспортировке в Главный клинический военный госпиталь внутренних войск в подмосковном Реутово. И командир

МОСН подполковник медицинской службы Александр Ковалев, которому "мирная жизнь" в Чечне не дает расслабиться уже второй месяц командировки, занят другими ранеными. Ведь сюда привозят не только пострадавших военнослужащих внутренних войск, но и милиционеров, сотрудников ФСБ и даже чеченцев. А про Сергея и его ранения врач не устает повторять, что хоть случай и уникальный, но надо учесть и молодой крепкий организм солдата, и то, что сгустки крови заткнули пулевые отверстия, а та, что вытекла, свернулась прямо в сердечной сумке. Вспоминает и про давно отработанную схему оперативной доставки раненых вертолетами.

И все же дело не только в этом, а и в умелых руках операционной бригады медицинского отряда специального назначения внутренних войск. Думается, стоит назвать ее поименно: ведущий хирург подполковник медицинской службы Андрей Сидорко, хирурги подполковник м/с Александр Ковалев и подполковник м/с Кирей Яковлев,

анестезиологи майор м/с Юрий Кошиль и капитан м/с Геннадий Русанов, операционные сестры старший сержант Светлана Авдеева и сержант Екатерина Купцова, сестры-анестезисты старший сержант Елена Яброва и сержант Елена Чугайнова.

По всем принятым в медицинском мире классификациям операции на сердце относятся к высшей категории сложности. Да и в клинике никто не рискнет делать их без специальной бригады кардиологов, аппарата искусственного кровообращения и множества других необходимых приборов. Поэтому к тому, на что решились и сделали врачи и сестры, другого слова, кроме как подвиг, не подберешь.

Сегодня Сергей Ермаков доставлен санитарным рейсом из Грозного в Главный военный клинический госпиталь внутренних войск. Он уже улыбается, встает с кровати.

Живи долго, солдат!

Раф САЙГАНОВ

Фото автора

ОФИЦЕРАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ.

ИМИ СТАНОВЯТСЯ ДАЖЕ ЗА ПОЛГОДА УЧЕБЫ

Начало

— Значит, решили стать офицерами? — Полковник, выдержав небольшую паузу, оглядел строй. — Что ж, дело хорошее. Только не ждите, что эти полгода для вас будут легкими. Дисциплин изучить предстоит много, и освоить их надо по максимуму.

Полковник невысок, кряжист. Во всем его облике — ладной плечистой фигуре, худощавом, с бронзовым оттенком лица, строгих внимательных глазах, в неторопливой манере говорить — чувствуется спокойствие и уверенность. За плечами Юрия Карлашука — четверть века службы, от зеленого солдата-срочника до полковника, начальника курсов подготовки и усовершенствования офицерского состава Санкт-Петербургского военного института внутренних войск. Юрий Михайлович — один из ветеранов института. Его фамилия выбита на Доске почета вместе с фамилиями еще пяти выпускников 81-го года.

Очередной учебный период на

курсах подготовки офицеров начался с размещения и бытового обустройства новоиспеченных курсантов. Уже к вечеру первого дня на шестом этаже одного из корпусов института мы вовсю таскали кровати в кубрики, вешали шторы, приводили в порядок сантехнику и другие атрибуты своего нового жилища.

Наш набор был третьим по счету, после того как канувшие было в прошлое курсы подготовки офицеров при институтах внутренних войск были открыты вновь. Не секрет, что нехватка опытных командиров последние несколько лет является одной из основных проблем в войсках. К тому же многие молодые лейтенанты, прибыв по окончании военных институтов в части и соединения, нередко дают задний ход, столкнувшись с безденежьем, отсутствием жилья и прочими невеселыми нюансами сегодняшней службы. Потому выпускники ускоренных шестимесячных офицерских курсов, люди, в своем большинстве имеющие за плечами многолетний бое-

вой опыт, стали в войсках настоящей палочкой-выручалочкой.

— Главное для вас — теорию освоить, а уж практики вам не занимать! — напутствовал перед дорогой будущих офицеров начальник штаба Московского округа внутренних войск генерал-майор Валерий Боднарчук.

Насчет практики генерал не преувеличивал. Стоявшие в строю курсанты выделялись не только бравым внешним видом. На груди большинства блестяли боевые награды, почти все прошли через горнило чеченской войны. Саперы, связисты, разведчики, спецы из частей по охране важных государственных объектов и двое «краповиков»-прапорщиков из отряда специального назначения «Русь» — вот лишь малая часть тех, кто в последний день сентября съехались в некогда знаменитое на всю страну Ленинградское военно-политическое училище имени 60-летия ВЛКСМ...

В здоровом теле — здоровый дух!

Утренний морозец просачивался сквозь одежду, вонзаясь под лопатки десятками крохотных иголок. Высыпавшие на плац курсанты зябко передергивали плечами, тоскливо поглядывая на оставленную теплую казарму.

— Ничего, сейчас согреетесь! — Наш старшина, старший прапорщик Юра Шарипов из тульского соединения, ободряюще подмигивает нам. — Ну что, готовы? Тогда вперед!

Ощущение холода начало улетучиваться уже на подходе к спортплощадке. Когда же, выбежав на стадион, мы одолели первый круг, от былой зябкости не осталось и воспоминания.

Пот заливал лицо горячими солеными струйками. Сердце отчаянно колотилось, грозя вот-вот выскочить из ставшей в одночасье тесной грудной клетки — расплата за сигареты и прочие излишества прежней жизни. С трудом пробежав километра полтора, добрая половина из нас сошла с дистанции.

— Ничего, мужики! — Старшина, один из немногих осиливший утренний трехкилометровый кросс, добродушно оглядывает наши изнурен-

ные лица. — Через месяц марафонцами будете!

Полоса препятствий стала не только основным испытанием, где каждому из нас пришлось изрядно попотеть, но и выявила все имеющиеся бреши в нашей казавшейся до сего момента безупречной спортивной форме.

— Это еще, как говорится, щадящие условия, — подводит итог наш “физрук”, преподаватель кафедры физической подготовки и спорта подполковник Антон Вяткин. — А если бы вам пришлось штурмовать ее с полной выкладкой — в бронезилете да прочей амуниции? Так что делайте выводы. Вам учить солдат. А метод здесь, как правило, один — личный пример.

Результаты тренировок сказались уже к концу второй недели, на предварительном зачете по “физо”. Курс не получил ни одного “неуда”, да и количество троечников заметно пошло на убыль. Впрочем, это было лишь начало...

Наука побеждать

Под ногами чавкала вязкая глина. Тяжелыми рыжими комьями она облепляла сапоги, и уже на втором десятке минут марша ноги противно ныли. Крупные капли пота, стекавшие из-под каски, обильно заливали лицо. На плечи давили тяжелые бронезилеты. За спиной дребезжал автомат, то и дело сползая набок.

— Быстрее, не растягиваться! — Командир взвода прапорщик Леша Бубнов обернулся и посмотрел в конец колонны. — Время, ребята!

Впереди Бубнова маячила спина преподавателя — невысокого офицера в пятнистом полевом бушлате. Очередные практические занятия по тактике вел подполковник Михаил Ковалев, перешедший в институт год назад с должности заместителя командира одного из отрядов специального назначения. Не знаю, как в других областях, а в тактике Михаил Васильевич — профессионал. Наше доверие и уважение он завоевал с первых же занятий. Во время перекуров на полевых выходах прапорщики засыпали подполковника вопросами, и на каждый из них у Ковалева всегда был готов ответ с примерами из личного боевого опыта в Чечне.

С нами Ковалев был предельно строг и дотошен. Боевой устав сухо-

путных войск — главную “священную книгу” по тактике, он спрашивал, что называется, “от и до”. Не спасала и много раз проверенная на деле зубрежка — подполковник требовал досконального понимания каждой фразы из БУСВа.

— У нас частенько такое встречается — действуют командиры по принципу: “Вяжемся в бой, а там посмотрим!” — говорил он с невеселой усмешкой. — А после, недосчитавшись как минимум доброй половины бойцов, охают да разводят руками. И напротив, те офицеры, что в свое время относились к изучению тактики должным образом, подчас творили чудеса, выполняя малыми силами и без потерь самые сложные задачи. Вам командовать людьми. Лучше исправить свой “неуд” здесь, чем после вам его поставит пуля.

Теория из Боевого устава щедро дополнялась практикой. Уже на обратной дороге с берега Финского залива, где проходили занятия, мы всю решали тактические вводные.

— Делимся на три группы. — Лицо Ковалева сосредоточенно до предела, словно мы находимся не на окраине северной столицы, а в пригороде Грозного. — Командир первой — старший прапорщик Копцев, второй — прапорщик Мамонов, третьей — прапорщик Алексеев. Задача: выдвинуться в сторону гаражей с целью обнаружения разведгрупп противника.

Выслав головной дозор, ведя свою группу в указанном направлении. Высокий камыш нещадно хлещет по лицу, в ботинки просачивается холодная жижка. Чуть впереди, за дорогой замечаю колыхание зарослей: там, так же, как и мы, скрытно пробирается группа Олега Мамонова. Через минуту-другую впереди слышна отрывистая команда Ковалева. В районе, где находится Олег, слышится хруст травы, ветер доносит обрывки его негромких фраз, по интонации напоминающих приказы. Слов разобрать нельзя, однако опыт подсказывает, что соседней группе поступила вводная. Еще

через пару минут рядом с нами вырастает плечистая фигура подполковника:

— Командиру третьей группы! Противник ведет минометный обстрел с тыла, а также с левого и правого флангов! Действуйте!

Времени для размышления нет. Каждый, кто хоть раз бывал под обстрелом, знает, что в данной ситуации все решают секунды. Как назло на ум не приходит ничего, кроме банальной команды: “К бою!”. Моя группа залегает в камышах, пытаясь укрыться от предполагаемого обстрела.

После преподаватель проводит “разбор полетов”. Достается всем.

— Теперь вы, Алексеев. — Подполковник поворачивается ко мне. — На вводную вы среагировали довольно просто: уложили группу на землю, надеясь, что так вы максимально уберете ее от обстрела. Что ж, группу вы действительно “уложили”. В реальной ситуации у вас была бы как минимум половина “двухсотых”.

Опустив голову, молчу. Слава Богу, что бой был учебным.

— А действовать надо было по-другому, — продолжает Михаил Васильевич, — прорываться вперед из зоны обстрела. Так бы потери были минимальными.

В учебном центре “Молосковицы” под началом Ковалева мы поднимались в атаку, грамотно взламывали рубежи обороны условного противника, вовремя залегали в глубоком снегу, укрываясь за стволами

деревьев, пока приданная артиллерия утюжила позиции "неприятеля". А после, когда возвращались в казарму и вновь раскрывали Боевой устав, прежде неясные фразы обретали смысл, становились простыми и понятными.

За штурвалами боевых машин

"Коробочки", попетляв по лесу, остановились у облезлого гипсового монумента, изображавшего ядерный взрыв.

— К машине! — Преподаватель кафедры автобронетехники подполковник Сергей Брилев первым спрыгнул с брони в глубокую снежную колею.

Занятия по вождению боевой техники проходили на базе учебного центра "Молосковицы", на территории, некогда принадлежавшей одной из частей ПВО, расформированной в начале девяностых. После полчасового инструктажа и обязательной сдачи зачетов по мерам безопасности первые курсанты уселись за руль бронетранспортеров.

По очереди проехав по лесу положенные километры, выдвигаемся на танкодром. Две БМП-2 напряженно замерли на старте, нетерпеливо рыча двигателями. По команде преподавателя направляюсь к ближайшей, с бортовым номером 260. В отличие от БТРа до сегодняшнего дня я ездил на боевой машине пехоты лишь в качестве пассажира, потому, оказавшись за штурвалом "бэхи", испытываю легкий мандраж.

— Не бойся, она послушная! — заметив мое состояние, кивает на машину инструктор. — Рулить ею — одно удовольствие!

Врубив нужную передачу, осторожно жму на газ. Машина, резко сорвавшись с места, делает мощный бросок вперед. Едва заметный поворот штурвала, и железная лошадка легко поворачивает влево, вздымая ослепительные снежные вихри.

Порывы ветра бросают в лицо множество колючих снежинок, заставляя ежесекундно щурить глаза. Дорога сплошь усеяна буграми и ямами. Мчащаяся по буеракам "бэха" напоминает лодку, попавшую в шторм. То и дело задирая вверх остроконечный нос, она встает на дыбы и в следующую секунду мгновенно ныряет вниз. Перед глазами, словно в калейдоскопе, стремитель-

но сменяя друг друга, возникает то мглистое небо, то изрезанный гусеницами снег. На очередном повороте машина довольно резко клонит носом. Инстинктивно зажмуриваюсь, однако "двойка" как заколдованная вновь возвращается в исходную позицию.

— Смелей! — слышится в шлемофоне голос инструктора.

На пути вновь возникает внушительная ямина. Пытаясь объехать, принимаю влево, и в следующую секунду "бэха" буквально ложится набок. По всем законам физики мы должны были бы перевернуться, но спустя мгновение машина, промчавшись пару десятков метров по почти отвесному склону, в который раз оказывается "на ногах".

Волнение постепенно рассеивается. Я и машина будто сливаемся в одно целое. Чуткий организм "двойки" мгновенно реагирует на каждое мое движение.

На пути возникает последний поворот. Легкое движение штурвала, и БМП, заложив очередной крутой вираж, вылетает на исходный рубеж.

— Тормози! — командует инструктор.

С сожалением вздохнув, спрыгиваю с брони. Место в люке "двойки" занимает Саша Лаптев из моего отделения.

Искусство огневой выучки

Нередко от людей гражданских да порой и от нашего брата военного доводилось мне слышать нелестные отзывы о преподавателях военных вузов: дескать, чему они там учат будущих офицеров, коли наверняка в войсках-то толком не служили! Однако, лично столкнувшись с педагогами в погонах, решительно скажу обратное: в военных институтах служат одни из лучших офицеров, имеющих за плечами солидный боевой опыт. В их числе подполковник Сергей Лычагин, преподававший у нас огневую подготовку. Он, как и большинство наших наставников, буквально прошел огонь и воду: начинал службу на флоте, в подразделении боевых пловцов, а после волею судьбы оказался во внутренних войсках. Воевал в Чечне, был тяжело ранен. Долгое время находился на волоске от смерти, но сумел выжить и вернуться в строй.

После первых же занятий мнение курсантов о Сергее Николаевиче бы-

ло однозначным: профессионал.

— К бою!

С увесистым ручным пулеметом бегу на огневой рубеж. Плехнувшись на мерзлую жесткую землю, ставлю РПК на сошки. Совместив прорезь прицела с блестящей на конце ствола мушкой, докладываю о готовности.

— Огонь! — негромко командует в ответ Лычагин.

Поймав на мушку возникшую на поле ростовую мишень, жму на спуск. Фанерный человечек медленно валится назад. Спустя секунду чуть в стороне появляется бледно-зеленый контур пулеметного расчета. Еще одна очередь — и "пулеметчики" падают.

Две ростовые фигуры из АК мне удалось поразить с ходу. С удовлетворением проследив за их падением, я лихо ловлю в прорезь прицела последнюю, грудную. Плавное касание спуска, привычный грохот автомата и... мишень остается в прежнем положении. Прицеливаюсь точнее, вновь выпускаю короткую очередь — результат тот же.

— Чуть выше возьми. И корпус левее смести, — подсказывает Лычагин.

Следую совету преподавателя и двумя последними пулями все-таки укладываю неуязвимую мишень.

Искусству ведения огня в Санкт-Петербургском военном институте внутренних войск учили грамотно, со знанием дела. Помнится, в первый выезд на полигон "Кировский" многие из нас долго возмущались тем, что стрелять приходится в полной боевой — в бронежилетах и касках. Ситуация малоприятная: упираешь приклад автомата в плечо, а он то и дело соскальзывает с пластин брони, да и каска все норовит сползти на глаза в самый ответственный момент. К тому же ухватить оружие удобнее в бронежилете не всегда получается. Дурь какая-то, честное слово...

— Нет, не дурь, — отвечал Сергей Николаевич. — Стрелять налегке, с комфортом каждый сможет. Только вот в бою подобного комфорта не бывает. Представьте себе, что вы под обстрелом, укрылись в каком-то хлипком закутке, а противник всю поливает вас из всех стволов. Если вовремя не загасить его огневые точки, то положат вас стопроцентно. Так что учитесь поражать цели в любых условиях. От этого в будущем зависит ваша жизнь.

После кратковременной оттепели заморозки нагрянули, как всегда, неожиданно. Проложенная в лесу колея покрылась толстой коркой льда, и, чтобы удержать равновесие, приходилось выделять замысловатые акробатические трюки. Еще одним неудобством был громоздкий ящик с "учебными пособиями".

— Осторожней, не поскользнься! — Леша Тормозов из отдельного полка связи Московского округа внутренних войск указывает глазами на торчащий впереди обледенелый бугорок.

— Боишься, рванет? — усмехаясь я, кивая на крупный деревянный короб, который вот уже около километра мы тащим в сторону ближайшей вырубki.

— Да не то чтобы... — машет свободной рукой Алексей. — Просто, как говорится, береженого и Бог бережет.

Идущие впереди курсанты тащат похожие темно-зеленые ящики. Чуть дальше еще двое прапорщиков несут на плечах глянцевиные штыри щупов и миноискателей. Сегодняшнее занятие по инженерной подготовке посвящено практическому знакомству с минами, гранатами. После изучения тактико-технических характеристик "игрушек" и неизменной сдачи мер безопасности мы наконец приступаем к самому главному.

— С этой штуковиной наверняка многие из вас знакомы. — Преподаватель подполковник Петр Сидоров извлекает из ящика короткий отрезок зеленоватой трубки. — Сигнальная мина — вещь незаменимая, особенно на Кавказе, и главное, довольно проста в обращении.

За считанные секунды офицер устанавливает в снегу растяжку и тщательно маскирует ее.

— Примерно так мы действовали в Чечне, — говорит Петр Николаевич. — "Духи" — народ ушлый, и подкрасться незаметно к нашему расположению им зачастую удается без особых проблем. Только "сигналки" и помогают вовремя обнаружить лазутчиков.

Длинный крюк в руке Сидорова осторожно тянется по снегу, туда, где, невидимая для человеческого глаза, притаилась струна растяжки. Спустя секунду раздается звонкий хлопок. Сразу же окрестности оглашает вой, похожий на свист авиационной бомбы. Спустя еще секунд

десять "сигналка" выстреливает в морозную высь десятки искрящихся звезд. С шипением огненные кометы взмывают вверх, оставляя за собой кудрявые шлейфы дыма.

— Ну а после дело за боевым охранением, — добавляет другой преподаватель, подполковник Игорь Кузнецов. — Вычислить и уничтожить непрошенных гостей — теперь плевое дело.

В руке подполковника появляется граната, похожая на Ф-1, однако об ее истинном предназначении с первого взгляда догадались лишь двое — прапорщики Саша и Андрей из отряда специального назначения "Русь".

— Правильно, — кивает Игорь Викторович. — Это светозумовая граната "Заря". Применяется она в спецоперациях и, как правило, в закрытых помещениях. Физического вреда данное устройство не причиняет, но, как показывает практика, человек, попавший под ее воздействие, в течение долгого времени не может не то что сопротивляться, а даже ориентироваться в пространстве. Впрочем, сейчас вы убедитесь в этом сами.

Офицер сноровисто ввинчивает в корпус гранаты серебристый стержень запала, отгибает усики и, размахнувшись, кидает ее далеко в поле.

В следующее мгновение от оглушительного хлопка закладывает уши. В глаза ударяет слепящая вспышка, и на какое-то время я словно перестаю существовать, растворившись в сотрясшем лес грохоте.

...Звон в ушах затихал медленно. Словно откуда-то издалека, сквозь него долетал едва различимый голос Кузнецова:

— Учтите, что граната разорвалась в пятидесяти метрах от вас, на открытом пространстве. А представьте, каково ее действие в закрытом помещении!

Пытаюсь определить на слух местонахождение преподавателя, поскольку перед глазами все еще плывут разноцветные круги.

— Как правило, следом за этим в помещение врывается спецназ, — добавляет подполковник Сидоров. — И преступника берут, что называется, тепленьким. Особенно эффективно "Заря" при освобождении заложников: кроме шока и потери на несколько минут зрения и слуха — никакого вреда.

Зрение постепенно возвращаетсЯ. Еще через минуту я начинаю различать стоящих вокруг курсантов. Многие, кто не успел вовремя отвернуться от эпицентра взрыва, как и я, подслеповато щурят глаза.

— Да, печальна участь террориста! — мрачновато шутит кто-то из ребят.

Послесловие

Пора экзаменов была самой напряженной, трудной, где сконцентрировались не только знания и навыки, приобретенные за месяцы учебы, но и воля, характер каждого из курсантов. И как итог всему — день выпуска, когда вчерашние курсанты, чеканя шаг, выходили на сцену актового зала и начальник института генерал-майор Михаил Тарасов торжественно вручал каждому офицерские погоны.

Пройдут годы. Многие из прожитого сотрется в памяти, но каждый, уверен, будет помнить эти полгода всю оставшуюся жизнь, ибо те знания, навыки и собственный практический опыт, которыми щедро делились с нами наставники-офицеры, еще не раз помогут нам в дальнейшей службе. И еще не единожды с теплотой и благодарностью вспомним мы полковников Анатолия Олейника и Федора Луценко, Владимира Какбуриева и Виктора Колпакова, подполковников Антона Вяткина, Сергея Лычагина, Михаила Ковалева, Евгения Бочкарева, Сергея Брилева, Георгия Якушева, Сергея Соловьянчика, Петра Сидорова, Игоря Кузнецова, Александра Мухтулова — всех тех, кому обязаны своими знаниями и успехами. И, конечно же, не раз вспомнятся главные в нашем становлении люди, явившиеся для нас образцом настоящих офицеров, — наши непосредственные наставники: полковник Юрий Карлашук и его заместители, подполковники Александр Сивак и Вадим Дмитриев. И так же, как и предыдущие выпускники КПУОСа Санкт-Петербургского военного института внутренних войск, с гордостью будем именовать свою альма-матер "школой Карлашука". Школой, которая еще не раз сослужит нам добрую службу.

Младший лейтенант
Константин АЛЕКСЕЕВ
Фото автора

ПО ЗАКОНАМ БОЕВОГО БРАТСТВА

На долю прославленного отряда внутренних войск "Росич" выпали самые горячие точки "первой Чечни". Грозный, Самашки, Гехи, Бамут... В сложной, подчас критической обстановке боицы и офицеры неоднократно показывали яркие образцы мужества, отваги, героизма.

18 апреля 1995 года при выполнении задачи по захвату господствующей высоты — Лысой горы на окраине Бамута — группа "росичей" встретила ожесточенное сопротивление бандитов. В бою, длившемся восемь часов, спецназовцы подтвердили на крови верность заповеди русских воинов: "Сам погибай, а товарища выручай". Сквозь кинжальный огонь на помощь к погибавшим в зеленке бойцам прорвались самые опытные и подготовленные спецы. Метко разили врагов, стояли насмерть капитан Виталий Цымановский, старший лейтенант Михаил Немыткин, лейтенант Андрей Зозуля, прапорщик Олег Терешкин и их подчиненные. Сделали все, чтобы вытащить из крошечного ада раненых.

Действуя в составе разведдозора, одним из первых вступил в бой с "духами" рядовой Рафик Кадырбулатов. Оставшись без боеприпасов и не желая сдаваться в плен, подорвал себя последней гранатой.

За мужество и храбрость старший лейтенант Михаил Немыткин, лейтенант Андрей Зозуля, прапорщик Олег Терешкин и рядовой Рафик Кадырбулатов посмертно удостоены звания Героя России.

"Вторая Чечня". Очередной трагической вехой в истории отряда стал безоблачный весенний день 6 марта 2000 года. Несколько бойцов во главе с лейтенантом Джафясом Яфаровым в ходе спецоперации в Комсомольском захватили перекресток и удерживали его до подхода основных сил. Воины приняли неравный бой, но бандиты так и не смогли прорваться через их пози-

18 апреля в отряде специального назначения "Росич" прошел День памяти, который по традиции ежегодно проводится в знак верности живых долгу перед павшими за Отечество. В этом году памятно-скорбную дату спецназовцы встретили с особым чувством. Весной на территории военного городка отряда возведена часовня во имя святого великомученика Георгия Победоносца. Траурный митинг был приурочен к открытию мемориала, построенного за счет средств, собранных офицерами, прапорщиками, сержантами и солдатами контрактной службы из своих "боевых" денег.

ции. "Росичи" выполнили задачу, потеряв десятерых товарищей. Джафяс Яфаров посмертно награжден Звездой Героя.

Никто из павших не забыт. На мраморных плитах у подножия мемориала увековечены имена и фамилии 43 спецназовцев, шагнувших в бессмертие. Почтить их память 18 апреля прибыли в отряд заместитель главного командующего внутренними войсками МВД России генерал-лейтенант Станислав Кавун, председатель городской Думы Новочеркасска Владимир Золотаренко, заместитель главы администрации Октябрьского сельского района Ростовской области Сергей Кокалевский, настоятель Константино-Еленинского храма города Новочеркасска Андрей Немыкин.

Из разных уголков страны в этот день съехались родители, вдовы погибших, уволенные в запас бойцы, ветераны отряда.

Среди гостей мамы Героев — Любовь Васильевна Зозуля, Галина Михайловна Кадырбулатова, Хания Мифтяховна Яфарова.

Право открыть памятник предоставляется сыновьям погибших офицеров Сереже Цымановскому и Никите Натальченко. Дети снимают покрывало. Под звуки траурной мелодии воины в краповых беретах возлагают к памятнику венки. Сняв головные уборы, опускаются на колени, склоняют головы.

Звучит метроном. Минута молчания...

Участники церемонии возлагают к подножию мемориала живые цветы.

Спите спокойно, братишки...

— Главнокомандующий внутренними войсками, военный совет, все офицеры преклоняются перед вами, родителями, женами наших боевых товарищей, положивших жизнь за Отечество. Мы преклоняемся перед нашим отрядом, который с честью выполняет поставленные задачи, — сказал после панихиды генерал-лейтенант Станислав Кавун. — Вечная память павшим и слава живым!

Полковник Юрий КИСЛЫЙ
Фото автора

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

“Лейтенант Бабаб Олег Яковлевич, заместитель командира роты по политической части, погиб 7 апреля 1991 года”, — звучит над строевым плацем софринской бригады. Под звуки траурной мелодии из строя выходит военнослужащий, держа перед собой портрет погибшего офицера. Голос из динамика называет имена других военнослужащих, и их портреты занимают место рядом с портретом Олега Бабаба. Вот уже который год 7 апреля в бригаде вспоминают тех, кто погиб при исполнении воинского долга в горячих точках. 105 военнослужащих-софринцев положили свою жизнь за Отечество.

Почтить память военнослужащих в бригаду прибыли многие ветераны-софринцы, родители и вдовы погибших. Среди гостей мать офицера-спецназовца Дмитрия Таранова — Виолетта Андреевна Румянцева. В неполные 30 лет Дмитрий стал подполковником. В служебную командировку на войну ездил четыре раза. Дмитрий погиб 24 июня 2001 года в Грозном. Виолетте Андреевне передали на хранение орден Мужества, которым посмертно награжден ее сын.

— Больше нет той любви, кто положил душу свою за други своя. По христианскому обычаю те, которые кровью засвидетельствовали свою любовь к людям и к истине, приравняются к мученикам. Мы должны молиться за них, чтобы милостивый Бог воздал им все то, что мы вольно или невольно оставили по отношению к

ним без внимания. Пусть Спаситель дарует мир их душам, вечную радость и вечный покой. Вечная память погибшим нашим воинам за Отечество, — сказал перед панихидой иеромонах Петр из Троице-Сергиевой лавры.

Вспомним сегодня тех, кто с честью выполнил свой воинский долг при разоружении незаконных вооруженных формирований и погиб на чеченской земле. Вечная им память.

Список военнослужащих внутренних войск, погибших и умерших от ран в ходе контртеррористической операции на территории Чечни (начало списка в № 1-8, 10, 12, 2000г., 2, 6, 11, 2001г.)

АНДРЕЙЧЕНКО Алексей Владимирович, рядовой, 20.10.2001г.

АРСЕНТЬЕВ Николай Федорович, рядовой, 17.09.2001г.

АРХИПЕНКО Юрий Григорьевич, рядовой, 20.07.2001г.

БАРИНОВ Василий Николаевич, рядовой, 10.08.2001г.

БАТИЩЕВ Омар Салаватович, рядовой, 17.09.2001г.

БАТУРА Дмитрий Евгеньевич, ефрейтор, 14.05.2001г.

БЕЗРУЧКО Валерий Викторович, старший сержант, 11.06.2001г.

БЕЛЯЕВ Александр Геннадьевич, прапорщик, 14.08.2001г.

БЕЛОУСОВ Василий Анатольевич, младший сержант, 30.04.2001г.

БЕЛЬТЮКОВ Павел Викторович, старший лейтенант, 15.10.2001г.

БИРИХ Дмитрий Федорович, рядовой, 22.06.2001г.

БРУМА Игорь Сергеевич, капитан, 8.06.2001г.

БУЗАРОВ Сергей Владимирович, старшина, 26.05.2001г.

БУЛАВИН Андрей Юрьевич, капитан, 30.12.2001г.

БУЛАТОВ Ильпор Ишурзаевич, прапорщик, 18.05.2001г.

БУРДОВ Владимир Васильевич, рядовой, 19.09.2001г.

БУСЛОВ Роман Васильевич, рядовой, 17.09.2001г.

БЭК-БУЛАТ Кирилл Павлович, рядовой, 3.11.2001г.

БАВИЛОВ Андрей Викторович, лейтенант, 12.09.2001г.

ВОРОБЬЕВ Евгений Анатольевич, рядовой, 27.08.2001г.

ВОРОНОВ Михаил Александрович, рядовой, 4.09.2001г.

ГАВРИЛОВ Денис Николаевич, рядовой, 17.09.2001г.

ГЕРАСИМЕНКО Максим Сергеевич, рядовой, 17.10.2001г.

ГЛАДУНОВ Сергей Иванович, старший прапорщик, 20.07.2001г.

ГУБАРЕВ Алексей Николаевич, сержант, 29.06.2001г.

ДАНИЛОВ Вячеслав Валерьевич, ефрейтор, 17.09.2001г.

ДИДЕНКО Анатолий Алексеевич, ефрейтор, 16.09.2001г.

ДОРНИН Владимир Викторович, рядовой, 25.11.2001г.

ДОРОФЕЕВ Андрей Николаевич, рядовой, 15.09.2001г.

ДУРМАНОВ Денис Сергеевич, старший сержант, 1.12.2001г.

ЕРМАКОВ Александр Ильич, рядовой, 28.08.2001г.

ЕРМОЛИНСКИЙ Вениамин Викторович, рядовой, 3.06.2001г.

ЖАМУРЗОВ Султан Владимирович, рядовой, 15.06.2001г.

ЖУКОВ Сергей Николаевич, рядовой, 17.09.2001г.

ЗАГАЙНОВ Андрей Васильевич, рядовой, 17.09.2001г.

ЗЕЛЕНОВ Дмитрий Игоревич, рядовой, 11.04.2001г.

ЗИБУЛАЕВ Иса Пашаевич, рядовой, 17.09.2001г.

ЗОЛОТУХИН Евгений Валерьевич, рядовой, 22.06.2001г.

ЗЮЗИКОВ Андрей Николаевич, сержант, 30.05.2001г.

ИВАНОВ Михаил Владимирович, рядовой, 17.09.2001г.

ИЗРАЕЛОВИЧ Александр Анатольевич, рядовой, 17.08.2001г.

КАЗУК Александр Иванович, сержант, 22.08.2001г.

КАЛИЕВ Эмиль Фаридзанович, сержант, 25.12.2001г.

КАЛИНИН Андрей Алексеевич, рядовой, 3.10.2001г.

КАШИН Артем Николаевич, ефрейтор, 18.08.2001г.
КНЯЗЕВ Олег Дмитриевич, подполковник, 15.03.2001г.
КОЧУГ Андрей Фомич, рядовой, 4.08.2001г.
КОВЗЕВ Георгий Леонидович, старший прапорщик, 26.05.2001г.
КОВАЛЕВ Владимир Ильич, старшина, 9.07.2001г.
КОЛИЧЕНКО Александр Александрович, рядовой, 28.08.2001г.
КОНДРАТЬЕВ Николай Владимирович, ефрейтор, 22.08.2001г.
КОНСТАНТИНОВ Денис Валерьевич, ефрейтор, 8.11.2001г.
КОНЬКОВ Евгений Николаевич, рядовой, 29.07.2001г.
КРАСНИКОВ Александр Владимирович, рядовой, 12.08.2001г.
КРАУЗЕ Сергей Петрович, рядовой, 13.12.2001г.
КУЗНЕЦОВ Алексей Викторович, лейтенант, 12.10.2001г.
КУСОВ Казбек Константинович, старший лейтенант, 30.07.2001г.
КУСТОВ Сергей Викторович, майор, 23.11.2001г.
КУШНЕР Сергей Николаевич, рядовой, 21.06.2001г.
ЛАТЫПОВ Ильгиз Искандерович, младший сержант, 14.08.2001г.
ЛЕВЧЕНКО Александр Викторович, рядовой, 12.04.2001г.
ЛЕВЧЕНКО Роман Александрович, старший сержант, 26.05.2001г.
ЛЯПИН Михаил Дмитриевич, рядовой, 1.12.2001г.
МАЛЫЦЕВ Виталий Викторович, ефрейтор, 25.09.2001г.
МАСОН Александр Сергеевич, подполковник, 28.08.2001г.
МАТИНОВИЧ Александр Николаевич, ефрейтор, 15.09.2001г.
МИХАЙЛОВ Анатолий Анатольевич, рядовой, 13.11.2001г.
МИХАЙЛОВ Виталий Владимирович, рядовой, 30.05.2001г.
МОРОЗ Андрей Николаевич, рядовой, 8.05.2001г.
МОРОЗОВ Ренат Александрович, рядовой, 23.11.2001г.
МОСКАЕВ Алексей Викторович, рядовой, 19.09.2001г.
МУЗАЛЕВ Роман Алексеевич, младший сержант, 6.06.2001г.
МУХАЗОНЕНКО Дмитрий Владимирович, рядовой, 30.10.2001г.
МУХТАРУЛИН Айдар Маратович, рядовой, 20.08.2001г.
НОВИЦКИЙ Алексей Васильевич, рядовой, 25.08.2001г.
НОСКОВ Руслан Владимирович, рядовой, 1.12.2001г.
ОМУТОВ Алексей Владимирович, капитан, 14.08.2001г.
ОПАРЫШЕВ Евгений Федорович, рядовой, 17.08.2001г.
ОСИПОВ Алексей Юрьевич, рядовой, 17.09.2001г.
ПАНИН Олег Иванович, подполковник, 21.07.2001г.
ПАУТОВ Михаил Владимирович, рядовой, 30.08.2001г.
ПЕТРЕНКО Евгений Викторович, рядовой, 15.11.2001г.
ПЕТРОВ Олег Владимирович, рядовой, 22.08.2001г.
ПИНЕГИН Александр Владимирович, сержант, 23.04.2001г.
ПИСКУНОВ Леонид Юрьевич, старший прапорщик, 28.08.2001г.
ПЛОТНИКОВ Владимир Сергеевич, младший сержант, 15.10.2001г.
ПЛОХИН Владимир Сергеевич, рядовой, 3.08.2001г.
ПОЛИЧЕВ Василий Витальевич, рядовой, 5.09.2001г.
ПОНОМАРЕВ Дмитрий Сергеевич, рядовой, 26.05.2001г.
ПОПОВСКИЙ Андрей Григорьевич, рядовой, 11.07.2001г.
ПОРТНЫХ Александр Викторович, сержант, 21.07.2001г.
ПРИЩЕПНЫЙ Юрий Анатольевич, рядовой, 26.05.2001г.
ПРОСВИРКИН Александр Алексеевич, капитан, 17.09.2001г.

ПШЕНИЧКО Александр Васильевич, ефрейтор, 15.12.2001г.
РОМАНОВ Руслан Владимирович, сержант, 9.09.2001г.
РЫЧКОВ Петр Валентинович, ефрейтор, 22.08.2001г.
САЛИКАЕВ Александр Владимирович, рядовой, 8.05.2001г.
СВАТКО Иван Дмитриевич, сержант, 26.05.2001г.
СЕЛИН Александр Юрьевич, сержант, 10.12.2001г.
СЕМКИН Андрей Сергеевич, младший сержант, 16.09.2001г.
СМИРНОВ Дмитрий Иванович, рядовой, 15.12.2001г.
СМИРНОВ Константин Александрович, рядовой, 12.05.2001г.
СМИРНОВ Роман Евгеньевич, рядовой, 21.07.2001г.
СОСНИН Сергей Александрович, ефрейтор, 26.04.2001г.
СТЕРЖНЕВ Александр Сергеевич, рядовой, 1.08.2001г.
СУББОТИН Александр Григорьевич, старший сержант, 23.04.2001г.
ТАРАНОВ Дмитрий Владимирович, подполковник, 24.06.2001г.
ТЕРОГАНОВ Роман Анатольевич, старший лейтенант, 28.08.2001г.
ТОЛКАЧЕВ Дмитрий Николаевич, старший лейтенант, 30.12.2001г.
ТРИШКИН Алексей Вениаминович, рядовой, 14.02.2001г.
ТРУБИЦЫН Владислав Александрович, рядовой, 3.06.2001г.
ТЮРИКОВ Руслан Владимирович, ефрейтор, 13.09.2001г.
УПОРОВ Александр Олегович, рядовой, 19.09.2001г.
УСАТЕНКО Андрей Юрьевич, рядовой, 17.10.2001г.
УФИМЦЕВ Александр Петрович, сержант, 23.11.2001г.
УХТАРУЛИН Айдар Маратович, рядовой, 20.08.2001г.
ФАЙЗЕРАХМАНОВ Саловей Габделсаматович, рядовой, 23.06.2001г.
ФИЛИППОВ Илья Михайлович, рядовой, 17.09.2001г.
ХАМАДИНУРОВ Денис Аликович, рядовой, 22.06.2001г.
ХАРАСОВ Руслан Рафаэлович, рядовой, 20.12.2001г.
ХОДЫРЕВ Александр Алексеевич, старший прапорщик, 22.06.2001г.
ЧАЧИН Николай Александрович, рядовой, 20.08.2001г.
ЧЕЧЕЛЕВ Александр Николаевич, рядовой, 9.09.2001г.
ЧУВАКИН Сергей Анатольевич, старший сержант, 18.05.2001г.
ШИРЯЕВ Дмитрий Николаевич, ефрейтор, 22.08.2001г.
ПИШКИН Дмитрий Александрович, рядовой, 15.07.2001г.
ШТОЦ Юрий Витальевич, старший сержант, 17.09.2001г.
ШУПША Максим Николаевич, рядовой, 5.09.2001г.
ЭЙЛЕДИЕВ Тимур Тагирбекович, сержант, 25.12.2001г.
ЮГОВ Сергей Александрович, рядовой, 22.08.2001г.

Работа над Книгой памяти военнослужащих внутренних войск продолжается. Свои воспоминания о боевых друзьях, родственниках, которые служили во внутренних войсках и погибли при исполнении воинского долга, их фотографии присылайте по адресу: 119634, Москва, а/я 32, Колесникову Сергею Сергеевичу.

Публикацию подготовили
 полковник Александр КОНЯЕВ и
 подполковник
 Сергей КОЛЕСНИКОВ
 Фото Василия ПАНЧЕНКОВА

Генерал-лейтенант Николай НОВАК: “Главное – дело, которому ты служишь...”

Вне всякого сомнения, одна из составных частей журналистской удачи — найти интересного собеседника, суметь разговаривать с ним и узнать сокровенные мысли и мечты. А если этот человек к тому же неординарная личность и обладает немалой реальной властью, то это двойная удача.

Прапорщику Евгении Буториной, корреспонденту газеты Сибирского округа внутренних войск “Красное знамя”, повезло. Она смогла подобрать ключик к сердцу командующего округом генерал-лейтенанта Николая Новака. И получилась у них нечто похожее на телевизионную передачу “Герой дня без галстука”, во время которой встретились не прапорщик и генерал, не подчиненный и командир, а журналист и Личность. При этом один из них задавал интересные, порой не всегда удобные вопросы, а другой честно на них отвечал.

А каково быть генералом?..

— Николай Васильевич, когда вы поступали в военное училище, мечтали стать генералом?

— Нет, я никогда не задумывался о званиях, не гнался за должностью, а поначалу и больших задач перед собой не ставил. В училище преподаватель на последнем занятии предложил: “Откройте тетради и напишите свои задумки, кем бы вы хотели уволиться”. Я написал: “майором”. Тогда мне казалось, что это достаточно высокое звание, можно сказать — предел мечтаний...

— Когда стали майором, так уже не казалось?

— Тогда уже была работа, реальные дела, которые необходимо было доделать... Когда я говорю, что никогда не замахивался на большое, то имею в виду именно карьеру, а не дела.

Я ни одну должность не про-

сил, стыдился говорить о званиях. Так все сложилось, что мое звание догнало мою должность только тогда, когда я был уже начальником штаба дивизии. Я стал полковником на полковничьей должности. Конечно, у меня в жизни были заманчивые предложения, типа “сегодня приезжаешь, завтра документы отправляем на очередное звание”. Но меня это не сильно манило.

— А как же известный постулат: “Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом”?

— Мне кажется, здесь нет противоречия. Офицер должен стремиться делать карьеру. Он должен работать на перспективу. Просто со временем понимаешь, что звания — “лейтенант”, “майор”, “генерал” — это лишь инструменты для выполнения работы. И мера ответственности. Потому что лейтенантом, честно говоря, я чувствовал себя гораздо свободнее и проще. Может быть, еще и оттого, что знал, что есть командиры ро-

ты, батальона, полка — они подскажут, исправят, они знают, что и как нужно делать, и объяснят мне. Это сегодня я понимаю, что не бывает точных рецептов и всегда правильных ответов и что необходимо самому принимать решение, от которого зависит выполнение боевых задач и благополучие сотен людей.

Путь к большим звездам

— Сразу после школы вы поехали поступать в училище внутренних войск. Вы хорошо представляли, на что идете?

— Конечно, нет. Да и откуда? Родители мои крестьянствовали в Карасукском районе Новосибирской области. Было нас в семье шестеро детей, жили трудно. Еще за год до окончания школы понял, что надо уходить на казенный кошт. И когда пришел в военкомат, предложили на выбор два училища — Орджоникидзевское и

Саратовское. Я подумал, что Саратовское поближе, опять же Волгу посмотрю — я ведь прежде нигде не был, Россию не видел.

В том, что поступлю, я был твердо убежден. Потому что был уверен в своих знаниях, потому что тщательно готовился. Я всегда знал — чтобы чего-то добиться, надо много работать.

Я легко шел по карьерной лестнице. Еще лейтенантом стал командиром роты, без проблем поступил в академию. И точно знаю, почему мне многое удавалось. Истина очень простая — чтобы у тебя получалось, чтобы все шло нормально — делай свое дело качественно.

— Вот так все просто — делай свое дело и станешь генералом?

— Я считаю, что в войска люди должны приходить не за званием. Главное — дело, которому ты служишь. Не надо просить звания, должности. Они сами тебя найдут.

— Прямо по Булгакову получается: "Никогда ничего не просите у власть имущих. Сами придут и предложат..."

— Ну почти так. Ведь не звания и должности главное, а благополучие людей, за которых ты отвечаешь. И чем больше этих людей, тем труднее.

— Сегодня тот самый "власть имущий", который придет и предложит, — это вы. По каким критериям вы оцениваете офицеров при назначении на должность? Какими качествами должен обладать командир?

— Есть одно универсальное правило — надо знать людей и уметь увлечь за собой. Чем ты ближе к солдату, тем проще работать. У командира должно быть желание достичь поставленной цели, стать лучшим. Не для себя лично, а для подразделения, показывая в этом пример. Хочешь делать — делай, прежде всего сам. Если ты ротный и создаешь материальную базу — бери лопату. Решил победить в соревновании — надевай номер на кроссе, и вперед.

Для того чтобы подразделение добилось успеха, каждый солдат в подразделении должен иметь большое желание работать. А желание это появится, только если он будет видеть, как работает его командир. Во-вторых, офицер должен уметь создать коллектив, повести за собой. И третье — командир должен любить своих людей. Это не просто высокие слова.

— А у вас всегда получается подчиненных любить? Говорят, иногда из вашего кабинета пол-

ковники выскакивают и за сердце хватаются...

— Согласен, бывает и такое. Но это не потому, что я хотел оскорбить его как человека. Это означает, что он как профессионал не смог справиться, решить те вопросы, которые зависят от него. А ведь от этих нерешенных вопросов зависит порой жизнь его подчиненных.

Нет, я не считаю, что я всегда прав. Я часто возвращаюсь к событиям, разговорам, и мне больно, когда понимаю, что кого-то обидел.

Я не боюсь отступить, извиниться, если не прав. Тем более что характер свой знаю — иногда сначала говорю, делаю, потом анализирую и стараюсь исправить ошибку.

— Легко любить абстрактно-го человека. А вот конкретно-го...

— Командиром быть вообще нелегко. Авторитет, как известно, бывает личностный, а бывает должностной. Пришел — тебя должны уважать, с тобой должны говорить на "вы", потому что ты — командир. Это все, что приходит с должностью. А личностный — будь добр завоей авторитет... Найди в себе все те необходимые качества, которые бы позволили тебя уважать прежде всего как че-

можно — можно быть генералом, можно — лейтенантом, но главное — оставаться человеком...

И еще — обязательно в жизни каждого человека должен встретиться пример для подражания. Это великое дело.

Мне, я считаю, повезло. Первым примером для меня был командир роты капитан Карен Самвелян. День в подразделении начинался и заканчивался командиром роты. Обязательные доклады, четкий распорядок, строгая дисциплина — для всех, без исключений. Попробуй заместить командира роты в строй не встанет!

Один раз я посомневался — он приказал зимой кросс провести. Думаю — холодно же, надо ли... Тогда он мне показал, как это надо делать — методически грамотно, с заботой о людях... До сих пор помню.

Второй пример — генерал Алексей Иванович Ермолов. Он был строгим командиром. Алексей Иванович до сих пор приходит ко мне и говорит: "Ну давай расскажи, что у вас нового, как работаешь". И я докладываю, понимаю, что он имеет право спросить. Потому что пришел он не из любопытства, а из-за того, что до сих пор болеет за дело, за войска. К его советам и рекомендациям прислушиваюсь не меньше, чем прежде.

— Что самое сложное для начинающего командира? На что ему стоит обратить особое внимание?

— Самое сложное — знать людей. Помню, когда меня, лейтенанта, назначили командиром роты, замполитом служил старший лейтенант Александр Линников. Он был на десять лет меня старше. И вот я три месяца команду ротой. Смотрю — все красиво, нет нарушений. Честно говоря, я собой был очень доволен...

И однажды приходит ко мне мой замполит, садится напротив и спрашивает: "Ну, командир, как дела?" Я начинаю рассказывать, каких успехов добился. А он мне говорит: "Теперь я тебе расскажу, чем живет рота". Он рассказал, и мне стало страшно. Оказывается, я видел только то, что лежало на поверхности. Это был суровый, но очень нужный урок. Конечно, он ударил по самолюбию, но заставил по-новому взглянуть на свою

работу. И я до сих пор благодарен своему первому замполиту. Дела и людей в роте нужно знать.

Очень личное

— Привычка командовать мешает в личной жизни? В семье, в дружбе?

— Командовать в семье я не хотел бы, но в характере это, конечно, есть. Я в мать пошел, она всегда верховодила. Отец у меня очень добрый, он подчинялся. А я — нет.

— Так все-таки вы в доме хозяин?

— Я как-то особенно об этом не задумывался, но дети так говорят. Да и Галина Александровна, она у меня педагог-психолог, тоже всегда уверяет, что папу дети мало видели, но главный в воспитании — отец.

А в дружбе я сложный человек. Могу и рюмку вместе поднять, но если человек попробует этим как-то воспользоваться по службе — я не прощу. Дружба дружбой, но...

Конечно, проще дружить с людьми не из нашего ведомства. Потому что, как только встречается человек с погонями, любая мелочь — где-то он злоупотребил, себе выгоду ищет — воспринимается мной очень болезненно. Я сам ценю доверие и не могу уважать людей, которые им злоупотребляют. А есть такие, которые прямо пытаются решить вопросы за счет дружеских отношений...

— Чего вы боитесь?

— Сказать, что ничего, это неправда. Боюсь не смерти, нищеты или боли — все это жизнь, это судьба. Я боюсь потерять командирский авторитет, то уважение подчиненных, которое и есть единственная настоящая награда. Не звание, не должность, а именно вот это. Самое страшное — если мать солдата, или солдат, или жена офицерская скажет мне: ты думал только о себе, а не о людях, за которых должен отвечать.

Газманов поет "Господа офицеры", и зал встает. Потому что, несмотря на все трудности, ошибки, недоработки, люди помнят такие понятия, как офицерская честь, совесть, доброе имя... Вот это потерять страшно. И хотелось бы, чтобы дети гордились.

А еще, чтобы не стыдно было прийти в кабинет нового командующего и иметь право сказать: "Ну рассказывай, как у вас дела..."

— А о чем мечтаете?

— Так получилось, что для меня дело жизни — это служба. Другого и не знаю. Естественно, хочется, чтобы войска поднимались. Я вспоминаю, как долгое время внутренние войска в обществе не пользовались особым почетом, и генерал армии Иван Кириллович Яковлев нас вытаскивал. Потом опять наступили тяжелые времена. Сейчас вот главным пытаются стабилизировать обстановку в войсках. Получится — хорошо. И во многом мечта моя — чтобы войска были обеспечены всем необходимым, чтобы люди могли нормально служить, выполнять задачи.

Я люблю свое дело. Тех, кто вынужден заниматься нелюбимым делом, мне жалко. Я хотел бы, чтобы и в войсках были только те люди, которые любят свое дело.

С другой стороны, я прекрасно понимаю, что пока этого не получится. Надо долго и упорно работать. И еще неизвестно, хватит ли моего века. Но мечта должна быть...

— Николай Васильевич, а есть надежда, что эта мечта сбудется?

— Конечно, есть, а как иначе? Надежда — это то небольшое, что остается с нами до последней минуты. Ведь на самом деле, даже если все наши проблемы и недостатки рассматривать, — не все так плохо. Да, у нас и наркоманы есть, и преступники. Но ведь есть полки, батальоны, которые и задачи выполняют, и преступлений не имеют, и отличные бытовые условия в них созданы. Солдатские мамы приезжают и признают это. Маяки-то у нас везде есть. И потому есть и надежда.

И учтите, пытаюсь найти выход из сложной ситуации, мы говорили только о себе, о своих возможностях решения проблем. Но ведь есть еще и надежда на руководство страны, на президента. А она сегодня больше, чем прежде.

Да, меняется пока немного, но и Москва не сразу строилась. Надо работать...

Беседу вела Евгения БУТОРИНА
Фото Елены ВЕРЕТЕННИКОВОЙ

Письмо в номер

Уважаемая редакция!

Прочитав несколько номеров вашего журнала, решили обратиться к вам за помощью. Мы — вдовы офицеров краснодарской дивизии ВВ МВД России:

Левкина Надежда Степановна — муж ст.л-нт Левкин Александр Станиславович, погиб 5.06.1995 года в г.Грозном Чеченской республики;

Войтенко Лариса Васильевна — муж капитан Войтенко Сергей Александрович, погиб 20.12.1995 года в н.п. Ассиновская Чеченской республики;

Берсирова Елена Алексеевна — муж ст.л-нт Берсиров Эльдар Рамазанович, погиб 7.07.1999 года на заставе "Гребенской мост" Республики Дагестан.

С момента гибели наших мужей прошло немало времени, но мы до сих пор не знаем, какими льготами пользуются наши семьи. У всех нас несовершеннолетние дети. Одни чиновники утверждают, что у нас вообще нет льгот (даже на 50 % оплаты детского сада), другие, что льготы есть и их очень много. Мы не знаем, куда обратиться и где узнать об опубликованных постановлениях. Вопрос второй. По личи войск выделяются бесплатные путевки детям как в санатории, так и в дома отдыха за границу. Если нам не предоставляли путевки, положена ли нам компенсация?

От редакции. К сожалению, из письма не понятно, обращались ли вы со своими вопросами к командованию дивизии, т.к. решение ваших вопросов находится в его компетенции. Вместе с тем, насколько ясно из письма, вы имеете право на получение льгот, оговоренных в ст.24,25 Фе-

дерального закона "О статусе военнослужащих", как члены семей военнослужащих, погибших в период прохождения ими военной службы, и ст.21 Федерального закона "О ветеранах", как члены семей погибших при исполнении обязанностей военной службы.

Согласно п.2 постановления Правительства Российской Федерации от 25.02.2000 г. № 160, вам в случае непредоставления путевок в детские оздоровительные учреждения должна выплачиваться денежная компенсация по месту получения пенсии по случаю потери кормильца. В любом случае согласно приказам и распоряжениям главнокомандующего вам обязано помочь в решении всех этих вопросов командование части, где проходили службу ваши мужья.

Пишет вам заместитель командира роты оперативного назначения по работе с личным составом одной из частей СКО ВВ капитан Олег Борзаков. В одном из номеров окружной газеты "На посту" была опубликована статья майора А.Андреева "Бойцы отвели беду". В ней говорится о подвиге, совершенном военнослужащими роты нашей части: капитаном Климкиным Д.Ю., старшим сержантом Красновым В.В., рядовым Чучалиным И.В. и некоторыми другими. Они, рискуя жизнью, ночью вступили в схватку с огнем, вытаскивая из полыхающего дома стариков и детей, тем самым показывая населению н.п. Гойты, что внутренние войска находятся здесь не только для борьбы с НВФ, но и для оказания помощи мирному населению. Этим поступком мои

боевые товарищи значительно подняли авторитет войск среди местных жителей.

В статье говорится: "Командованием группировки внутренних войск МВД России в Северо-Кавказском регионе принято решение о поощрении воинов, участвовавших в спасении людей на пожаре". И вот уже прошел год, а эти военнослужащие так и не были награждены. Неужели внутренние войска такие бедные, что не могут наградить своих солдат? Офицеры и солдаты роты совершили немало других настоящих подвигов, которые у нас часто называют военными буднями. На их счету отражение нападения на заставу, захват четырех вооруженных боевиков с поддельными документами сотрудников милиции, разминирование нескольких фугасов. Благодаря их профессиональным действиям на участке дороги Гойты — Урус-Мартан год не было подрывов, а значит, гибели военнослужащих и мирных жителей. Неужели эти люди не заслуживают поощрений и наград?

Складывается впечатление, что у журналистов нашей газеты "На посту" слова расходятся с делом. За державу обидно и ребятам, которые проявляют героизм там, где им определила нести службу Родина.

Убедительно прошу оказать помощь в восстановлении справедливости и награждении данных военнослужащих. Ведь они этого заслуживают.

**С уважением — капитан
Олег Борзаков**

От редакции. Письмо, пришедшее в редакцию журнала, затронуло довольно болезненную проблему, существующую в вой-

сках. На войне всегда есть место подвигу. В стреляющем регионе — Чечне и подавно. Если есть подвиги, то должны быть и герои. А у героев, по логике вещей, заботливые отцы-командиры, которые своевременно подают соответствующие документы на поощрение отличившихся. Так, очевидно, должны были поступить, уважаемый Олег Юрьевич, и в Вашей части. К сожалению, из письма не ясно, какова роль Ва-ша и Ваших непосредственных начальников в подготовке необходимых документов. И не стоит обижаться на военного журналиста, написавшего о подвиге воинов на страницах газеты. Любый журналист, даже самый знаменитый, не в состоянии подменить собой работу органов, занимающихся представлениями к награждениям. Найти героя, рассказать о нем — вот суть его работы. И его слова о поощрении — это лишь то, что он узнал у соответствующего воинского начальника. На какой стадии произошла задержка документов на поощрение (если они вообще были своевременно оформлены и отправлены командованием вашей части), нам сказать трудно. Попытаться разобраться в данной ситуации мы попросили начальника отдела управления кадров ГКВВ МВД России полковника Юрия Костенко, который и сообщил нам:

“По учетным данным управления кадров ГКВВ МВД России, среди награжденных или представленных к награждению государственными наградами военнослужащие Клишкин Д.Ю., Краснов В.В., Чучалин И.В. не значатся.

Разъясняя, что награждение орденами и медалями производится в соответствии с Положением о государственных наградах Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 6 января 1999 года. Каждый орден имеет свой статут, а медаль — положение, где излагаются виды заслуг, за которые можно представить к конкретной награде. Ходатайства возбуждаются в коллективах по месту службы.

Награждение государственными наградами по личной просьбе, газетным публикациям и др. не производится”.

Советуем Вам, Олег Юрьевич, не отчаиваться, а ходатайствовать перед вышестоящим командованием о награждении героев.

Нам, военному служащему срочной службы одной из частей Уральского округа ВВ МВД России, очень нравится ваш журнал. Прежде всего, рассказы о героях внутренних войск и об их подвигах.

А лично мне очень понравилась статья Александра Тонконогова “В прицеле — души”, напечатанная в первом номере за этот год.

В ней рассказывается об опасностях, которые несут обществу тоталитарные секты, пытающиеся проникнуть и в войска. Сколько же на нашей родине развелось всякой нечисти! Статья сразу напомнила мне гражданскую жизнь, где мне не раз приходилось сталкиваться с деятельностью сектантов. Как узнаю из писем родных, в родном городе за два года их стало в несколько раз больше.

Здесь, на службе, конечно, меньше чувствуется их агрессивное влияние, но скоро мне увольняться в запас. И там я намерен противостоять людям, несущим разрушение обществу и государству. Спасибо автору статьи за то, что он хоть как-то пытается предотвратить пополнение рядов этих сект новыми адептами. Хотелось бы связаться с ним.

Большое вам спасибо за понимание души русского солдата.

**С искренним уважением,
рядовой
Дамир Богаутдинов**

От редакции. Спасибо Вам, Дамир, за письмо и отклик на публикацию. К этой важной теме мы еще не раз будем обращаться на своих страницах. А Ваше письмо мы передадим автору статьи.

Уважаемая редакция, вскоре мне увольняться в запас. Срочную службу прохожу в одной из частей внутренних войск в городе Грозном. Все чаще думаю, чем заняться после демобилизации. Хотел бы пойти учиться в институт или техникум, да только вряд ли пройду конкурс, а на платное обучение никаких моих “боевых” не хватит.

**Ефрейтор Игорь Селиванов
г. Грозный**

От редакции. Государство предусмотрело специальные льготы при получении образования военными служащими, проходившими службу в горячих точках. Согласно Федеральному закону от 19.11.97г. “О внесении дополнений в статью 5 Закона Российской Федерации “О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах”, военнослужащие, проходившие там службу по призыву, имеют право на поступление в высшие и средние специальные учебные заведения вне конкурса.

Это значит, что достаточно получить на вступительных экзаменах “тройки” и путь к дальнейшей учебе в государственном учебном заведении будет открыт.

Подавая документы в приемную комиссию, можно сослаться и на специальное письмо министерства образования России, разосланное во все министерства и ведомства, имеющие свои высшие и средние специальные учебные заведения. Его номер 14-52-260 ин/13. Надо также представить справку о службе в горячей точке.

Так что реальный шанс стать студентом у Вас, Игорь, есть. Только, наверное, стоит до экзаменов поучиться на подготовительных курсах, чтобы восстановить знания, полученные в школе.

Генеральный директор
ООО ЧОП "Патриот-С"
Ермолаев О.Б.

Настоящие патриоты из "Патриота-С"

Рано или поздно это случается с каждым офицером и прапорщиком: он сдает удостоверение личности, получает новенький сверкающий паспорт и пенсионную книжку. Вот только дома в сорок — сорок пять лет сидеть не хочется. И хотя Москва — город больших возможностей, биржи труда предлагают стандартный набор вакансий вроде "менеджера по продажам", "провайдер" или "агента по недвижимости". Работа хорошая, да только для молодых и бойких.

Задумались два офицера, бывший командир части Олег Ермолаев и начальник штаба бригады Александр Тагуров, что им делать на гражданке? Многие годы они служили в бригаде спецчастей внутренних войск по охране особо важных государственных объектов. Школу прошли хорошую, а потому и решили, выйдя в запас, заниматься тем, что умеют, и создали частное охрannое предприятие. Назвали его "Патриот-С".

Такое название выбрано не случайно, поскольку фирма создана людьми, объединенными военной идеей. Ее основу составляют специалисты, имеющие богатый опыт работы и службы в подразделениях Министерства обороны, МВД, ФСБ и ФСНП.

— Первые два месяца, — вспоминает Александр Тагуров, — работали вдвоем, в двух комнатухах, имея на вооружении лишь блокнот и ручку. И первые, кто в нас поверил и пришел к нам на работу, — это бывшие сослуживцы.

Многие из них лишь здесь впервые надели форму. И это ветераны, прослужившие во внутренних войсках по двадцать с лишним лет. Просто и в войсках свою службу они несли в гражданских костюмах. Да и сама их бригада за глаза часто называлась "шляпной". Однако она вполне могла считаться прообразом профессиональной армии. С момента образования в бригаде не было "срочников", все должности занимали контрактники или, как их называли ранее, военнослужащие сверхсрочной службы, прапорщики и офицеры. В бригаду офицерами приходили взрослые люди, уже прошедшие какую-то службу, в должности не ниже командира роты.

Фирма ООО ЧОП "Патриот-С" была образована 1 июня 2000 года. Тот год, казалось, был не лучшим временем для начала охрannого бизнеса, множество частных охранных предприятий создали бывшие сотрудники милиции, военные, разведчики и оперативники, а то и непонятно как проскочившие лицензирование "братки". И все же была одна особенность: все они больше тяготели к силовому решению вопроса вроде того, когда взвод спецназа на плацу разбивает о голову бутылки, ломает доски, крушит кирпичи. Между тем охрана объекта — работа на самом деле кропотливая, может, на сторонний взгляд, и скучная, требующая, прежде всего опыта и знаний. А именно это и было у ушедших в запас офицеров "шляпной" бригады.

Начиналось все с 15 сотрудников и двух объектов, теперь фирма охраняет таких объектов десятки. Первыми из них стали "Диалог Банк" и магазин сантехники "Сангрес", потом — демонстрационный зал "Международной Аккумуляторной компании", "Международный Банк Торговли и Сотрудничества" и многие другие.

Основа финансового благополучия всех охранных предприятий — заказчики. Народ это осторожный, поэтому многие обращаются сюда, на улицу Народного ополчения, 43, по рекомендации знакомых, уже имевших дело с ЧОП "Патриот-С".

Коммерсанты, предприятия которых приходится охранять, зачастую даже не знают, что это — целая наука с уровнями и категориями доступа, применением и эксплуатацией самых современных средств ИТСО (инженерно-технических средств охраны). Им до этого казалось, что достаточно нанять охранника, выдать ему дубинку — и все, безопасность объекта обеспечена.

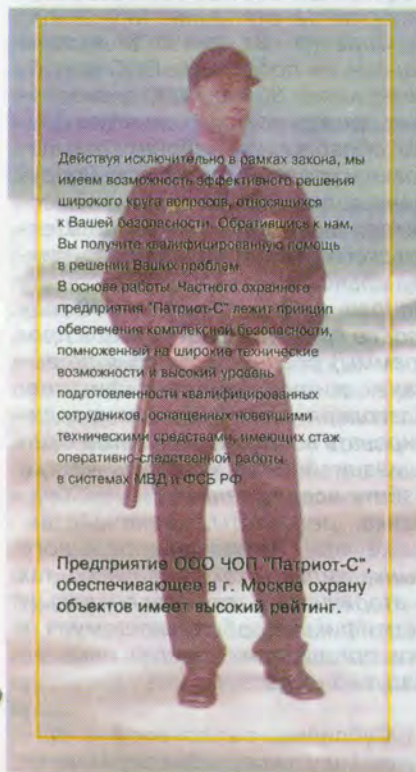
ЧОП "Патриот-С" способен охранять объекты любой сложности. До трети его состава бывшие офицеры и прапорщики из спецчастей. У всех на службе была первая форма допуска, и они собаку съели на охране важных объектов. Это, к примеру, старшие прапорщики запаса Сергей Зайцев и Юрий Рачинский.

Подполковник запаса Александр Царьков вообще считает, что не так уж много в его жизни изменилось. Поскольку, уволившись из бригады с должности начальника отделения боевой подготовки, в ЧОПе он стал заместителем генерального директора по службе. А бывший начальник отдела по работе с личным составом Валерий

Ивашков здесь взвалил на себя не-легкое дело — работу с кадрами, документацией, лицензированием сотрудников. В результате по ведению служебной документации ЧОП "Патриот-С" попал в пятерку лучших в столице. А дело это немаловажное. И именно строгое соблюдение всех предписаний отмечают в "Патриот-С" в отделе лицензионно-разрешительной работы округа.

На устройство сюда стоит очередь. Люди ценят прежде всего коллектив, ведь для них он остается фактически тем же, что и на службе. Они знают, что здесь есть понятия офицерской чести, долга и взаимопомощи. Не случайно в "Патриот-С" часто приходят устраиваться на работу сотрудники из других ЧОПов.

ЧОП "Патриот-С", действуя исключительно в рамках закона, занимается защитой жизни и здоровья граждан, охраной имущества собственников, в том числе при его транспортировке, проектированием, монтажом и эксплуатационным оборудованием средств охранно-пожарной сигнализации, консультированием и подготовкой рекомендаций по вопросам правомерной защиты от противоправных посягательств.

Действуя исключительно в рамках закона, мы имеем возможность эффективного решения широкого круга вопросов, относящихся к Вашей безопасности. Обратившись к нам, Вы получите квалифицированную помощь в решении Ваших проблем. В основе работы Частного охранного предприятия "Патриот-С" лежит принцип обеспечения комплексной безопасности, помноженный на широкие технические возможности и высокий уровень подготовленности квалифицированных сотрудников, оснащенных новейшими техническими средствами, имеющих стаж оперативно-следственной работы в системах МВД и ФСБ РФ.

Предприятие ООО ЧОП "Патриот-С", обеспечивающее в г. Москве охрану объектов имеет высокий рейтинг.

На счету охранного предприятия и обеспечение охраны порядка в общественных местах совместно с милицией. Для этого был заключен специальный договор с УВД СЗАО на три года о координации взаимных действий. Работают, тесно взаимодействуя с начальником милиции общественной безопасности Северо-Западного округа. Хорошие связи наладились и с милицией общественной безопасности Северного округа, которую возглавляет бывший офицер внутренних войск полковник милиции Александр Царев, с начальником 111-го отделения милиции ОВД Петровско-Разумовское.

Естественно, патрулирование на улицах — дело для коммерческого предприятия, которым является ЧОП, невыгодное, однако руководство "Патриот-С" идет на это, достигая сразу двух немаловажных целей. Первое — это укрепление порядка на улицах столицы, а второе — это доверие граждан к форме и деятельности частных охранников, что, согласитесь, существенно.

Интересно отметить, что порядков здесь не хуже, чем в армии и войсках. Тех, кто работает нечестно или любит выпить, в фирме не держат. Никто с ними, как это бывало порой на службе, здесь не нянчится. Исполнительный директор — тоже бывший офицер, поэтому дисциплина здесь жесткая. Претензий к фирме не было еще ни у одного заказчика, пока поступают лишь благодарности. Например, был случай: при охране одной из гостиниц произошло нападение жильцов на сотрудников ЧОП. Один из нападавших был вооружен ножом. Однако охранник, бывший военнослужащий Дмитрий Илькаев, мгновенно сориентировался, и через секунду оба нападавших оказались на полу, им осталось только дожидаться наряда милиции, который вскоре и прибыл. Агрессия постояльцев объяснялась просто: один из них находился в федеральном розыске за совершенное преступление.

И все же бывшие офицеры и прапорщики, освоившись на гражданке и встав на ноги, не порывают связи с войсками.

12 апреля 2002 года исполнилось 7 лет со дня формирования войсковой части 3795, офицеры которой и стали основателями

ООО ЧОП "Патриот-С". В этот день генеральный директор фирмы издал приказ о поощрении лучших офицеров части (подполковника Дубецких С.В., подполковника Фомина М.В., майора Жукова В.И., капитана Бурдейко В.И) денежной премией. Это обещает стать доброй традицией.

Фирма также оказывает спонсорскую помощь ветеранам. Недавно она была награждена грамотой командующего Московским округом внутренних войск МВД России "За активное участие в работе по решению вопросов взаимодействия с частями по охране важных государственных объектов, повышения боеготовности и авторитета подразделений войск Московского округа ВВ МВД России".

Для ветеранов внутренних войск ко Дню Победы устраиваются торжественные мероприятия, праздничные ужины, им вручаются подарки. Руководство фирмы включено в совет ветеранов отдельной бригады спецчастей внутренних войск и постоянно участвует в его деятельности, а ее генеральный директор Олег Ермолаев награжден почетным знаком Российского комитета ветеранов войны и Вооруженных сил.

Бывает, что офицеры приходят сюда за советом в сложных ситуациях и просто в гости, просят помочь с работой на гражданке. "Патриот-С" никому не отказывает.

Так и живет сегодня частное охранное предприятие "Патриот-С". Хочется даже сказать, служит, поскольку, и перейдя в запас, его офицеры и прапорщики не теряют связи с войсками, во многом живут их жизнью. Да так и должно быть, считает генеральный директор ЧОП Олег Ермолаев, когда охранную работу делают настоящие профессионалы.

Валерия КОНДРА
Фото автора

АЭРОДРОМ для семьи летчика

Мы уже немало писали о жилищных сертификатах для военнослужащих. Приводили и положения нормативных актов, цифры выделенных и реализованных сертификатов. Но ведь за каждым из них стоят живые люди с их жилищными проблемами, мечтами — сбывшимися и нет. Вот и решили мы в этот раз рассказать о конкретной семье военнослужащего внутренних войск, получившей государственный жилищный сертификат и купившей жилье. Посмотреть, с какими трудностями пришлось ей столкнуться, пройти вместе с ней весь путь: от получения сертификата до вселения в квартиру.

Государственный жилищный сертификат капитан Сергей Бондарчук получил в мае прошлого года. В своей воинской части среди обладателей ГЖС он оказался третьим, кто сумел его реализовать. И сразу стал одним из самых популярных в полку людей. Дело в том, что два его сослуживца, приобретавшие жилье раньше Сергея, смогли купить квартиры в Калужской области на первом и последнем этажах домов. Семье же капитана Бондарчука по военным меркам повезло — она переехала в подмосковный город Щелково в нормальную двухкомнатную квартиру на втором этаже пятиэтажки. При этом удалось уложиться в сумму, положенную по сертификату на четырех человек.

До этого жизнь Сергея мало чем отличалась от судеб тысяч его коллег. В 1991 году окончил авиационное военное училище. Летал штурманом на транспортном Ил-76. Несколько лет прослужил в Забайкалье. Перевелся под Смоленск. Через четыре года — в одну из авиационных частей внутренних войск, расположенных в Калужской области.

Все это время семья жила на чужбине. Снимали жилье. Случалось, что уже через месяц хозяин требовал освободить жилплощадь.

На последнем месте службы владелец квартиры то и дело поднимал цену за поднаем. В итоге она возросла до тысячи рублей (уточним: денежное довольствие Сергея составляло около трех тысяч рублей, жена не работала, ждали второго ребенка).

Как и многие в части, капитан Бондарчук стоял в очереди на получение жилья. Но на то, что это произойдет в обозримом будущем, надежды было немного. И когда в начале прошлого года военнослужащим части стали предлагать государственные жилищные сертификаты, Сергей долго не раздумывал. Оставалось лишь дожидаться рождения второго ребенка, чтобы субсидию рассчитали на четырех человек.

С чего начинать? Бондарчук обратился за помощью и разъяснениями в приемную Генерального управляющего по "Государственным жилищным сертификатам", что в Москве на улице Пречистенка, 5-а, тел. 926-45-98.

Прежде всего надо было решить, где приобретать квартиру. Как вы знаете, двое его сослуживцев уже приобрели жилье по сертификатам в Калуге. Кстати, также с помощью приемной Генуправляющего. Но оказалось, что цены на жилье в этом областном центре ни-

чуть не ниже, чем в Подмосковье. А Бондарчукам после всех мытарств хотелось жить поближе к столице. И в той же приемной Генуправляющего им посоветовали обратить внимание на город Щелково Московской области.

Справка. За три года в этом районе по программе ГЖС приобрели жилье 80 человек, проходивших прежде военную службу в других областях или районах Подмосковья и уволенных из рядов Вооруженных сил РФ. По словам заместителя главы администрации Щелковского района по жилищно-коммунальному хозяйству Александра Попова, в районе еще в 1998 году (после принятия федеральной программы) создана комиссия по выдаче жилищных сертификатов. Благодаря этому удается координировать вопросы, связанные с реализацией ГЖС, наладить четкую работу всех организаций — Сбербанка, регпалаты, казначейства. Даже при отсутствии большого рынка жилья — как первичного, так и вторичного — любому владельцу сертификата, обращающемуся в эти организации, всегда помогут, дадут консультацию.

Субсидии, выделяемой в прошлом году по сертификату на четы-

рех человек, Сергею Бондарчуку хватало лишь на приобретение квартиры на вторичном рынке. Хотя и здесь были трудности. Продавцы, как правило, требуют "живые" деньги и отказываются работать с государственными бумагами.

Ему пришлось немало поездить в поисках жилья, устраивающего его семью. Хорошо, что в той же приемной Генуправляющего Программой ГЖС и в ЗАО "Центр-ГЖС", где он часто бывал, консультировали, подсказывали, какой из найденных вариантов лучше. И наступил день, когда Сергей понял — вот она, та квартира, о которой и мечтали. Съездил, посмотрел, понравилось. Посоветовался с женой, решили, что все подходит.

Справка. В Щелково обладатели сертификатов имеют возможность приобрести жилье и в новостройках. Правда, с небольшой доплатой. Стоимость такого жилья колеблется от 10 до 12,5 тысячи рублей за квадратный метр. После принятия постановления Правительства РФ от 19 марта 2002 года "О совершенствовании деятельности по реализации федеральной целевой программы "Государственные жилищные сертификаты" военнослужащим предоставляется 100 процентов безвозмездной субсидии. Учитывая, что во втором квартале 2002 года размер безвозмездных субсидий рассчитывается из расчета 9680 рублей за квадратный метр при приобретении жилья в Подмоскovie, доплатить владельцу сертификата требуется не так уж много. Однако не все строительные компании — продавцы жилья (особенно дорогостоящего) согласны работать с сертификатами. Жилье в тех же новостройках продается в основном уже на этапе возведения первого этажа, и к окончанию строительства свободных квартир практически не остается. Но есть инвесторы, которые приобретают жилье в новостройках и реализуют его по сертификатам.

Найдя приемлемый вариант, в августе прошлого года капитан Бондарчук списался с летной работы по состоянию здоровья. Подал документы на увольнение в запас и продолжал решать квартирный вопрос.

Теперь его путь вместе с продавцом лежал в Щелковское управ-

ление Московской областной регистрационной палаты.

Для реализации ГЖС необходимо заключить договор купли-продажи жилья. Этот этап требует от покупателя повышенного внимания. Здесь владельцев сертификатов иной раз ждут настоящие побои. В некоторых районах Подмоскovie за оформление документов приходится выкладывать от одной до двух тысяч долларов. За всевозможными юридическими справками и консультациями направляют в юридические или нотариальные конторы. А там или цены огромные, или попросту требуют процент от суммы сделки.

Однако то, о чем рассказала ведущий специалист Щелковского управления Московской областной регистрационной палаты Екатерина Минич, признаюсь, приятно удивило. В Щелково все участники Программы ГЖС могут получить любые консультации по всем интересующим их вопросам жилищного права, а оформление документов владельцам сертификатов обходится менее чем в четыре тысячи рублей.

Справка. Льгот при оплате за оформление документов для владельцев сертификатов не существует. Однако все платные услуги производят по государственному расценкам. Подготовка договора купли-продажи со всеми необходимыми консультациями стоит 1680 рублей. Затем договор следует зарегистрировать. Срочная регистрация обходится в 200 рублей (обычная — 50). Когда договор составлен, зарегистрирован и оплачен через Сбербанк, покупатель получает государственное свидетельство о праве на собственность. (Оформление обходится от ста до трехсот рублей за человека.)

Главное — внимательно относиться к оформлению документов в части, чтобы их из-за допущенных ошибок не вернули на доработку.

Начальник отдела учета и распределения жилой площади комитета по ЖКХ администрации Щелковского района Елена Маркова объяснила, что регистрационная палата района оказывает все необходимые услуги по государственному расценкам и при нормальном отношении регпалаты к владельцу ГЖС эти затраты необременитель-

ны. Разве что желающему приобрести жилье придется несколько раз сюда приехать в назначенные дни.

Из регистрационной палаты договор купли-продажи владелец сертификата сдает в Сберегательный банк.

Сертификаты и документы принимают в операционном отделе банка. Оформлением писем и контролем прохождения документов занимается отдел вкладов. В функции юристов банка входит проверка правильности оформления документов, особенно соблюдения норм жилья, положенного на человека. Если ошибки допущены в регистрационной палате, документы направляют туда на доработку. Бывали случаи: в договорах обнаруживались ошибки, но при наличии договоренности Сбербанка и регпалаты все исправления в регистрационной палате вносились оперативно и без дополнительной оплаты. Как правило, на это затрачивают один-два дня. Если в чем-то ошибся клиент, то в банке ему дадут необходимые консультации.

По закону банку для проверки всех документов отводится не более пяти дней. В Щелково, бывало, укладывались и за два дня. Главное, чтобы в документах не было ошибок...

...Однажды Сергей приехал домой и сообщил: "Собирайтесь, переезжаем!"

Сборы семьи офицера были недолгими. Через несколько дней вещи загрузили в грузовик и отправились к себе домой.

Жена Сергея Ирина даже не представляла, что можно вот так, запросто, подняться на этаж, открыть дверь собственной квартиры и войти в нее.... Было и радостно, и немного страшно. Только со временем научилась осознавать, что больше не надо бояться, что кто-то придет и попросит ее освободить, так как нашелся более выгодный квартирант.

Не пугало и то, что в квартире предстояло сделать ремонт. Со временем все устроится. Главное, что государственный жилищный сертификат для этой семьи превратился в столь долгожданную собственную квартиру.

Майор Игорь БЫСЕНКОВ

Здание МВД (1902 г.)

Здание МВД (2002 г.)

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: страницы истории

Рожденный революцией

Народный комиссариат внутренних дел образован на 2-м Всероссийском съезде Советов 25 — 26 октября (7 — 8 ноября) 1917 года в числе 13 наркоматов. Он входил в состав первого советского правительства — Совета Народных Комиссаров. Первым наркомом внутренних дел стал А.И. Рыков. Однако этот пост он занимал всего девять дней. В настоящее время известно лишь о двух подписанных им важных нормативных актах — постановлениях НКВД “О рабочей милиции” и “О передаче жилищ в ведение городов”.

17(30) ноября 1917 года народным комиссаром внутренних дел по предложению В.И. Ленина назначен Г.И. Петровский. В состав первой коллегии НКВД вошли известные революционеры Ф.Э. Дзержинский, М.Я. Лацис, М.С. Урицкий и И.С. Уншлихт. Это руководящее ядро возглавило работу по формированию аппарата наркомата. На пути его создания,

выработки структуры возникли большие трудности. Старые чиновники не хотели служить новой власти, а те, кто стал у руля советского государства, не имели опыта государственного строительства. Служащие дореволюционных министерств, в том числе и МВД, саботировали и не выходили на работу. В здании МВД остались лишь курьеры и сторожа.

О начале своей деятельности на посту наркома Петровский писал: “Нас было семеро. Мы вошли в почти пустое министерство. Было холодно и голодно. Товарищ Мешковский организует финотдел... Товарищ Яковлев ставит делопроизводство на ноги. Товарищи Лацис и Смирнов организуют отделы управления и местного хозяйства, подбирают конторщиков... И машина заработала”.

Для формирования структуры НКВД единственным образцом, который можно было учесть и использовать, являлась структура аппарата дореволюционного Министерства внутренних дел. Она

и легла в основу построения аппарата наркомата. Формирование центрального аппарата НКВД продолжалось до лета 1918 года. В июне он насчитывал уже 11 отделов, в которых работали 400 сотрудников.

Наркомат внутренних дел сложился как многофункциональный орган, охватывающий своей деятельностью широкий круг задач, что видно из названий его подразделений: отделы местного управления и местного хозяйства, финансовый, иностранный, беженцев, ветеринарный, по управлению медицинской частью, бюро печати и контрольно-ревизионная комиссия. Такое разнообразие функций дает основания утверждать, что НКВД того периода занимался внутренними делами государства в широком смысле слова. Но уже вскоре обозначилась тенденция сужения функций НКВД. В частности, вопросы руководства статистикой, медициной, ветеринарией, делами печати и некоторые другие функции были переданы в иные ведомства.

Сразу после победы революции на НКВД было возложено руководство практическим строительством органов новой власти — Советов. Для реализации этой задачи в составе НКВД было создано специальное подразделение — отдел местного управле-

ния. Ставя такую задачу перед НКВД, исходили из того, что до революции губернаторы и подчиненные им органы, а затем и губернские комиссары Временного правительства, были подведомственны МВД.

Одной из важных функций НКВД с самого начала стала охрана общественного порядка и борьба с преступностью. В формировании организационных структур, осуществлявших эту функцию, имелись определенные особенности. Они были обусловлены теоретическими положениями марксизма, закрепленными в программных документах большевистской партии. Первоначально за состоянием общественного порядка следила рабочая милиция, которая не была штатным государственным органом. Она представляла собой разновидность всеобщего вооружения трудящихся, пролетарской милиции. Однако очень скоро практика показала нежизненность рабочей милиции, так как она не могла действовать профессионально. Поэтому от этой формы пришлось отказаться. Уже в марте 1918 года Совнарком предложил НКВД разработать положение о советской милиции как штатном государственном органе. Первый Всероссийский съезд председателей губисполкомов и заведующих отделами управления принял постановление об организации рабоче-крестьянской милиции — постоянного штатного государственного органа, построенного на профессиональных началах.

Центральным органом рабоче-крестьянской милиции являлось Главное управление милиции, образованное в октябре 1918 года и вошедшее в НКВД России. Основными звеньями местного аппарата милиции стали губернские и уездные управления, низовым — участок (с ноября 1918 года — район).

В течение 1918 — 1920 годов происходило формирование основных подразделений рабоче-крестьянской милиции. В октябре 1918 года создается уголовный розыск. В феврале 1919-го учреждается железнодорожная, а в апреле того же года — речная милиция.

Таким образом, в короткий срок сложились главные звенья

единого аппарата милиции Российской Федерации. Можно считать, что ее организационное становление к середине 1920 года в основном завершилось.

Процесс сосредоточения в ведении НКВД функций охраны общественного порядка и безопасности, борьбы с преступностью, исправления и перевоспитания осужденных наиболее интенсивно протекал в 1919 — 1923 годах. Огромную роль в этом сыграл Ф.Э.Дзержинский, в марте 1919 года сменивший на посту наркома внутренних дел Г.И.Петровского.

С 1919 года шла разработка проекта положения о НКВД. Однако сложная обстановка в стране и то обстоятельство, что компетенция и организационная структура НКВД постоянно изменялись, тормозили принятие документа. К тому же многие формулировки его были нечеткими, расплывчатыми, а нередко противоречивыми. Проект обсуждался долго. Окончательно "Положение о НКВД" утверждено ВЦИК лишь 24 мая 1922 года. В соответствии с ним Наркомат внутренних дел РСФСР продолжал выполнять очень широкий круг обязанностей. В НКВД были образованы: Организационно-административное управление, Главное управление милиции, Главное управление принудительных работ, Центральное управление по эвакуации населения, Главное управление коммунального хозяйства, в состав которого входил пожарный отдел. После ликвидации ВЧК в феврале 1922 года в составе НКВД образовано Государственное политическое управление (ГПУ). Но после образования СССР уже в ноябре 1923 года в связи с созданием ОГПУ при СНК СССР органы государственной безопасности были выведены из состава НКВД.

Курс на восстановление народного хозяйства, режим строгой экономии, сокращение административно-управленческих расходов, проводившиеся в общегосударственном масштабе, отразились и на системе органов внутренних дел. В августе 1923 года вместо прежде существовавших Организационно-административного управления, Главного управления милиции и отдела

уголовного розыска было создано Центральное административное управление НКВД, в результате чего более чем в два раза были сокращены штаты и на 30 процентов расходы на содержание аппарата.

Реформы 30-х годов

В декабре 1930 года ликвидируются народные комиссариаты внутренних дел союзных и автономных республик. Эта мера официально преследовала цель усилить специализацию в управлении отдельными отраслями, входившими в ведение НКВД. В постановлении ЦИК и СНК СССР указывалось: "На новом этапе в условиях социалистической реконструкции народного хозяйства комиссариаты внутренних дел союзных и автономных республик, объединяющие руководство различными органически не связанными между собой отраслями народного хозяйства — коммунальным делом, милицией, уголовным розыском, — стали излишними звеньями советского аппарата".

Надо сказать, что ликвидации наркомата внутренних дел предшествовала широкая кампания по их дискредитации. Об этом можно судить хотя бы по заголовкам статей, помещенных в 1929 — 1930 годах в центральных газетах: "НКВД должен быть расформирован", "Чуждые люди в Наркомвнуделе", "Бывшие" свили гнездо в НКВД, "Спертый воздух в Наркомвнуделе".

31 декабря 1930 года ВЦИК и СНК приняли постановление "О мерах в отношении, вытекающих из ликвидации Наркомвнудела РСФСР и наркомвнуделов автономных республик". Этим постановлением на созданное при СНК РСФСР Главное управление милиции и уголовного розыска было возложено руководство органами милиции и уголовного розыска, осуществление охраны общественного порядка, личной безопасности граждан, их прав и имущества, борьба с преступностью и расследование преступлений, руководство приведением в исполнение судебных приговоров и т.д.

Одновременно с постановле-

нием о ликвидации НКВД союзных и автономных республик, ЦИК и СНК СССР приняли секретное постановление "О руководстве органами ОГПУ деятельностью милиции и уголовного розыска". На основании этого постановления ОГПУ СССР и его местные органы получили право не только назначения, перемещения и увольнения руководящих работников органов уголовного розыска и милиции, их инспектирования и контроля, но и использования в своих целях не только личного состава, но и негласной сети милиции и угрозыска, их возможностей в области дактилоскопии и фотографии.

В конце 1931 года подобные взаимоотношения милиции и органов ОГПУ легализуются путем создания в составе ОГПУ СССР Главной инспекции по милиции и уголовному розыску. Таким образом, обеспечивается строгая централизация руководства милицией, ослабление ее связей с органами власти различного уровня. Произошло то, к чему ОГПУ стремилось еще в 20-е годы и что отвергалось как несоответствующее Конституции.

Столь существенные изменения в системе органов милиции позволили подвести под нее строительство в масштабе всей страны единую правовую базу. 25 мая 1931 года СНК СССР утвердил первое общесоюзное Положение о рабоче-крестьянской милиции (действовало до 1962 года), устанавливающее, что центральными органами являлись главные управления милиции союзных республик, созданные при совнаркомах, а местными — районные, городские, краевые и областные управления милиции, а также управления милиции автономных республик.

В результате многочисленных реформ сложилась такая картина, когда основные звенья государственного механизма, призванные обеспечивать порядок и безопасность, оказались в различных ведомствах. С точки зрения национальных интересов, все более явственно обнаруживалась потребность их организационного объединения. Но определяющими началами организации явились другие обстоятельства: изменения в политической

системе и укрепление режима личной власти. Началось законодательное оформление командно-административной системы во главе с узкой группой лиц, стоящих на верху партийной и государственной власти.

С этой точки зрения, образование Наркомата внутренних дел СССР на основании постановления ЦИК СССР от 10 июля 1934 года было вполне объяснимым, а для укрепления режима власти — необходимым.

Этим постановлением на НКВД СССР возлагалось: обеспечение революционного порядка и государственной безопасности, охрана общественной (социалистической) собственности, запись актов гражданского состояния и пограничная охрана. В соответствии с этим в составе НКВД СССР были образованы подразделения: Главное управление государственной безопасности, Главное управление рабоче-крестьянской милиции, Главное управление пограничной и внутренней охраны, Главное управление пожарной охраны, Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений, отдел актов гражданского состояния и административно-хозяйственного управления.

В последующие годы в ведение НКВД были переданы многие другие подразделения. В частности, 17 августа 1934 года принято постановление ЦИК СССР о включении конвойных войск в состав внутренней охраны НКВД СССР.

Первые два наркома внутренних дел СССР Г.Г.Ягода и Н.И.Ежов возглавляли ведомство небольшие сроки: с 1934 по 1936 — первый, и с 1936 по 1938 — второй. Но именно в эти годы последовательно расширялись масштабы репрессий, которые в 1937 — 1938 годах достигли пика. Наиболее существенным для характеристики НКВД СССР того времени является то, что он оказался вне контроля вышестоящих государственных органов, вне партийного контроля, превратившись в руках Сталина в инструмент необоснованных репрессий.

Из года в год структура Наркомата внутренних дел усложнялась. Возникали все новые и новые подразделения.

В 1939 году в структуру НКВД СССР, который к тому времени возглавлял Л.П.Берия, входили: руководство наркомата с несколькими секретариатами, Главное управление государственной безопасности с отделами (охраны руководящих партийных и советских работников, секретно-политическим, контрразведывательным, особым, иностранным и шифровальным), Главное экономическое управление с шестью отделами по основным отраслям народного хозяйства (промышленность, сельское хозяйство и т.д.), Главное транспортное управление.

В соответствии с постановлением СНК СССР от 2 февраля 1939 года Главное управление пограничных и внутренних войск НКВД было разделено на шесть управлений: Главное управление пограничных войск, Главное управление войск по охране железнодорожных сооружений, Главное управление по охране особо важных предприятий промышленности, Главное управление конвойных войск, Главное управление военного снабжения, Главное военно-строительное управление.

В составе НКВД СССР также имелись: Главное архивное управление, Главное управление пожарной охраны, Главное управление шоссейных дорог, Главное управление лагерей, Главное тюремное управление, Центральный отдел актов гражданского состояния, Управление коменданта Московского Кремля, Управление по делам военнопленных и интернированных, Главное управление рабоче-крестьянской милиции.

И пусть данные об основных структурных звеньях центрального аппарата НКВД СССР того времени на первый взгляд канцелярско-суховаты, но без этих сведений нельзя представить действительную мощь наркомата, оценить его место и роль в государственном механизме.

Александр МАЛЫГИН,
доктор юридических наук,
профессор
Роланд МУЛУКАЕВ,
доктор юридических наук,
профессор

Генерал армии Анатолий КУЛИКОВ

ТЯЖЕЛЫЕ ЗВЕЗДЫ

Отрывки из книги

Забота о детях, о семейном уюте всегда лежала на плечах жены Вали. Конечно, дети видели, что наши отношения основаны прежде всего на любви и взаимном уважении. Этому они исподволь учились каждый день, и я надеюсь, что в их собственной семейной жизни наш пример обязательно пригодится. Кажется, не стоит повторять, как много переездов с места на место требует профессия офицера. Но где бы мы ни находились, в каких бы условиях ни жили, на новом месте я первым делом мастерил деревянную полку, а Валя обязательно ставила на нее цветы. И сразу же в комнате или в квартире становилось уютнее.

Все наши разнообразные коробки и ящики, в которые при переездах мы упаковывали вещи, до поры до времени Валентиной сохранялись в неприкосновенности. И лишь когда мы переехали в девятнадцатый раз, она без совета со мной выбросила их из дома. Как считает она сама, "это был знак, что с меня хватит.."

После назначения меня министром она не раз шутила, что я не столько ее собственный муж, сколько "муж государственный". Рабочее напряжение было столь велико, что телефон стал занимать в нашем доме ключевое место. Во-первых, даже в так называемые минуты отдыха он звонил беспрестанно. Во-вторых, общались мы тоже в основном по телефону. В-третьих, телефонный звонок был тем единственным звуком, который мог разбудить меня после многочисленных бессон-

ных ночей. На будильник и уговоры я не реагировал. Тогда Валя, чтобы поднять меня на работу, шла к соседям и набирала наш домашний номер. Вот тогда я моментально вскакивал с постели.

Тяжелее всего то, что кочевая жизнь отнимает у офицерской жены возможность по-настоящему реализоваться в собственной профессии. Приходится довольствоваться временной работой, менять специальности, всякий раз заново обживаться на новом месте. Во время наших переездов с места на место Валя где только не работала: и бухгалтером в строительной организации, и музыкальным руководителем в детском саду, и даже гражданским служащим в суворовском училище. Уверен: будь у нее такая возможность, она бы стала прекрасным педагогом. И я не могу не ощущать свою вину за то, что военная служба и забота о семье, в которой трое мужчин (муж и двое сыновей) время от времени куда-нибудь убегают по тревоге, отняли у нее эту возможность.

Чтобы офицерская семья выдержала все неминуемые трудности, нужны любовь, терпение и даже самопожертвование. Я заметил, что на службе состоялись только те офицеры, чьи жены хорошо это понимали. И принимали походную жизнь как должное.

Прилетев в апреле 1995 года из Чечни в короткий отпуск, я сразу же увидел жену на бетонке подмосковного военного аэродрома Чкаловский. Позади были несколько месяцев разлуки, быть может, самых тяжелых в

Продолжение. Начало в №4

нашей жизни. Догадывался, как переживала она за нас с Сергеем. За Сережу — потому что офицерская судьба обязывала его находиться в окопах, а не при штабе. За меня — потому что должность командующего Объединенной группировкой федеральных войск в Чеченской республике, которую в конце января 1995 года я принял от генерала Квашнина, в сложившейся обстановке была опасна вдвойне. Точно так же я находился в боевых порядках передовых батальонов и рот, но теперь на мне еще лежал груз ответственности за судьбы тысяч солдат и офицеров, принимавших участие в освобождении Чечни от незаконных вооруженных формирований.

Я обнял Валю и, оглядевшись по сторонам, с удивлением заметил, что нет моей служебной машины.

Поначалу не придал этому значения. Могло быть и так, что водитель просто припарковал машину чуть поодаль — поделикатничал, чтобы не мешать нашей встрече. И теперь дожидается, пока Валя не подскажет мне дорогу.

Послушно иду за женой и только через какое-то время начинаю понимать, что ведет меня Валя к нашим собственным "Жигулям". И не к привычному для меня водительскому месту, а к соседнему, пассажирскому. Широко распахивает дверь: "Прошу!.."

Я все еще думаю, что меня разыгрывают. Ну мало ли, привезли друзья, сейчас подойдут, и все разъяснится. Ведь сама Валя машину не водит. Когда-то, много лет тому назад, когда мы, назанимав денег, купили первый наш автомобиль — старенький "Москвич" — Валя изъявила желание попробовать себя в качестве шофера. Дорога была степная, ровная, и я без колебаний уступил ей место за рулем, предварительно объяснив, какие педали и в какой последовательности нажимать. Однако ее решительности хватило ненадолго. Первая же встречная машина так напугала Валю, что я был вынужден сказать ей со всей откровенностью: "Сядь рядышком. Не обижайся, но за рулем тебе делать нечего..."

В общем, Валя смирилась с тем, что ее место в машине — это место впередсмотрящего, и вожделению нигде не училась. Я это хорошо знал. Поэтому

недоверчиво смотрю, как Валя заводит машину и собирается тронуться с места.

Пытаясь сохранять самообладание, тихо спрашиваю: "Ты что, шутишь? Собираешься везти командующего Объединенной группировкой, не умея водить машину?.. Не дай Бог что случится, это же будет грандиозное ЧП! Да нас с тобой сейчас просто задержат на первом же посту милиции!"

Валя улыбается: "Нет, я серьезно...", и я с удивлением замечаю, что за рулем жена чувствует себя очень уверенно: переключает скорости, ловко выкруливает со стоянки. Даже то, как она, разворачиваясь, краем глаза взглянула в зеркало заднего вида, выдавало в ней опытного водителя.

Оказывается, пока я воевал, она выучилась водить машину и получила водительские права. Вижу, вся так и светится от гордости, что удалось меня провезти. Что я наконец дома.

Вижу цветочниц с охапками тюльпанов и роз. Говорю Вале: "Ну-ка притормози!"

Как есть — в полевой генеральской форме — старуюсь выбрать самый чудесный букет. Цветочницы возле Чкаловского, мимо которых из месяца в месяц, из года в год течет бесконечный поток воюющих и отвоевавших мужчин, очень точно чувствуют, что у кого на душе. Понимают: у меня все хорошо. Перешучиваются. "Кому, — спрашивают, — товарищ генерал, собираетесь дарить цветы?". Я тоже смеюсь в ответ: "Да вон, — говорю, — любовница моя сидит в машине. Для нее и цветы. Если можно, то самые лучшие!"

Они мигом собрали замечательный букет. Кто посмелее, даже в машину заглянули как бы ненароком, чтобы рассмотреть сидевшую за рулем Валю, и, кажется, остались довольны тем, что "любовница" у меня во всем статьям — подходящая!

Любовь и доверие — вот то, что лежит в основе моих взаимоотношений с детьми — Сергеем, Виктором, Наташей. Я рад, что они платят мне тем же и всегда делят со мной радости и огорчения. Несмотря на то, что у сыновей уже подрастают свои дети, мы продолжаем оставаться очень сплоченной семьей. Точную формулу этой

простой человеческой зависимости неожиданно вывел Сергей в те дни, когда я командовал Объединенной группировкой федеральных войск в Чечне, а наши войска выбивали из Грозного остатки бандформирований.

Это было тяжелое время. В Чечню мы входили порознь и, конечно, видаться не могли, так как фронтовые пути капитана и генерал-полковника по понятным причинам пересекаются не часто, даже если они и приходят друг другу отцом и сыном. У каждого своя работа на войне, а на картах, которые лежат в наших полевых сумках — разный масштаб.

Тут уж ничего не поделаешь...

Конечно, Сережа очень беспокоился за меня и за наших оставшихся дома родных. Я хотя бы имел генеральскую привилегию время от времени разговаривать с ними по телефону, о чем капитан Куликов в окопах мог только мечтать. Поэтому, зная мой позывной — "Пион", он, как только представилась возможность, попытался связаться со мной. Дозвонился до штабного коммутатора, представился и попросил, чтобы его соединили со мной.

Оператор, сидевший на коммутаторе, как это обычно бывает, не придал значения произнесенной фамилии, но зато отчетливо услышал воинское звание — "капитан".

И оно не произвело на него никакого впечатления.

Переспросил недоверчиво: "С кем, с кем, говоришь, тебя соединить?" — "С "Пионом", — просто душно подтвердил Сергей.

Связист на другом конце провода только удивился: "Да кто ты такой, чтобы разговаривать с самим "Пионом"?!."

Мой Сережа не растерялся: "Ну хорошо, — говорит, — тогда доложите, что это звонит лепесток "Пиона".

Так мне и отрекомендовали человека, вышедшего на связь, и я, честно говоря, не сразу сообразил, кто это. Только когда услышал Сережин голос, рассмеялся: надо же, какой находчивый!.. Лучше и не скажешь! Ведь каждый из этих лепестков мне одинаково дорог, и в каждом скрыта большая надежда, что мой род продолжат честные, смелые, талантливые и трудолюбивые потомки.

Сыновья... Оба — офицеры. Сегодня Сергей — полковник, а Виктор — старший лейтенант. Наша кочевая жизнь и детство, проведенное в гарнизонных военных городках, предопределили их собственную судьбу. Еще в школе на вопрос учительницы: "Как ходят гуси?" — Сергей уверенно отвечал: "Строевым шагом!".

Они быстро приобрели солдатские навыки. Вместе с моими солдатами они дневали и ночевали на полигоне, стреляли из всех видов оружия, а будучи пятиклассниками, вместе со всеми метали боевые гранаты.

Точно так же, как обучал этому солдат, я учил сыновей, как правильно взять гранату, как выдернуть чеку, как бросить гранату, чтобы, разорвавшись, она не покалечила тех, кто находится рядом. В принципе, это обычное обучение солдатскому ремеслу, но я-то знал, что подобное испытание очень много значит для человека.

При всей своей занятости я внимательно следил за тем, как растут и учатся сыновья. Разумеется, без всяких сомнений я присоединялся к ним, когда надо было смастерить ракету или бомбу или разгромить из рогатки армию бумажных солдат. Но за проступки наказывал строго. Особенно не прощал обмана. Учил постоять за себя. Однажды, когда мы с Сергеем, занимаясь физической подготовкой, висели на турнике вниз головой, из его кармана выкатилась мелкая монета. Я знал, что на школьный обед ему было выдано больше денег. Поинтересовался, где они. Выяснилось, что у Сергея их отняла компания ребят постарше — те, кто трясли мелочь у малышей и слыли хулиганами.

"Значит, так, — сказал я Сергею, — разбираться я не буду. Все сделаешь сам. Из этой команды ты выбираешь самого здорового, подходишь и бьешь прямо в нос..."

Не знаю, так ли он поступил, но больше у него никто ничего не отнимал.

Не удивительно, что Сергей, подрастая, уже и не мыслил себе иной судьбы, кроме судьбы офицерской. После восьмого класса поступил в Минское суворовское училище, потом — в высшее общевойсковое командное училище в Петродворце. Он — человек абсолютно пе-

хотного склада. Боец. Настоящий командир. Мне нравится, что так же решительно, как он это делает на службе, Сергей строит и свою личную жизнь.

Переходя с третьего на четвертый курс высшего военного училища, он высказал мне, тогда служившему в Минске командиром дивизии, свое желание жениться на знакомой девушке. На это я ему прямо ответил: "Сергея, сейчас твоя женитьба не ко времени. Я поступаю в Академию Генштаба, предстоит переезд. Еще не знаю, где и как мы будем жить в Москве. Было бы лучше, если бы твоя свадьба состоялась через год, когда ты окончишь учебу".

Тогда он со мной согласился. Но в том, что его намерения были серьезными, я убедился, узнав, что он тайком испытывал у Вали, не пожелтеет ли за год уже купленное свадебное платье.

Но, видно, любовь и молодость взяли свое. В сентябре, как только я освоился в Москве в качестве слушателя Академии Генерального штаба, от Сергея пришло письмо: "Дорогие родители, умоляю, пожалуйста, разрешите мне жениться!"

Валя, когда я пришел с занятий, с улыбкой мне это письмо протянула. Я прочитал и сказал: "Хорошо, давайте соберем семейный совет. Будем решать, что делать: разрешить или не разрешить. Как решит совет, так и поступим".

Собрались. Виктор высказался однозначно: "Конечно, разрешить". Семилетняя Наташа тоже за Сергея заступает: "Все женится. И он пусть женится..." Тут мы с Валею наконец рассмеялись, и я прямо на письме красным фломастером размашисто нанес свою отцовскую резолюцию — "РАЗРЕШАЮ!" и расписался. В тот же день письмо мы отослали обратно. А вскоре поехали на свадьбу в Ленинград. Итогом этих событий стала крепкая Сережина семья, рождение моей внучки.

После окончания училища Сергей получил назначение в Германию и за очень короткое время сделал там вполне приличную карьеру, дослужившись за четыре года от командира взвода до начальника штаба батальона. Ведомства у нас с ним были разные: у него — Министерство обороны, у меня — Министерство внутренних дел. Так что никто не может упрекнуть меня в том, что я каким-либо образом содействовал успешной

службе Сергея в его армейской мотострелковой части. Всего он добился сам. А его военная судьба в полной мере повторяла судьбу самих Вооруженных Сил СССР и России, включая все мыслимые и немыслимые сложности, которые только могли ожидать офицера в период распада страны.

Вернувшись из Германии, он сам попросился служить во Владикавказ, решив для себя, что он обязательно должен быть там, где труднее всего. Сергей только одного не ожидал, что во Владикавказе его, начальника штаба мотострелкового батальона, будут назначать в наряд дежурным по контрольно-пропускному пункту. Дивизия, где он служил, как и все Вооруженные силы в то время, переживала не самые лучшие времена.

За этим занятием я и застал Сергея, когда, будучи командующим внутренними войсками, приехал во Владикавказ проверять нашу войсковую оперативную группировку. Ее штаб находился на территории военного городка Министерства обороны, где служил мой сын. Сели, поговорили. Сергей честно высказал все свои обиды: "Папа, ты, конечно, меня извини, но я не для того учился, чтобы открывать ворота. Это работа для рядового солдата, а не для кадрового офицера". То есть он дал мне понять, что собирается переменить судьбу.

Я не стал его переубеждать. Спросил только, чем он намерен заниматься в будущем. "Думаю, бизнесом", — ответил сын. — "Ну хорошо, бизнесом... Будь по-твоему", — согласился я и воздержался от каких бы то ни было родительских советов. Взрослый сын принял решение. Нравится оно мне или нет, но я должен отнестись к нему с уважением. В конце концов, сама жизнь расставит все по своим местам. Я был спокоен хотя бы потому, что вырастил умного, трудолюбивого, волевого человека, который никогда не станет жить за чужой счет и не даст себя в обиду.

Вскоре Сергей уволился из армии и отправился пробовать свои силы на ниве свободного предпринимательства.

Прошло месяца три, прежде чем мы увиделись с ним снова: Сергей приехал в Москву на мой день рождения.

Опять сели друг против друга. Теперь я был вправе потребовать отчета: "Давай рассказывай, каких успехов добился в бизнесе? Какие планы строишь на будущее?"

Сергей подробно рассказал о том, как складываются у него дела. Не ныл, не жаловался на трудности. Наоборот, говорил с воодушевлением человека, который не жалеет о принятом решении и даже имеет какие-то виды на успех. Но я человек прямой и свое мнение по поводу этих занятий скрывать от сына не стал. "Сергея, — сказал я ему, — твое воинское звание — капитан. Но, как мне кажется, в бизнесе ты даже на унтер-офицера не тянешь... Даю тебе месяц срока, чтобы ты обдумал мое предложение. Я готов взять тебя во внутренние войска, но, извини, только на должность, соответствующую твоей подготовке".

Видимо, мои зерна упали на подготовленную почву. Здесь, в Москве, Сергей увиделся со своими сверстниками: кто-то из них уже поступил в академию, кто-то получил очередное звание или более высокую должность. Товарищи продолжали служить, все их разговоры так или иначе касались военной службы и офицерских забот, к которым сам Сергей, получается, уже не имел никакого отношения.

Вроде как чужой.

Еще и трех месяцев не прошло с тех пор, как Сергей расстался с армией, но уже заело самолюбие.

Наутро, когда пришло время прощаться — Сергей уезжал в Ростов-на-Дону, — я, памятуя о нашем разговоре, ему напомнил: "Позвоню ровно через месяц..." Сын внимательно на меня посмотрел и ответил так, как если бы все уже хорошенько обдумал и принял бесповоротное решение: "Пап, звонить не надо. Я согласен!"

Меня могут упрекнуть, дескать, нашел командующий войсками место для собственного отпрыска... Да, Сергей пошел служить в войска, которыми командовал его отец. Но не следует сбрасывать со счетов и следующие обстоятельства: пошел служить он — в Северо-Кавказский округ внутренних войск. Пошел служить — накануне первой чеченской войны.

И как было обещано, — на должность, соответствующую его подготовке.

Именно на Северном Кавказе очень быстро приго-

дились его пехотные навыки и даже его опыт службы в той самой 19-й мотострелковой дивизии Министерства обороны, откуда совсем недавно он ушел на вольные хлеба. Во время ввода войск в Чечню в декабре 1994 года Сергей находился на назрановском направлении. Будучи офицером связи, он отвечал за взаимодействие внутренних войск и частей этой армейской дивизии. Ведь многих ее офицеров он знал лично, хорошо разбирался в тактике мотострелковых войск. Это назрановское направление можно назвать одним из самых сложных — там федеральные войска продвигались с трудом и часто оказывались блокированными.

В то время я находился на другом участке, но отлично представлял, как им достается и, не скрою, очень за Сергея волновался. Впервые в жизни я оказался в положении человека, который должен смириться с тем, что его сын воюет. И воюет по-настоящему: на передовой. Иной раз в своем генеральском вагончике ворочался по ночам.

Вот тогда и сказал: "Будь ты проклята, эта война!.."

Я понимал, как переживала Валя за нас с Сергеем. Ведь там, в Москве, она и вовсе была отрезана от всякой информации.

При этом я не испытывал никаких сомнений: раз Сергей воюет, то не может идти речи о том, чтобы перевести его в безопасное место. Во-первых, в таком положении оказался не я один: у нескольких знакомых мне генералов сыновья также уходили в бой. У некоторых, к сожалению, погибали. Во-вторых, в российской истории было немало примеров, когда отцы вместе с детьми участвовали в сражении. Вспомним того же генерала Раевского, когда во время Отечественной войны 1812 года под Могилевом он шел в атаку вместе с двумя сыновьями. Это ответ людям, которые упрекали российских военных в том, что их собственные дети надежно упрятаны по тылам.

Все, что я мог сказать Вале, когда удавалось переговорить с ней по телефону: "Все нормально. Ты не волнуйся. Выкинь из головы все тревоги..."

Но не скрою: была и отцовская гордость за сына, разделившего со мной все невзгоды, поражения и побе-

ды этого военного похода. Во всяком случае, я мог не прятать глаз от матерей и отцов, чьи сыновья, так же, как мой Сергей, выполняли в Чечне тяжелую и опасную солдатскую работу. Участвовали в боевых операциях. Несли службу на блокпостах. Водили машины по военным дорогам, ежесекундно рискуя попасть в бандитскую засаду или подорваться на mine. И как бы ни была тяжела такая ноша, рука об руку идти по войне со своим сыном — это все-таки лучше, чем краснеть, как некоторые другие генералы, за своих непутовых детей.

Вскоре мне удалось повидаться с Сергеем. Я летел в вертолете в Западную группировку, но по пути на несколько минут приземлился там, где, по моим расчетам, должен был находиться капитан Куликов. Привез ему свитер, бронезилет, бутылку водки и палку копченной колбасы. Времени было в обрез, поэтому обнялись наскоро. После чего я ему выдал свое отцовское напутствие: "Давай, сынок, воюй!.."

Позже Сергей рассказывал мне, что его сослуживцы поначалу подумали, что я заберу сына с собой. Что, дескать, не выдержал генерал Куликов... Так ему и сказали, когда после моего отлета по-товарищески была разлита по армейским кружкам эта водка и наскоро порезана колбаса. На них мое отцовское благословение произвело сильное впечатление. А сам я на этом скромном фронтовом застолье был ими помянут добрыми словами.

Но свой собственный авторитет он честно зарабатывал сам. И медаль "За отвагу", и орден Мужества. И звездочки на погонах. И продвижение по службе: через некоторое время стал он командиром одного из отрядов специального назначения внутренних войск.

Шло время. И однажды на мой стол (я был уже министром) легло представление на досрочное присвоение майору С.А. Куликову воинского звания "подполковник". В бумаге все было обосновано: храбрец, ходит по неприятельским тылам, уверенно руководит отрядом специального назначения. Все — законно. Многие воюющие офицеры получают звания досрочно.

Прочитав эту бумагу внимательно, я, тем не менее, тут же, в углу, поставил свою резолюцию — "Отказать!" И хотя служил Сергей действительно хорошо, но мой поступок был вполне оправдан: я считал, что ни у кого

не должно появиться повода для упрека, что я как-то участвую в продвижении собственного сына. Будь он хоть образцом отваги и мужества. Другое дело, если бы был полностью выслужен срок, после которого присваивается очередное воинское звание.

Появился даже повод для шутки, когда после моей отставки Сергей все-таки досрочно получил звание подполковника. Его присвоил уже новый министр — Сергей Степашин. Узнав, что это произошло, я сказал сыну: "Тебе не кажется, Сережка, что новый министр лучше старого?" И мы засмеялись, понимая, что наш давнишний разговор о его переходе во внутренние войска был и правильным, и своевременным.

Основная задача высшей военной школы, которой в нашей стране издавна является именно Академия Генерального штаба, состоит в том, чтобы ее выпускники получили фундаментальную оперативно-стратегическую подготовку. Подобно любой науке, военная наука также нуждается в дерзком и талантливом творчестве. Далеко не каждому это по силам. Поэтому нет ничего удивительного, что год за годом в учебных аудиториях Академии Генерального штаба собираются, как правило, только те старшие и высшие офицеры, чьи деловые качества не вызывают сомнений.

Статистические данные свидетельствуют, что лишь один офицер из ста по прошествии многих лет службы становится слушателем этой академии. Но этот жесткий профессиональный отбор совершенно понятен. Выпускники академии — продукт, что называется, штучного изготовления. Многим из них предстоит занять высокие руководящие посты. Командовать дивизиями, корпусами, армиями, военными округами — в мирное время и фронтами — в военное.

Эти люди должны знать, что такое научный поиск. Они должны быть свободны от стереотипов и догм, которые могли бы сковывать полководца в тот час, когда создается модель боя или сражения или рождается замысел целой военной кампании.

В моей группе учились представители самых разных военных профессий: из военно-космических сил, из Главного разведывательного управления Генераль-

ного штаба, из Военно-морского флота и из противовоздушной обороны. Пехотинцы, артиллеристы, военные инженеры. У каждого свой опыт и свое знание жизни, которыми делились мы друг с другом, получая удовольствие от того, что разговариваем на одном языке. Ведь наше общение вовсе не ограничивалось лекциями и семинарами, оперативно-тактическими летучками и штабными картами, а легко переносилось за стены академии.

Да и "допуски в вольнодумстве", которыми мы пользовались в академии, разительно отличались от тех, что мы могли бы разрешить себе в обычных частях, где каждый из нас находился под пристальным вниманием офицера-особиста. А он был практически всевластен и мог без особых хлопот поломать любую офицерскую судьбу.

В стенах Академии Генштаба мы чувствовали себя гораздо свободнее.

Бывало, что преподаватели марксистско-ленинской философии (впоследствии — политологии), приезжавшие в Академию Генштаба на семинар из других, нижестоящих академий, первое время с ужасом смотрели на нас, особенно когда возникала полемика по острым политическим вопросам, а наши критические стрелы начинали задевать руководителя государства — генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева.

Сами они, эти полковники-марксисты, в аудиториях своих академий подобной крайности допустить не могли и только удивлялись, что существуют на свете необычные советские офицеры, которым разрешено размышлять свободно и раскованно.

Но только так и может состояться высший офицер, власть и воля которого в особенный час истории распространяется на большие массы людей и на большие территории. Где у него, возможно, не будет подсказчиков в тот миг, когда нужно принять очень ответственное решение оперативно-стратегического характера. В рамках прописных истин он задохнется. Без навыка критического мышления ему не понять чужих замыслов, а значит, и самому не сделать неожиданного и ошеломляющего хода, который в конце концов приведет к победе его войска.

Но помимо практической пользы подобного полков-

водческого вольнодумства, на нас накладывала отпечаток та особая пора гражданской открытости, которая наступила в конце 80-х годов. Стоит только припомнить завораживающие всю страну съезды с их бескомпромиссными речами, лица новых политиков, хлещущих по щекам прежнюю власть, и наши походы в Лужники — "на Ельцина".

Политика теперь многим показалась живым и перспективным делом, вполне подходящим для того, чтобы заявить о себе во всеуслышание. Но никто и представить себе не мог, что в вице-президенты Российской Федерации отправится наш однокурсник и мой сосед по подъезду полковник и Герой Советского Союза Александр Владимирович Рудкой.

Звание генерал-майора он получил позднее, уже став политиком.

Как заслуженный боевой летчик, он пользовался в нашем кругу уважением и авторитетом.

Теплой осенью 1988 года мы часто ходили вместе с ним от дома до академии, и я хорошо помню рассказы Александра о войне в Афганистане. О том, как в багажнике автомобиля его вывозили из нашего дипломатического учреждения в Пакистане. Его судьба вызывала восхищение: летал, сбивал неприятельские самолеты, самому приходилось гореть в воздухе и сражаться в окружении на земле.

Его интерес к политике тоже не казался случайным. Был Александр человеком активным и напористым. Почему-то запомнилось, что в жарких дискуссиях на семинарах по политологии шумный Александр Рудкой всегда ругал Ельцина и был резок в суждениях. Но была заметна еще одна присущая ему особенность: иногда он круто менял свое мнение. Мы понимали, что это уже отдает политиканством. Но в принципе без предубеждения относились к таким свойствам его характера, помогали в политических баталиях и за глаза называли Сенатором.

Сейчас и вспомнить смешно, как перед выборами в Верховный Совет СССР весь наш курс прогулял два дня, чтобы обеспечить агитационную работу в пользу Александра. Полковники и генералы, переодетшись в "гражданку" и ощущая себя чуть ли не заговорщиками, возили на личных "Жигулях" и "Москвичах" его листов-

ки, раскладывали их по почтовым ящикам. Я лично вместе с еще двумя товарищами занимался этим в Рублево — московском пригороде.

В ходе этой кампании все вместе мы обеспечивали его выступление на митинге в районе станции метро "Молодежная", где Руцкой в свойственной ему манере рубил правду-матку.

И, конечно, было всеобщее расстройство от того, что наши агитационные усилия пропали даром: в союзный парламент Сашу не выбрали. Но эта жизнь уже так разила его, что он начал новую кампанию по выдвижению в Верховный Совет РСФСР. Выдвигали его жители Курска, и однажды Руцкой исчез из академии на несколько дней: самовольно уехал к избирателям. За что по правилам, принятым в армии, получил выговор на всю катушку от начальника академии генерала Родионова. Но его собственный политический старт уже состоялся: в Верховном Совете РСФСР на вопрос Ельцина: "Ну что, Руцкой, против меня голосовал?", Александр ответил честно: "Так точно, против". Ельцин взглянул ему в глаза и многообещающе погрозил: "Ну посмотрим, что нам с тобой делать".

Весной 1990 года подошел срок моего окончания Академии Генерального штаба, и стало ясно, что новые знания мне придется проверять на практике уже в Нагорном Карабахе: предполагалось мое назначение на должность начальника Управления ВВ МВД СССР по Северному Кавказу и Закавказью.

К этому следовало прибавить крайне сложную обстановку во всех без исключения республиках Закавказья, что делало мою военную миссию чрезвычайно опасной.

Это могла быть и пуля из-за угла. Но хуже всего было то, что человек, наделавшийся полномочиями начальника внутренних войск в этом проблемном регионе, оказывался как бы между молотом и наковальней. Если, конечно, молотом считать Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, который требовал скорейшего наведения порядка, а наковальней — партийных лидеров национальных республик, пытающихся использовать внутренние войска союзно-

го подчинения в интересах собственной власти.

Впрочем, все эти очевидные опасности доставались не мне одному. В регионе действовал представитель ЦК КПСС Виктор Петрович Поляничко, сменивший на этом посту Аркадия Ивановича Вольского. Эти умные, талантливые и порядочные мужики работали в воюющем Нагорном Карабахе не за страх, а за совесть.

Но в мае 1990 года, получив известие о своем будущем назначении, я мог только догадываться, чем станет для меня Нагорный Карабах.

Я там еще не бывал. А конфликт передравшихся в Карабахе виноделов и пастухов представлялся мне своеобразным аналогом черновильской катастрофы. Есть взорвавшийся реактор. Есть зона отчуждения. Казалось, достаточно выстроить и там надежный саркофаг, чтобы уберечь от беды всю нашу страну.

Командующий внутренними войсками МВД СССР генерал-полковник Юрий Васильевич Шаталин обошелся без предисловий: "Ты два года отдыхал в Академии Генштаба... Теперь — вперед!" 26 июня 1990 года состоялся прием в Кремле в Георгиевском зале в честь выпускников академии, а на следующий день я обедал вместе с Шаталиным уже в Азербайджане, в Нахичевани, в автономной республике, где сходились границы СССР, Турции и Ирана.

Командующий внутренними войсками прагматично рассудил, что отпуск для генерала — дело наживное и мне пора знакомиться со своими частями, начиная с самого ответственного участка. На военном языке Нахичеванская АССР теперь именовалась "южным районом применения войск". А на языке газет и военных сводок — одним из фронтов карабахской войны.

Уже в Нахичевани, оглянувшись по сторонам, невольно подумал: где-то здесь, в этих краях тянул свою каторжную лямку мой отец. Будучи заключенным, строил железную дорогу до Мегри. Отсюда, из лагеря, ушел на Великую Отечественную войну. Разве мог он подумать, что почти полвека спустя, будто попадая в его набитый арестантскими сапогами след, я тоже отправлюсь отсюда на свою первую войну?

(Продолжение следует)

Поэтическая переключка

ЛИШЬ НА ВРЕМЯ УМОЛКЛИ ОРУДИЯ ГДЕ-ТО...

Евгений ПОПОВ,
подполковник

ТИШИНА

Тишина, тишина.
Надо мной тишина,
В тишине коротаю я ночь
до рассвета.
Для меня не закончилась
эта война,
Лишь на время умолкли
орудия где-то.

А на сердце рубцы
от невидимых ран,
На войне мы стареем душой
очень быстро.
Через месяц-другой
ты уже ветеран,
Если жив, если смог
не нарваться на выстрел.

Что сказать про войну?
В этот холод и смрад
Погружались ребята
по самую душу,
Заливали вином
злую горечь утрат,
Помня тех, кто ушел,
тишину не дослушав.

Что еще рассказать?
Там такая весна —
Разукрашен весь мир
разноцветной пастелью.
Но на пашне навряд ли
взойдут семена,
Ибо некому стало
возделывать землю.

И стоит надо мной тишина.
Тишина.
Жарко шепчет листвою
беззаботное лето,
Что для многих не кончилась
эта война —
Лишь на время умолкли
орудия где-то.

г. Москва

Александр СЛОБОДСКОЙ,
старший лейтенант запаса

ПЕРЕПИСКА

“Как печка, раскален
металл брони,
И ветер горный
задувает в щели.
А ты что делаешь?”
“А я считаю дни
До твоего, мой милый,
возвращения”.

“Ущельем тесным
мы идем на юг,
С окрестных гор
стреляют минометы...”
“У нас стоит зима,
мой милый друг,
Снег завалил все речки
и болота”.

“Я в триплексе
отыскиваю цели,
В сплошных разрывах
склоны впереди.
Я вижу смерть —
она в конце ущелья.
И никого из нас не пощадит...”

“Скорее возвращайся,
мой герой,
В свою семью,
на свой порог родимый...”
Помилуй, Господи,
и как-нибудь устрой,
Чтоб он пришел живой
и невредимый.

г.Химки

Вячеслав КУЗЬМИН,
капитан милиции

ПОСЛЕДНИЙ ЗАКАТ

Солнце закатилось, догорело,
Словно сигаретный огонек.
До людей ему какое дело,

Тех, кому до срока
вышел срок?

День очерчен узкою полоской,
Тающей за краешком земли,
Темным силуэтом,
тенью плоской,
Чуть заметной
в сумрачной дали.

Мы ведь до поры не замечали
(В бурной пене времени
неслись),
Что с его последними лучами
Угасает где-то чья-то жизнь.

Неприметна старая дорога,
Что ведет
к разрушенному храму.
Люди, позабывшие про Бога,
Ужаснитесь
собственному сраму!

Как несчастный,
разума лишенный,
Стервенея от кровавой бойни,
Поминальным звоном
оглушенный,
Колокол срубал на колокольне.

К старым стенам
заросла дорога.
Их лишь только ветер
навещает...
Люди, позабывшие про Бога,
Вас Он помнит.
И пока прощает.

г.Балашиха

Сергей СУББОТКИН,
капитан

Где-то там, в середине апреля,
Среди буйства березовых крон
Вдруг почудится слышимый еле

От земли отлетающий звон.

Он неведом случайному слуху,
Непонятен скупому уму.
Он, как девочка,
склонен к испугу,
Наперед удивляясь всему.

В нем живет неизбывная сила
Той незримой
заветной струны,
Над которой лишь страх
да могила
В исступлении
править вольны.

г. Москва

Елена ДЕРУНЕЦ,
школьница

ПЛАЧ

Не забыто, временем не смято:
На путивльской
крепостной стене
Ярославна плакала когда-то,
И запал плач этот в душу мне.

Плачет в голос женщина
о милом,
Сгинувшем
в нерусской стороне,
И о сыне взрослом и красивом:
Что с ним?
Хоть увидеть бы во сне...

Полегли они вдали
за Русь родную,
В чуждеальнем
горестном краю.
Вместе с Ярославной я тоскую,
Вместе с Ярославной
слезы лью.

Рядом с нами и другие жены
Тоже плачут,
да и то сказать —
Горько, больно,
лица напряженны.
Каждая —
сестра, невеста, мать.

За века так много
слез скопилось,
Наяву прожито и во сне,
Чтобы очи Лады не закрылись,
Чтобы он не сгинул на войне.

Но уходят в полымя солдаты.
Что поделать,
если дан приказ.
Русские прекрасные ребята,
Я молюсь, благословляю вас:

Будьте смелы, но поберегите
Вы себя в том адовом огне.

Возвратитесь
и покой верните
Матери, невесте и жене.

п. Новоедоровка, Крым

Михаил УСТИНОВ,
подполковник

ДОРОГА

Опять дорога:
поезд длинный,
Опять "Прощай!" кричат гудки.
Вагонный дух
тошнотно-дымный
И сонные проводники.

Судьба колесная мотает
Туда-сюда, сюда-туда.
И незаметно убегают
По рельсам вдаль мои года.

г. Ярославль

Александр РЕТИВЦЕВ,
подполковник запаса

СНЕГ

Как только упал у кирпичной
стены
Солдат по команде "Отбой!"
И сбросил с плеч
тяжесть войны —
Снятся солдату сны.

Он видит во сне девочку свою,
Уставшую писем ждать.
Он может очнуться
в аду или в раю —
Ему ли ее осуждать?!

Тревога ревет. И нет тишины.
Оружие сжав в руках,
Снова уходят России сыны
В тот город, презревши страх.

Моторы ревут, шины шуршат,
Свет фар уперся в асфальт.
Спешат машины —
везут солдат
Туда, где огненный ад.

А в небе звезды так
мирно горят,
Что кажется, это сон.
Проверь, братишка,
свой автомат:

Чечня — это не полигон.

Опасны дороги, темень вокруг.
Ты был здесь уже не раз.
Ты пулю хранишь,
от которой друг
В ночном бою тебя спас...

Команда тебе помещала, брат,
Увидеть счастливый сон.
Проверь, братишка,
свой автомат:
Чечня — это не полигон.

Я пью за тех, кто сражен в бою.
Пьем молча мы третий пост
За тех,
кто не бросил
порученный пост.
Пьем молча мы третий пост.

г. Кострома

Сергей САШИН,
капитан

ОБЕТ

Война останется войной,
Как ты ее ни назови.
И вот "двухсотыми" домой
Летят мальчишки из Чечни.
В неполных девятнадцать лет
Оборвалась их жизни нить.
Им больше не встречать
рассвет,
Девчонок больше не любить.

Один разорван миной был
(Бронежилет не спас его),
Всего лишь сутки не дожид
До дня рожденья своего.
Другой, не пожалев себя,
Меня от снайпера закрыл.
Последние его слова:
"Достань паскуду, командир".

С укором матери глядят.
Им ничего не объяснить.
Их дети в цинковых гробах,
А я... А я остался жить.
И у могилы, сняв берет
И сжав до боли кулаки,
Мальчишкам я даю обет:
— Я отомщу за вас, братки!

г. Грозный

Ирина ДЕГТЯРЕВА

Ирина ДЕГТЯРЕВА — молодой московский прозаик. Она начинала с рассказов для детей, с ними поступала в Литературный институт им. А.М. Горького. В этом году она заканчивает вуз и все чаще обращается к прозе для взрослых. Причем сюжеты черпает из жизни воинов внутренних войск, бойцов ОМОНов и СОБРов, поскольку, активно сотрудничая со многими изданиями МВД, пишет очерки и зарисовки о наших лучших офицерах и солдатах, героях "первой" и "второй Чечни".

ТРИ рассказа

Молитва Самира

Недалеко от этого горного аула погиб мой сын. Две недели назад. И тело его не нашли и не похоронили.

Низкие, тягостные тучи напоздали с гор. В их дымке замерли деревья на вершине над моей головой.

Я не знал, что Андрюша в Чечне. Сам два месяца не был дома. Лазал по горам с автоматом. Только три дня назад мне сообщили. И словно нарочно командир направил меня с напарником в секрет именно к тому аулу.

Маленькие дома просели от старости, вросли каменными боками в сухую землю. Андрей перед тем боем видел эти же горы, дома, деревья, каменный желоб с дождевой зеленоватой водой. В желобе не меняют воду: домашних животных здесь давно нет. Да и некому ухаживать за скотом. В ауле семь домов. Старики, три женщины и четверо ребят.

Может, про запустение Андрюша тоже успел подумать, прежде чем боевики окружили группу и сдавили автоматным огнем. На белых стенах домов черные оспины от пуль.

Андрея отсекали очередями от товарищей... Когда его видели последний раз, он уже был ранен и приволакивал ногу.

Домой я так и не позвонил. О пропаже и возможной гибели Андрея сообщили только мне. Думали, что жене расскажу сам. А я не смог.

Во всем моя вина. И только моя. Андрюшка тяжело пережил мой уход. Не развод, а уход. Три года я мотался между войной, работой и странной Ликой.

Она почти не спала по ночам. Курила крепкие сигареты, стриглась почти наголо. На теле у нее синими разводами проступали татуировки и колко торчали серебряные колечки. В ушах по несколько штук, в пупке, и на правой пушистой брови поблескивал маленький алмазик круглой серьги. Она была младше меня на двадцать два года. Пахло от нее всегда мокрым снегом — сырым, свежим и тяжелым. Из такого дети лепят снежных баб. Может, и ее какой-то чужак слепил с фиолетовым ежиком волос.

Меня невыносимо тянуло к ней. И, кажется, у нее был еще кто-то.

В маленьком салоне парикмахерской, где мужской зал объединялся с женским, я и увидел Лику. В зеркале. Она сидела спиной ко мне и отражалась в мутноватом стекле блеском сережек и светом глаз из-под полуприкрытых век. Тогда уже сквозь сладкий и приторный аромат духов и одеколонов парикмахерской пробился запах свежего подтаявшего снега.

Мы вышли из салона вместе. Лика достала сигареты, я помог ей прикурить. Она запахла длинное розовое пальто и направилась к синей "Ауди". Обернулась и бросила, не вынимая изо рта сигарету:

— Поехали.

В тот день я, наверное, и так бы не пошел домой. Я разругался с Ниной. Она кричала на меня, и я накричал. Выбежал, хлопнул дверью.

Андрей все понял, когда я неделю не был дома и не звонил. Он заканчивал школу, занимался музыкой. Собирался в Гнесинское. Он позвонил и попросил приехать к музыкальной школе, чтобы мать не знала.

Под уличным фонарем в оранжевом свете вихрилась

воронка сухого снега. Луна застряла на балконе одного из домов. Когда-то я частенько поджидал его во дворе школы. Андрей только поступил сюда. Нина, преподаватель музыки, настояла, чтобы он играл. И он играл с трех лет. Маленький, на высоком стуле, с деревянной скамейкой под ногами, он невпопад нажимал белые и черные клавиши пианино.

Я помню его руки. Тонкие и большие. Нянечка в роддоме передала мне его в белом конверте, обмотанном голубой шелковой лентой. Он, красный, с цыплячьим пухом на голове, выдернул ручку из конверта, и я удивился, какая у него крупная рука. Какие тонкие розовые пальцы. И никаких младенческих складок на запястьях. Совсем взрослые руки. Я целовал эти пальцы. Родился мой сын...

Он вышел из дверей школы. Торопился. Знал, что жду. Весь нараспашку. Не успел как следует завязать папку, и она открылась от ветра, и ноты полетели. Нотные черные значки смешались со снежной крупой и промокли. Его слова тоже уносило ветром, но я запомнил: "Не приходи к нам... Как ты мог?... Не отец..."

Лика ничего не спрашивала. Заметила однажды у меня пистолет. Решила наверняка, что бандит. Не донимала упреками, когда уезжал, не переживала, не волновалась, когда приезжал. Увидела форму на мне. Чуть вздернулась ее бровь с алмазной сережкой. Отвернулась.

Я заболел, и она лечила меня. Принесла оплетенную бутылку красного вина и фрукты. У нее в доме я вообще не нашел лекарств. Тут не было никаких фотографий и никаких документов. Низкая тахта. Плед на полу. Громоздкий старый шкаф. Телевизор. На стенах плакаты с чьими-то разноцветными глазами. От них становилось не по себе. Стены смотрели на тебя.

Мы выпили красное вино, съели по половине желтого осеннего яблока, и Лика стала плакать, глядя в темное окно. Я хотел подойти, обнять ее, но вместо этого отвернулся к стене и сделал вид, что сплю.

В ту ночь, как часто бывало, мне снился взрыв. Как видеокассету прокручивал. Наш "уазик". Огонь. И один я выжил. Потерял сразу двоих друзей, с которыми был вместе лет семь.

Голову распирало от боли и внутренней пустоты, ничего не слышал, обжигаясь, тащил их из машины. И все казалось, что они только ранены. И в госпитале я без конца спрашивал, где они, и не мог поверить. Узнавал правду, и снова забывал, и опять спрашивал.

И каждый раз во сне переживал то же самое. Просыпался с пустотой в голове и сильным сердцебиением.

Лика рядом. Колочая бритая голова на моем плече. Во сне Лика не такая холодная и особенно чувствуется наша разница в возрасте.

Слишком рано я женился. После школы. С Ниной сидели за одной партой. Я изучил все черточки Нины. А она не обращала на меня внимания. Потому что молчун. Слова мне давались с трудом. Или казалось мне, что остался незамеченным?

В душевной школьной раздевалке, заведя в самый угол, я взял ее за руки. Ладони у нее круглые и всегда теплые. Она испуганно запрокинула голову, пытаясь увидеть мои глаза.

— Нам еще полгода учиться. А потом мы поженимся. У нас будет сын.

Нина молчала. Побледнела. Но рук не отнимала.

Через несколько дней запиской пригласила меня к себе на день рождения. Впервые. И не помню как, но мы вдруг оказались с ней за тяжелой бархатной шторой в ее комнате. И кругляшки ее горячих ладоней у меня на спине, и губы горят у моих губ. А за ее спиной в темном окне падает снег. Все снежинки разные. Фигурные. И долго не мог потом понять, как в этот момент я мог думать о снеге.

Мы прожили двадцать один год, а у меня все язык не поворачивался спросить, любит ли она. Я боялся, что она задаст тот же вопрос. Я не знал бы, как ответить. Привык. Скучал без нее. Мне нравилась ее манера говорить. Тихо, рассудительно. Она только последние несколько лет научилась повышать голос и даже кричать. И плакала горько и отчаянно, как сильно обиженный ребенок. Так в детстве плакал Андрей.

Все время, пока Андрюшка рос, меня преследовала мысль, что мать он любит больше. Почему же он бросил музыкальную школу перед самым завершением и пошел служить? С его-то красивыми ухоженными руками — на войну. Чего он добился?

Нина прокляла и меня, и войну, которая отнимает меня у нее. Как же теперь, когда это случилось с Андреем? Как сказать ей? Сколько раз Нина говорила, что я приношу с собой разруху в дом. От меня пахнет войной. Нина боролась с ней, как с живым существом. Она ожесточенно стирала мою одежду, которая побывала в командировке. Далеко прятала берцы и сумку. И все равно ее волновал какой-то одной ею ощущаемый запах войны, гари, смерти, крови и гора.

Последний скандал я спровоцировал сам. Мне нужно было уехать, побыть одному. А я остался. Вдруг стал рассказывать про собаку. Рыжую маленькую дворняжку. Я ее прикормил. Однажды вечером собака подорвалась на mine, покалечилась, и я пристрелил ее. После моего рассказа с Ниной случилась истерика. Она кричала, билась в судорогах. Наверное, не из-за собаки. И Андрюшка все слышал. Я понял это по его красным глазам.

С моим напарником, Самиром, мы ждали прихода в аул группы боевиков. Мы отыскивали щель меж огромных валунов. Они нависали прямо над аулом. Сухпай на трое суток, спальники, у Самира СВД, у меня автомат и "Муха".

Самир не тревожил меня. Он много молился. В детстве тайком от родни Самир окрестился. И молился теперь и Христу, и Аллаху. Может, помогало. Его за две войны ни разу ни ранило, ни контузило.

Солнце заполнило весь маленький мир аула, стесненного горами. Дым вяло поднимался над одной из крыш. Запахло подгоревшим хлебом.

— Хлеб, — сладко сказал Самир, прервав молитву. Черная густая борода затопорщилась. Он улыбался.

Они готовят, едят и молятся, как и Самир. Они живут. И когда придут боевики, начнут стрелять, убьют наших солдат, они вылезут из подвалов, где отсиживались, и снова станут печь свой хлеб.

Где-то здесь тело моего сына. Если он был ранен, бандиты не потащили бы его с собой. За рядового выкупа большого не получишь, только ненужная возня с раненым. Я понимал это, как военный... А вдруг Андрей все-таки жив?

К вечеру неожиданно дали отбой.

— Самир, я на разведку. Прикрой.

Самир не спрашивал, куда я собрался. Он догадался.

Я давно научился ходить бесшумно. И крался по окраине аула. Осматривал кусты, заглядывал за камни и обвалившиеся древние постройки.

Скоро семь. В горах темнеет рано. Ночь, как тяжелый занавес, упадет сразу и плотно укроет аул.

К Самиру я вернулся ни с чем. Отыскал только россыпь гильз на севере от аула и несколько бурых пятен на камнях. Может, Андрей там принял свой последний бой? Где он теперь?..

По выходным, лет до десяти, Андрюшка утром заскакивал к нам с Ниной в кровать. Втикался в серединку, сопел у меня под мышкой.

Он часто плакал. Я сердился: не мужское это дело. А он мог зареветь просто так, вроде без повода. Выплакался на много лет вперед. И жил полно, эмоционально, словно хотел быстрее насытиться жизнью, успеть. А таких черствых молчунов, как я, наверное, надолго хватает.

Рассвет вытянулся из-за горной стены. Самир умылся и приступил к молитве. Когда он закончил, я тронул его за руку.

— Почему ты молишься? О чем ты просишь?

— Я ничего не прошу, кроме прощения. — Самир отвечал спокойно, словно ждал вопроса. — А молюсь и за тебя.

— При чем тут я?

Самир промолчал.

Лике я не нужен. Денег у меня нет. А насчет любви... Она сказала, что просто увидела мой странный взгляд в зеркале в парикмахерской и поняла, что мне нужен кто-то. Неважно кто, лишь бы был рядом и не задавал никаких вопросов. Семьи с ней не сложишь. Детей она не хочет. Я остался без семьи и вот теперь без сына.

Он любил меня. Захотел испробовать того же, что и я, как когда-то на мой день рождения. Тогда Андрей схватил со стола рюмку и выпил водки. Видел, как делаю это я. Он задохнулся, расплакался и мучился головной болью на следующий день. Точно так же он решил отхлебнуть войны, которую я черпал из бездонной бочки.

Что он испытал, оказавшись здесь? Напился горя, крови и лишений, допил и последнюю свою каплю...

Нашел я его в тени угловатого камня, на берегу ручья. Птицы уже поклевали лицо. Узнал его руки. Сам он стал маленьким. Я целовал его пальцы, как в день его рождения. И странно было, что этот убитый солдат — мой ребенок... Я развернул спальный мешок и аккуратно уложил его туда. Мне все казалось, что ему холодно...

Я взвалил Андрея на спину и пошел, не прячась, через аул, по единственной пустой и пыльной дороге. Самир догнал меня и брел чуть поодаль. Какой-то старик остановил его, спросил что-то и снял шапку с седой головы. Женщины выглядывали из-под нависших над глазами платков.

Теперь я знал, что вернусь домой вместе с Андреем. И знал, что Нина примет меня. Я понял, о чем просил в молитвах Самир. Чтобы война наконец покинула мой дом.

Вторую ночь небо темное и город в дыму. Дым горький, черный от взорванных под Грозным "самоваров".

И дым, и ночь мне на руку. Оптика не бликует. Можно как следует изучить окрестности. Обследовать каждое окошко в развалинах напротив.

"Кукушка" палила как раз с той стороны. Сейчас-то их снайпер небось дрыхнет. Гад! И мне тоже поспать бы...

Резван ушел минут пятнадцать назад. Его тонкая фигурка мелькнула в черноте двора и пропала. Теперь я здесь совсем один на сильно покореженном обстрелами школьном этаже. Сквозняк гуляет по коридорам и залетает сюда, где я оборудовал себе место наблюдения.

Фонарь зажигать нельзя. Окно выбито вместе с коробкой, его ничем не заведешь, да и в стенах дыры. Со снайперкой к окну я не подхожу. Надо смотреть или из глубины комнаты, или в одну из дыр.

Через дорогу бывшая заводская территория. Здания, кажущиеся нелепыми в темноте. Как будто их строил сумасшедший. Но это от бомбежек. Война их перестроила.

У стены под окном я очистил пол от обломков кирпичей и стреляных гильз и разложил свой спальник.

Все. Пути назад нет.

Третью неделю нас донимал снайпер. Ранил троих. Никакого жителя не стало. Мимо заводского комплекса не проедешь. Обязательно колесо на "уазике" или "Урале" пробьет.

Мы несколько раз зачищали здания, откуда он предположительно вел огонь. Результат — ноль. Словно в воздухе растворяется, дьявол. Днем по пункту временной дислокации садит. Если во дворе никого нет, он дырявит белье, которое сохнет на веревках. А две недели назад белье он оставил в покое. Взялся всерьез за людей. За три дня два тяжело раненых.

Только отправили "трехсотого", снова выстрел. На этот раз досталось и мне, считавшемуся чуть ли не лучшим стрелком в отряде, снайпером номер один. Видать, следил, подлец...

Черт понес меня чистить винтовку во двор на солнышко. Я уронил ершик на землю, нагнулся поднять. Хлоп! Зад мне и обожгло. Я откатился в сторону и нелепыми скачками доковылял до укрытия.

— Кошечка подбили! — заорал кто-то, и в том направлении, откуда прилетел мне "горячий привет", прострекотала пулеметная очередь.

Наш док безжалостно вспорол мои штаны и вколел промедол. Я услышал смешки за спиной, изогнул шею, но разглядел всего лишь ожег от пули. Лицу стало жарко. Смешки переросли в сдавленный гогот.

— Чего пялитесь?! — отвернувшись, чтобы спря-

тать от меня улыбку, пробасил Игорь, наш командир. — Ожог как ожог. Валите! Нечего здесь глазеть. Лучше подберите ему новые штаны...

Пока меня мазали зеленкой и торжественно, на вытянутых руках, выносили из медпункта мои израненные брюки, я многое передумал и не раз обругал шутника-снайпера. Он наверняка, увидев в моих руках снайперку, решил доказать, что получше моего стреляет. Посмотрим!

— Несколько сантиметров в сторону, — пощипывая рыжеватые усы, заметил док, — и могло тазобедренную кость раздробить. Тогда было бы не до веселья. Жировой прослойки у тебя никакой, пуле и застрять негде. Раскрошило бы кость к чертям собачьим...

— Все, — пообещал я, натягивая новые штаны, — я его урю!

Тем же вечером я забрался на крышу нашего ПВД и лежал там долго. Окидывал окрестности разъяренным взглядом. Но солнце пошло на закат. Оранжевым светом осветило как раз те строения, где засела "кукушка". Снайпер не дурак, теперь ни за что не высунется.

— Где Кошечка? — услышал я голос Игоря, вернувшись со своего наблюдательного поста.

— Наверху наш Рэмбо. В мишень играет. Мало задницы подпаленной. Сейчас "душок" ему еще что-нибудь поджарит, — буркнул кто-то в ответ.

— Но-но, полегче! — не выдержал я.

— Николай! — окликнул меня Игорь. — Разговор есть.

За дверью с табличкой "Учительская" был и штаб, и комната начальства. Кличку Черкес, которую командир заработал из-за лысой головы и полукругом растущей черной бороды, сменили на новую — Завуч. Почему не Директор, никто не знал. Но, по школьным воспоминаниям большинства бойцов, именно завучи нагоняли страх.

— Что ты задумал? — Игорь, облокотившись о шаткий столик, курил. Банка из-под тушенки заполнялась окурками.

— Ничего, — пожал я плечами. — Пока только думаю.

— И есть соображения? — Командир тер бритый затылок и вздыхал.

— Есть кое-что. Достал меня этот петух с винтовкой! Только... С тобой ведь не пооткровенничаешь. Запретишь же все равно.

Игорь покосился на мои штаны.

— Этот камуфляж тебе, по-моему, тоже великоват...

— Как белку, как белку... — бормотал док. Он сидел у окна и дымил маленькой трубкой. Курить он давно бросил, но сегодня опять распотрошил сигаретную пачку и набил трубку.

На рассвете снайпер убил нашего лейтенанта. Одним выстрелом. В левый глаз.

Я долго не мог найти Игоря. Нашел в маленькой каморке-кладовой, он сидел на перевернутом ящике спиной к двери и что-то шептал. Я прислушался. Игорь матерился. Хрипло и зло...

Лейтенанта звали Тарас. Его, конечно, сразу нарекли Бульбой. Это была его первая и последняя командировка. Его отвезли в морг, накрыв лицо чьим-то носовым платком...

— Я не хуже твоего знаю, что эту гадину надо уничтожить! — Игорь кричал на меня, когда я снова пристал к нему со своими планами. — Но... В общем, оставь свои фантазии! Я не могу разбрасываться людьми.

Стреляли снова. Правда, далековато. На севере трассы, красные и зеленые, скрестились в небе. Они разрезали жирную черноту, и казалось, что сейчас небо обрушится и в щель между небом и землей хлынет ослепительно белый свет. Звуки стрельбы ко мне долетали приглушенные, и оттого на немую дуэль трассирующих пуль смотреть было жутковато. Похоже, боевики напали на омововский блокпост.

Я откинулся на спальный мешок, теплый и мягкий. Залезать в него — излишняя роскошь, да и быстро не выскочишь. Станешь барахтаться — десять раз пристрелят.

Меня трясло, и челюсть сводило, но не от холода.

Как и сколько я здесь продержусь? И будет ли результат?

По двору старались ходить как можно реже. В бронжилетах, а иногда в "сферах". Шли и оглядывались на заводские развалины.

Доктор почти все время сидел в своем медпункте и смолил трубку. У Игоря неожиданно началась сильная аллергия непонятно на что. Он краснел, задыхался. Док колот ему димедрол и утверждал, что все из-за нервов.

Со своими планами к Игорю я больше не пристаю. Решил сперва сам все разведать и просчитать.

Одна молодая чеченка помогала нам с уборкой в ПВД и иногда с готовкой. Мужа ее убили еще в первую кампанию. А сынишка, двенадцатилетний Резван, серьезный паренек, помогал матери и вечно околачивался около меня и моей винтовки. Сначала я его гнал. Но однажды Резван все-таки улучил момент. Подкрался, когда я спал, и начал исследовать СВД. Проснулся я от щелчка. Резван пытался ее разобрать. От старания открыл рот и задерживал дыхание. Сгоряча я налетел на него и всыпал, чтоб неповадно было. При мне он не заревел. Гордый.

Страшного ничего не произошло, мы вскоре помирились. Я угостил его конфетами. Ломаться Резван не стал. Сунул конфеты в карман, шмыгнул вздернутым смуглым носом и потянул винтовку к себе. Красовался с ней, конечно, под моим присмотром.

Резван, как и все мальчишки, несмотря на запреты, лазил по развалинам. Несколько раз он прибежал

к нам, говорил, где какие растяжки. Получал, конечно, от командира на орехи, но опять лез в каменные дебри.

Вот Резванчик-то и помог. Получил от меня задание. Для него это была игра. Я не посвящал его в детали. Говорил, что мне надо найти укромное местечко для снайперской работы.

Мы часами сидели с Резваном над картой. Улица, вдоль которой в беспорядке высились заводские строения, обрастала все большими пометками.

— Здесь и здесь заминировано, — тыкал он грязным пальцем в прямоугольники на карте, изображавшие дома. — В этот почти целый день солнце светит. Вы и выглянуть не сможете...

— Связался черт с младенцем, — качал головой командир, когда видел нас вместе.

После трехдневной беготни Резвана по округе и моих страданий над картой, после черчения траекторий всех выстрелов чеченского снайпера, вырисовывалась почти ясная картина, где сидеть мне и в каком квадрате высекать его.

— Ты спятил? — Игорь терпеливо выслушал мои доводы и теперь смотрел на меня с жалостью. — Он уже пять дней молчит. Сколько ты собираешься его прождать в этом своем доме? Он, видите ли, и помещение себе подобрал, — апеллировал уже к начальнику штаба.

Начштаба, сорокадвухлетний хмурый мужик, пожевал кончик уса и промычал басом:

— А в этом что-то есть.

— А жрать-то ты чего там в своем "секрете" будешь? Или на одном энтузиазме несколько дней протянешь? — не сдавался командир.

— Дня на два-три я с собой сухпай возьму. Если дольше, то Резван чего-нибудь притащит. Главное, воду.

— Еще и ребенка впутывать, — вздохнул Игорь.

Что же это за стук рядом, через стенку от меня? Тук, тук, тук. С одинаковым интервалом. Я не сразу расслышал этот звук. А когда услышал, замер и снял винтовку с предохранителя. Стук, словно ногой об пол кто-то бьет — неторопливо, монотонно. Кто-то сильный и хладнокровный. Он знает, что я от него не уйду, посидит, постучит, придет и убьет.

Я ощутил, насколько сильно вжался в стену, только когда что-то хрустнуло в позвоночнике. От этого щелчка наваждение пропало.

— Бред, — шепнул я сам себе и почувствовал облегчение, услышав собственный голос. — Человек не может стучать так равномерно. Дом бомбили — вот в нем все трещит и разваливается.

Но стук продолжался. Вытягивал нервы в струнку, длинную и тонкую. Если бы сейчас раздался какой-нибудь другой, громкий звук, у меня, наверное, лопнуло бы сердце. Я через силу поднялся. Прижимаясь к шероховатым от пуль стенам, побрел в коридор, а оттуда в соседнюю комнату. Глаза к темноте привыкли, но в помещении я не различил ничего такого, что могло бы стучать. И звук здесь будто стал глуше.

Так же прижимаясь к стенам, я вернулся обратно. Забрался в спальник.

— Пропади все пропадом... Надо спать... Так же с ума сойти можно.

Я повыше застегнулся в спальном мешке. Согрелся и почти заснул. Вдруг снова. На этот раз звук непонятный, тонкий, высокий и сильный. В темноте я никак не мог нащупать винтовку, а когда приклад подвернулся мне под руку, я наконец разобрал, что это такое. Под окнами, где я обосновался, росли два поломанных обстрелами дерева. На одном из них объявился соловей. Щелкал не так уж и громко, как мне показалось сперва. Просто соловьиного пения здесь я никак не ожидал.

Так уже было однажды. Год назад. Огромное шоссе позади шестнадцатизатяжки, а во дворе среди ночи вдруг соловьи. Там они пели совсем не так, как здесь, — громко, перекрывая шум машин. Там...

...Я увидел ее на улице. Она шла впереди меня к метро. В длинном темно-малиновом платье с обнаженными руками. Волосы до плеч цвета медной проволоки и такие же жесткие. При ходьбе кончики волос упруго подпрыгивали. Я разглядел ее лицо, когда мы остановились на перекрестке и перед светофором. Тонкий маленький нос, очки в темной круглой оправе. Переносица влажно поблескивала, и очки съезжали. Она поправляла их тыльной стороной ладони, потому что в одной руке у нее была папка, а в другой маленький коричневый портфельчик. Почувствовав мой взгляд, повернула ко мне голову. Волосы нервно дернулись по ее плечу. Глаз я не отвел.

— Как вас зовут? — резким и низким голосом спросила она.

— Николай.

— И что, Николай, вы на всех девушек так смотрите?

— Нет, только на тех, кто будет моей женой.

— И много у вас жен? — Она слегка улыбнулась, а точнее, только губы сморщила.

— Вы — первая. — Я не мог остановиться и совладать с собой. Мне вдруг до боли захотелось, чтобы она действительно стала моей женой. Чтобы ждала. А когда я приду домой, клала свою голову с медными волосами мне на плечо и целовала в шею. — Выйдете за меня?

— Мы же незнакомы! — Она мусолила меня взглядом, как мусолят пальцем перелистываемые страницы книги.

— Впереди целая жизнь. Познакоимся.

— Меня зовут Яна. — Она протянула руку, прохладную и немного влажную.

Почему она стала со мной говорить, почему не послала подальше? Она так и не ответила, хотя я спрашивал ее об этом через месяц после нашей женитьбы.

Ее родители были против свадьбы, и моя мать тоже. Но мы жили в однокомнатной квартире Яны, доставшейся ей от бабушки, и ни от кого не зависели. Я служил. Яна училась в археологическом. Что-то читала и писала, но меня в свои дела не посвящала. Она, наверное, думала, что мне неинтересно будет слушать, и, может, была права.

С конца апреля по сентябрь в Москве стояла необыкновенная жара. Мы спали под большой синей-белой клетчатой простыней, открыв настежь окно и балконную дверь. Но от этого жара и соловьи, казалось, донимали еще сильнее.

Яна сидела на краю кровати спиной ко мне.

— Почему ты так много молчишь? — спросила она.

Я пожал плечами.

Она прилегла, положила голову мне на грудь.

— Странно с тобой, — снова заговорила Яна. — Скажи, тебе ведь приходилось убивать людей? — Она знала, что я снайпер.

Сначала я хотел как-то отшутиться. Но передумал. Она слишком серьезно спрашивала.

— Приходилось. На то и война.

— А страшно? Ты такой большой, сильный. Наверное, такие, как ты, ничего не боятся. Ты чего-нибудь боишься?

— Каждый человек чего-нибудь боится и именно это тщательно скрывает.

— То есть ты мне не скажешь?

Я не увидел, а почувствовал, что она на меня посмотрела.

— Нет... А вообще, знаешь, стрелять не страшно. У меня так было. Я уже в первую войну стал считать себя опытным — с десятков целей поразил. И тут нашему отряду пришлось выдвинуться вперед, на ту позицию, которую мы перед этим обрабатывали. Одно дело — видеть труп в прицел, это как в кино, а другое дело — на расстоянии вытянутой руки. Меня потом трясло, наверное, целый час...

— И что, так каждый раз?

— Нет, теперь нет...

Мы ездили по выходным купаться в Серебряный Бор. Яна обстоятельно раскладывала на берегу полотенце. Садилась и мазала плечи и руки кремом, чтобы не обгореть. С завистью смотрела на мою коричневую, иссушенную кавказским солнцем спину и грудь. Я вернулся из командировки как раз перед встречей с Яной.

Я плавал, а она смотрела на меня с берега, выставив козырьком ладонь. Яна плавать не умела. А когда я выходил из воды и садился рядом, она трогала мою мокрую спину липкими от крема пальцами и говорила:

— Ты такой огромный, хоть и худой. Ты хорошо плаваешь. Красиво.

Мы с ней были удивительно близки в то лето и поразительно чужие друг другу. Случайные люди.

— Ты все-таки странный, — часто повторяла она. — Молчишь, молчишь. Мне иногда хочется, чтобы ты вдруг закричал, даже кулаком по столу стукнул.

— И что будет? — спрашивал я. — У меня такая профессия. Я должен быть уравновешенным.

Конечно, я понимал, чего она от меня хочет. Взрывных эмоций. Страсти, яркой и обжигающей. Но я не мог ей даже подыграть в этом. Я так долго из взрывного и импульсивного, каким я был когда-то, делал себя незаметным и хладнокровным, что теперь я не мог и не хотел возвращаться к прежнему.

В конце августа часть подняли по тревоге. Я уехал в Чечню. А когда вернулся... Вроде ничего не изменилось, только Яна с удивлением сказала:

— Перед своим отъездом ты напомнил мне животное во время охоты. Ты услышал звуки охотничьих труб и бросился бежать. То ли прятаться, то ли нападать.

— Нападать, — улыбнулся я.

Через неделю, за завтраком, она просто и обыденно предложила:

— Давай разведемся.

— Почему? — спросил я, хотя сам чувствовал, что уже согласен на развод.

— Мне кажется, мы поторопились. Я не могу быть с тобой. Слишком трудно... Иногда я боюсь тебя. Знаю, что это пустые страхи, но ничего с собой поделать не могу.

Мы легко познакомились и так же легко разошлись спустя четыре месяца. Что между нами было, я так и не понял.

Какие мы молодцы с Резванчиком! Все точно, и позиция у меня очень удобная. Солнце доберется до моего укрытия между пятью и шестью вечера, и работу придется прервать всего часа на два, потом снова можно браться за дело.

Я сменил ночной прицел на штатный. Улегся удобнее напротив широкой пробоины в стене, скатал спальник и положил его под мышки.

Винтовка у меня отличная. В прошлом году она попала ко мне на испытания. На восьмидесятилетие Драгунова проверяли ее боевые качества в Чечне. Мне тогда пришлось работать в паре, хотя обычно я работал один. У напарника винтовка была более позднего образца, с пластиковым цевьем и прикладом. А я привык к деревянному. От этого СВД, конечно, немного тяжелее, однако дерево все же приятнее.

В такую же, как у меня, затененную зону попадали несколько домов напротив, через дорогу. Солнце доставало их своими лучами только на закате. На рас свете и несколько часов перед заходом солнца их закрывали своей тенью стоящие впереди здания. Место снайпером выбрано лучше не придумаешь. Только непонятно, почему он еще не менял позицию. Мы ведь уже засекли, откуда ведется стрельба.

Я усмехнулся. Засечь-то засекли, а поймать его не можем. Стало быть, не дурак. Правильно выбрал рас стояние. Такая удаленность от нашего ПВД позволяет ему вовремя смываться. Не исключено, что у него в тех домах тайник. Забьется в какую-нибудь щель, когда мы приезжаем, сидит и выжидает. Мы уедем ни с чем, и он снова выползает.

Интересно, что он за человек? Раньше мне как-то не доводилось думать об этом. Было некогда да и не стоило. Раздумываешься вот так, и из снайперов можно смело уходить. Цель — это цель и ничего больше. Цель должна быть уничтожена...

Становилось жарковато. Хоть прямых солнечных лучей в комнату не попадало, сам воздух, горячий, за катывался в помещение и заполнял его до потолка. В прицеле мелькал подсвеченный солнцем тополинный пух.

Сперва я решил искать чеченского снайпера на-

удачу: торопливо переводил оптику с окна на окно. Пусто, пусто, пусто... Надо внимательнее вглядываться, и вообще нужна система. Обследовать квадратами.

К пятнадцати часам результата не было никакого. Скоро в поле моего зрения появится солнце, и работу придется остановить. Все, что я внимательно осмотрел, оказалось пустыми комнатами. Конечно, целиком увидеть их изнутри не получалось, но снайпер и не должен был прятаться в дальний угол. Он вряд ли что оттуда высмотрит. Ну хоть какие-то приметы его пребывания должны же быть! Должны. Но я их пока не обнаружил.

Однако что я ожидал увидеть? Неужели я недооценил его? Он более опытный, чем я предполагал? Может, он меня уже выследил? Нет. Такое тоже маловероятно. Я воюю почти пять лет. Маскироваться и замечать следы научился. Особенно после тяжелого ранения на второй год войны.

Недооценивать противника нельзя. Я знал это. Но и переоценивать тоже. Либо он маскируется лучше, чем я думал, либо я еще не дошел до его позиции, либо он вообще сегодня сидит совсем в другом месте. Прав был Игорь. Неизвестно, сколько времени придется мне здесь проторчать, чтобы подстеречь "душка". А если придется вернуться ни с чем? Опозорюсь. Правда, о моей затее знают только командир и нач штаба, но от этого не легче.

Вода уже и из второй фляжки стремительно исчезала. Бетонная пыль с пола и стен забивала горло — пить хотелось почти все время. А вот к еде я едва прикоснулся. Надо было больше брать воды.

За моей спиной что-то резко хрустнуло. Я обернулся и чуть не выстрелил в Резвана. Он, пригнувшись, стоял на пороге с полиэтиленовым пакетом в руке, в моей тельняшке, которую выпросил недели две назад. Она доходила ему до колен, но он не заправлял ее в штаны.

Опустившись на пол, он на четвереньках подполз ко мне. Понимал, что его не должны видеть с улицы.

— Я вам воды принес.

— Мы же договорились, что ты завтра придешь. — Я отодвинул от себя винтовку, у меня немного дрожали руки. — Напугал, чертенок. Но вода — это кстати. Что там у нас? Командир ничего не просил передать?

— Не-а. Он не знает, что я тут. — Резван прилег рядом, облокотившись на спальный мешок. Заглянул в ту дыру, через которую я вел наблюдение. — А кого вы здесь высматриваете?

— Да никого конкретно. — Я достал из пакета фляжку с водой. — За дорогой присматриваю. Скоро к нам начальство должно приехать. Так я за порядком слежу.

Резвана я решил не посвящать в свои дела. Сболтнет мальчишкам, а слухи быстро расходятся. Дойдет до кого-нибудь из боевиков, придут и укокошат меня. Да и для Резвана риск. Меньше знает, лучше спать будет. И так парнишка насмотрелся всякого. Они с матерью из Грозного за все время совсем ненадолго выезжали, потом снова вернулись.

— А можно с вами остаться? Вам веселее будет.

— Не выдумывай! Иди домой, мать, поди, волнует-

ся. — Я снова занял позицию, но делал вид, что смотрю на дорогу.

Резван повздыхал у меня за спиной. Соблазнительно, наверное, было побывать в "секрете" со снайпером.

— Хочешь конфет? — обернулся я на его вздохи. — Бери все. Мне от них только пить хочется.

— Откуда у вас? Я люблю конфеты. — Резван тут же разлепил склеившийся фантик и, испачкав пальцы в шоколаде, целиком отправил конфету в рот.

— Мать прислала. Я тоже люблю.

— Ну, я пойду? — неуверенно сказал Резван, надеясь, что я его задержу.

— Иди, иди!

Солнце брызнуло в комнату стремительно и сильно. Я успел защелкнуть прицел. Перекатился на спину.

Очень хорошо. Что-то зацепило мой взгляд на одном из темных оконных проемов. Я не смог как следует разглядеть, но был почти уверен — это то самое окно. Его логово. Почему именно возникло такое ощущение, не знаю. Пока не знаю. Все, что с ним связано, вообще странно.

Он опаснее, потому что непредсказуем. То ли очень лихой, то ли ненормальный. Возможно, и скорее всего наемник. Среди них есть большие спецы. Но если он хороший и серьезный стрелок, зачем эти дурачества с обстрелом стирального белья, выстрелом по моему задку? И вдруг точнехонько в лейтенанта. Мол, вот, смотрите, я с вами играю как кошка с мышью, но и когти у меня есть, всех прибить могу без особого труда.

Солнце ушло с моей территории, осталось только розовое мягкое свечение. Я снова разглядывал тот оконный проем. Чуть ниже подоконника такая же пробоина в стене, как та, через которую я сейчас смотрел.

Одно совершенно ясно: сейчас его там нет, как и нет гарантии, что он там появится. Завтра будет день — будет видно, что делать дальше. А сегодня спать! Если, конечно, удастся заснуть. Перед глазами оптический прицел и окна дома напротив. У меня так бывало, когда целый день косишь траву. Потом всю ночь снится срезанная косой трава.

Мать вечно запрягала меня на огородные работы. Картошку копать и косить. Устанешь после дежурства, а мать начинает стонать:

— У забора покосить бы надо. Так ведь нет мужика в доме. Ты один, да лентяй.

— Мать, ну устал я, с ночного дежурства.

— Вот я и говорю, лентяй, — вздыхала мать.

Только из-за ранения она оставила меня в покое. Испугалась очень. Да и я тоже.

В предгорье Лысой это было. Чуть в стороне от выбранной позиции я вырезал отличный пласт мха. Мне казалось, замаскировался лучше некуда. Позже, когда стал поопытнее, понял, что надо чаще менять позицию, а не устраиваться так капитально. А обосновываться надолго можно, только если расстояние

до целей большое. Действительно большое.

Во время испытаний СВД на расстоянии 1300 метров я попал в бегущего боевика со второго выстрела. Вот это расстояние, с такого мне вряд ли ответили бы пулей. А тогда...

Выстрела я, конечно, не слышал — стреляли по мне издали и чуть сбоку. Услышал только сухой хлопок, когда пуля пробила мох и вошла мне в спину. Боль резко ударила в голову. Я словно со стороны увидел, как взметнулись от пули клочки изумрудного мха и фонтанчик крови. Пошевелиться я не мог, и казалось, что перебит позвоночник.

Часа два или три я провалялся раненый, пока случайно какой-то боец не споткнулся о мои ноги. Говорят, когда меня вытаскивали из-под мха, я орал благим матом. Ничего из этого я не помнил, только боль. Потом — тени, люди, расплывшиеся в тумане лица, кровь и белый свет, тусклый, но чаще яркий, сильный. Меня куда-то везли, тархтела машина или лопасти вертолета. Любой шум казался оглушительным в моем бреду. И вдруг четко и ясно — руки матери в привычных коричневых веснушках и пятнышках от сока одуванчика. Она поправляла серое госпитальное одеяло на моей груди, теплой сухой ладонью гладила по щеке, и я почувствовал, что у меня отросла борода. И ощущение света, совсем не болезненного, золотистого и уютного, ощущение, что я дома, в Подмоскowie...

Когда через полгода я выписался, Игорь приехал ко мне в гости. Мать поила его чаем и почему-то с почти священным трепетом смотрела на черную бороду и бритую голову моего командира.

— Ну, Колька, теперь держись, — улыбался он. — Засмеют тебя в отряде. Хорош снайпер! Так замаскировался, что "духи" его подстрелили, а свои найти не могли. И помереть ведь мог под своим мхом.

Я пнул Игоря под столом, видя, что мать бледнеет и собирается задать уточняющие вопросы.

— Зато в винтовку свою вцепился, клещами не оторвешь, и потом все кричал: "Где моя снайперка, где моя снайперка?"

— Ты с ума сошел! — накинулся я на Игоря, провожая его к калитке. — При матери о таком.

Я вернулся в дом. Мать сидела у стола. Тихо так, странно.

— Что-то сердце давит, — сказала и медленно стала сползать со стула.

Больше пяти килограмм после операции мне нельзя было поднимать. Темнело в глазах, когда я тащил мать до кровати, обмякшую, необыкновенно тяжелую. У нее тогда случился инфаркт.

Теперь мать такая тихая все время. Сидит на крыльчике, кутается в мой старый бушлат, больше не возится с огородом и со мной не воюет. Только ждет, когда я вернусь из очередной командировки...

Звезды в окне. Много, целая россыпь. Дрожат, подмигивают. Или это я часто моргаю оттого, что хочется спать?

Но сон испарился, боль как будто вернулась снова.

Ну неужели он такой дурак и завтра или послезавтра появится в том же самом окошке, вернее, в той

щели? Настоящий профи должен быть непредсказуем. А этот, наверное, супер-профи и знает, как выкрутиться из любой ситуации. Я такими способностями похвастаться не мог и просто старался не попадать в безвыходные ситуации. Зато скоро я похвастаюсь тем, что уложу выдающегося спеца.

Некоторые сами загоняют себя в угол...

Яна приехала ко мне через два месяца после развода, в начале декабря. Нашла меня, хотя до того понятия не имела, где я служу. Она стояла на КПП и разговаривала с дежурным через окошко.

— Это ко мне. Серега, пропусти, — попросил я.

Яна шла рядом и оглядывалась.

— Как у вас здесь снега много! В Москве совсем нет.

— Работа такая, — усмехнулся я.

— В каком смысле? — Она приподняла бровь.

— Да это я пошутил. Ты зачем приехала?

— Просто. — Яна остановилась посреди двора. — Куда мы идем?

— В помещение. Ты ведь хотела поговорить?

— А тут нельзя? — В ее голосе чувствовалось раздражение.

— Если тебе удобно. — Я повыше застегнул бушлат.

— Я уезжаю завтра в Египет, на раскопки.

— Ну?

— Просто хотела тебе об этом сказать. — Яна подалась вперед, ухватила меня за воротник бушлата и продолжала говорить, глядя вниз. От ее коричневой кожаной перчатки горько пахло духами. — Все странно у нас было. Я не могу жить с тобой, но теперь я знаю, что ты существуешь и... Думаю о тебе чаще, чем хочу. А ты?

— Я? Если честно... Да, что-то странное у нас было. Но, по-моему, все кончилось.

— Ты меня уже забыл? — Она продолжала смотреть в землю.

— Не то чтобы забыл, а так... Никак. — Я сам не знал в тот момент, насколько искренне говорю.

Яна сама создавала себе проблемы. Зачем она приехала? На что рассчитывала? Наверное, хотела, чтобы я вернулся. Наверное. Но скорее всего она мучилась от того же, что и я. За четыре месяца мы привыкли друг к другу и потом тосковали по своей привычке. Кажется, так. Для меня это было, как отдача после выстрела. Пуля уже далеко, а плечо ноет от отдачи.

Я видел козырек его камуфлированной кепки и самый краешек оптического прицела. Наконец вот он! Теперь не дай Бог упустить. Никогда себе не прощу.

Как же он хорошо устроился — только козырек кепки и видно! Кого он намечает очередной жертвой?

Я должен быть спокоен. Спокоен. После его выстрела, как мы договорились с командиром, наши не станут отвечать даже автоматной очередью. Чтобы он не заторопился сматываться. Пусть спокойно складывает винтовку. И вот тут-то непременно

мелькнет его голова или туловище в одном из оконных проемов. Я выстрелю, когда почувствую стопроцентную уверенность. Только тогда...

Что ж он так телится? Или в небесной канцелярии еще не принято решение? Как только примут, снайпер нажмет спусковой крючок. Я нажму почти следом. Но об этом, наверное, и в небесной канцелярии не подозревают...

Зашевелился. Почуял, что о нем кто-то думает? Икнулось ему, что ли, гаду? Куда же он целит?

Выстрел! Мне некогда было смотреть, куда или в кого он попал. Вот он снова зашевелился. Подался чуть вперед, хочет убедиться в точности своего выстрела.

Я нажал на курок. Теперь я должен увидеть его! Может, он всего лишь ранен. Мы обговорили и это с Игорем. Я обязан проверить.

Медленно, сдерживаясь, чтобы не побежать, я двинулся маршрутом, которым он ходил много раз. Перед тем как ранил трех наших парней и убил лейтенанта. Он тоже шел вдоль этой стены, наспигиванной пулями, может, как и я, споткнулся о крышку полуоткрытого канализационного люка. Не исключено, что в канализационных колодцах он и прятался.

Осторожно, прижимаясь спиной к стене, я поднялся по лестнице. Тихо, шаг за шагом. Вдруг только ранен? Всадит мне пулю между глаз за милую душу...

Вот эта комната. Никаких звуков или шорохов. Загадался? Нет, слишком уж тихо. Я зашел.

Кепка от выстрела отлетела в другой угол комнаты. Винтовка, старая, с обшарпанным прикладом, лежала рядом с Резваном. Это был он. Хоть выстрелом я снес ему полголовы, я его узнал. Мальчишка так и был в моей тельняшке, рядом валялись конфетные фантики, а вокруг них кружилось несколько мух.

...Остановился я только тогда, когда разбил кулаки в кровь о кирпичную стену. Я перестал садить кулаками по ней не из-за боли, а как будто посмотрел на себя со стороны. Вот то, что Яна хотела увидеть — как я злюсь. Вряд ли ей понравилось бы. Да и объяснить, почему разъярился, я бы, наверное, не смог.

Резван лежал лицом вниз и теперь не выглядел на свои двенадцать. Как будто совсем взрослый. Словно и ростом выше.

Я принес Резвана на руках, замотав его голову своей рубашкой.

— Он на растяжке подорвался, — говорил я подходившим ребятам.

С мрачными лицами все столпились вокруг тела мальчишки. Игорь кивнул мне. Он уже заметил за моей спиной две винтовки...

Спаси и сохрани

Чайки прилетали на берег. Они не могли жить без земли, без красных замшелых черепичных крыш курортного городка. Птицы прилетали на ночь, прилетали и днем, когда чувствовали близость шторма.

Балкон гостиничного номера возвышался над другими домами. Отсюда хорошо просматривались белые с серым тельца спящих птиц. Рано утром они исчезали в морской дымке. А на красных крышах сиротливо белели пух и перья чаек.

Море туманно-синей полосой проглядывало между домов в конце улицы. По вечерам оно сливалось с темнотой, а освещенные пароходы, двигавшиеся вдоль берега в сторону Барселоны, словно плыли по воздуху. Ночью на окраине маленького городка на вершине горы загорался сильный прожектор маяка.

В комнате мезонина, почти на крыше, близко к небу, они и жили. Будто оторвались от всего мира. Шум с улицы сюда почти не долетал. А Николай ощущал себя такой же чайкой, переживавшей ночь. Прятался от штормового моря. Только шторм бушевал в нем самом и гремел тяжелыми валами мыслей в голове.

На балконе стояли белый пластиковый стол и два кресла. Николай сидел здесь с восхода. Он то курил, облокотившись о перила, то мерил шагами кафельный пол балкона.

— Я не мог спутать. Как забудешь? Он ведь еще склонился надо мной после взрыва, заглянул в лицо. Проверял, жив ли я. Потом он и похитил раненого Толика... Если бы я не спешил на самолет, конечно, догнал бы его. А он, гад, растворился в толпе. Почувствовал? Вдруг тоже узнал?"

— Коля, ты что не спишь? — Лена обхватила его сзади теплыми руками. — Все о чем-то думаешь, думаешь. Зачем ты себя изводишь? Толика ведь не вернуть. Ты же сам говорил, что вы его искали и не нашли. Но весь лес-то прочесали... Ты не виноват, ты был без сознания.

Николай резко встал, оттолкнув кресло.

— Я тебя совсем не знаю, хотя живем одиннадцать лет... — Лена говорила медленно, как будто прорываясь через какую-то преграду. — Ты приезжаешь из своих командировок совсем чужой. С каждым месяцем отдаляешься. У тебя даже привычки изменились. Поздно ложишься и рано встаешь. Не хочешь со мной общаться? Избегаешь? Зачем ты вчера накричал на Сашку? Ему всего десять, он не понимает твоих высоких страданий. То, что он не слушается, не удивительно. Он редко тебя видит. А я с ним не справляюсь.

— Лен, Лена! — Николай прижал ее к себе. — Прости. Я знаю, я плохой. Прости меня. — Он сдерживал ярость и дышал тяжело. Вместо слова "прости" хотелось разбить что-нибудь, громко закричать, да так, чтобы и чайки вспорхнули и улетели.

— Я все понимаю. Тебе тяжело, — шептала Лена.

Она продолжала говорить. Николай не слушал, ощущал только ее горячее дыхание на своем плече.

— Родная. — Николай целовал ее в голову. — Без тебя и Сашки я бы давно не жил на свете. Любимая, как я тоскую по тебе, даже когда ты рядом. Видеть хочу те-

бя всегда. Твои золотистые глаза, изогнутые брови, светлые и пушистые, родинку на виске. Плечи, круглые и мягкие... Но и тебе всего рассказать я не смогу. И ты тоже бываешь для меня как будто незнакомой.

Когда месяц назад он вошел в свою квартиру, то замер на пороге. Обувь раскидана по коридору, у двери в комнату валялся Сашкин школьный рюкзак. Везде пыль. Мусор на ковровой дорожке. "Заболела", — испуганно подумал в первый момент. Торопливо заглянул на кухню. На шкафу стояла икона, подсвеченная лампадкой.

Николай не верил в Бога и церкви обходил стороной с недовольным и недоверчивым выражением на лице. За женой особой набожности он раньше тоже не замечал.

Лена кинулась к нему из комнаты, бледная, с растрепанными волосами. Николай приехал на день раньше обещанного и застал квартиру и Лену в том состоянии, в каком они бывали, когда он на войне.

Радоваться его приезду у нее не осталось сил. Весь вечер плакала. То затихала, то начинала рыдать все сильнее и горше, пока дело не доходило до истерики. Несколько раз Лена ударила его по щеке. Потом снова плакала и целовала мокрыми от слез губами.

Он молча выслушивал ее упреки, сносил удары и поцелуи, протягивал стакан с водой, который она отталкивала. Укладывал спать Сашку, перепуганного маминими слезами.

К часу ночи Лена обессилела и задремала. Но часа через два вскочила с безумными глазами.

— Я не хочу тебя видеть! — кричала она. — Ненавижу! Я не узнаю тебя с этой бородой. Слышишь?

В три часа ночи Николай пошел бриться. Сильно порезался. Только тогда Лена взяла себя в руки. Стерла кровь с его лица и заплакала по-другому, тихо и успокоенно.

Заснула она, прижавшись к нему так сильно, как только могла. Чтобы чувствовать его рядом.

А Николай до рассвета уже не спал. Смотрел на полосу света, льющегося из-под колпака сморсера. Из-за безумного вечера они забыли выключить его. Оторвать от себя Лену он не решался.

О том, что случилось с Толиком, он еще несколько дней не рассказывал, погруженный в себя. Про свою контузию и ранение тоже не говорил. Лене нужно было время. Она потом еще неделю просыпалась посреди ночи и начинала искать его в темноте. Пугала Николая и пугалась сама, когда он курил на кухне и из-за этого она его не находила...

Лена в широкополой соломенной шляпе. Солнце, прорывающееся в щелочки, сделало ее кожу на плечах пестрой. Николай лег сзади, пытаясь попасть головой в тень от ее шляпы.

— Что ты там ерзаешь? — Лена обернулась. — Как маленький. Ты еще песком меня засыпь.

— А это идея! — оживился он.

— Лучше бы Сашку из воды вытащил. Он меня совсем не слушает. Сашка! Вылезай немедленно!

Санька барахтался у берега и только рукой помахал в ответ.

— Ничего с ним не будет. А вот ты...

— Что я?

— Красивая... Отдохнула и стала еще красивее.

— Не подлизывайся. Ты тоже отдохнул. Стал не такой мрачный. Только на солнце тебе много нельзя. Дать мою шляпу?

Николай промолчал. Она не видела его лица, а он нахмурился после ее слов.

— И Сашке на пользу, — продолжала Лена. — Смотри, как он окреп. И плавает совсем хорошо. Когда вернемся, надо будет его в бассейн записать. У меня знакомая там. Вита. Помнишь? Подешевле устроит. Так все дорого теперь!

— Ты помолчать не можешь?! — вспыхнул Николай. Вскочил и, не оборачиваясь на Лену, пошел к воде. — Сашка, вылезай!

— Па, еще минутку!

Николай выдернул его за руку и шлепнул.

— Марш к матери!

Сашка отбежал на несколько шагов, набрал горсть песка и швырнул отцу в спину.

— Я с тобой потом поговорю. — Николай нырнул, долго плыл под водой и вынырнул далеко от берега. пляж вместе с людьми и разноцветными зонтиками качался в стороне, шум и голоса становились глуше. Только влажный, сочный тон моря. Николай плыл и плыл, пока в плечах не заломило. "Пропади все пропадом, — монотонно звенели в голове мысли. — Заплыть подальше, пока сил хватит и... — Но лицо того боевика стояло перед глазами. Николай узнал его и без бороды. — Неужели эта мразь живет в Москве, да еще где-то рядом со мной? Надо было бросить все и догнать его там, около универмага... Толяна небось пытали и убили. Обменивать спецназовцев они не желают. Слишком сильно нас ненавидят... Мы весь лес перерыли, никаких следов. Куда они его дели? Хорошо, хоть родственников у него, кроме старой тетки, нет".

Николай обернулся к берегу и различил совсем маленькую фигурку Лены. Она ходила у кромки воды, придерживала шляпу и высматривала Николая...

Когда он вышел на берег, Лена заспешила к гостинице. Сашка семенил за ней.

"Всех обидел. Снова прощения просить? Как кость в горле все эти "прости". Она ждет меня из командировки. Лишь бы приехал. А потом хочет, чтобы я целиком принадлежал ей и Сашке. Со всеми своими мыслями. Хочет, чтобы я веселился от того, что вернулся, чтобы забыл все, что там было. Я бы рад... Только как? Жить в двух совсем разных мирах. И в каждом скрывать существование другого. Там свои привычки, здесь другие. А мне как между ними разорваться? И стоит ли?... Эх, Толян, Толян!.. Как же у нас так вышло? Будь он проклят, этот лес!"

...Ночью боевики выдвинулись из чернореченского леса и там же скрылись, оставив разгромленными несколько домов местных. Трупы хозяев и милиционеров, подоспевших на помощь.

Бойцы их преследовали несколькими группами. Николай и Анатолий держались рядом. Сколько раз

они прочесывали зеленку, и еще ни разу не удавалось никого задержать. После своих вылазок боевики словно под землю проваливались. Милиционеры находили лишь следы их стоянок — гильзы, мусор...

В тот день Анатолий шел чуть впереди. Николай видел его разорванную штанину. Толян накануне в темноте напоролся на проволоку и еще не успел зашить камуфляж. В прорехе мелькала его загорелая голень, и это веселило. Он вспомнил, как сапер Серега сфотографировал Толика голышом, когда тот переодевался. Делом чести Толяна было отобрать и засветить пленку. Чтобы Серега не успел спрятать фотоаппарат, Толик не стал терять времени на одевание и бегал голый. Серега получил по шее и чуть не лишился целиком отснятой пленки. Условились, что Толян сам ее проявит и забрет свой негатив.

— Ты чего усмехаешься? — обернулся Анатолий. — Под ноги лучше гляди! А то будет тебе шутка юмора, когда нас по деревьям размахет.

Через несколько минут после этих слов и жажнул фугас. Николай видел сначала рваную штанину Толика, а потом огненную вспышку. Он не почувствовал, как его отбросило на несколько метров и долбануло о ствол дерева. Ощутил только, как все поплыло перед глазами в красном свете. Казалось, его заперли в душевной комнате, где проявляют пленку, — такое же красное свечение. Выйти из нее он не мог и задыхался. А за дверью слышались тихие выстрелы...

В отряде на мемориальную доску повесили и фотографию капитана Анатолия Крутицкого.

"Как они могли? Мы же не нашли его тело".

Командир, глядя в пол, сказал:

— Да, тело мы не нашли, но и обменивать его чеченцы не предложили. Николай, ты же сам понимаешь... Мы сделали все, что могли. Тебя подобрали без сознания, раненого.

— Мороженое будете? Налетай! — Николай распахнул дверь в гостиничный номер, положил пакеты на кровать, в ногах у Лены. — Я и конфеты купил.

— Ну где ты ходил? — Сашка уже шуршал пакетами. Он давно забыл о непонятной ему размолвке и шлепке. — Я тебя жду, жду. Пошли в пинг-понг сыграем.

— Сейчас. Лен...

— Что там еще хорошенького в магазине? — Лена встала и как ни в чем не бывало начала разбирать покупки. — Куда ты столько леденцов набрал?

— Мне глюкозы не хватает, — вмешался Саша.

— Слова какие выучил, — улыбнулся Николай, искося поглядывая на Лену.

Она тоже улыбнулась. И вдруг, не меняя выражения лица, выдохнула:

— Коленька, почему ты не уходишь оттуда? Вита говорила, что им охранник нужен.

— Вита, которая в бассейне работает?

— Она там заместитель директора. — Лена оживилась от того, что Николай говорил спокойно и вроде не слишком болезненно реагировал на ее предложение.

— Лена, я из отряда не уйду. — Он присел на край кровати и обхватил голову руками.

— Почему? Ты же измучился и меня измучил.
— Не знаю, как объяснить... Но бросить ребят не смогу.

— Призвание? — скептически усмехнулась она.

— Это больше. Там кусок моей жизни.

— Мне страшно, понимаешь ты это?

Николай сжал ее руки в своих:

— Если я уйду, то потеряюсь и сам смысл потеряю.

— Какой же смысл? Может, я что не понимаю? Может, я такая глупая? — Голос у Лены дрожал. — Объясни мне! Ради чего?! Как были там боевики, так они там и есть. Это же Чечня. Зачем вы там? Вас убивают, подрывают... Мы здесь ждем, стареем. У вас день за три, и у нас... А вокруг нормальная жизнь, люди. Им нет дела до моих переживаний, потому что у них никто не воюет. Ты уезжаешь, я схожу с ума, прислушиваясь к каждому звонку. Ты приезжаешь, и я опять не могу быть счастлива, потому что знаю — ты уедешь снова. И война эта никогда не кончится. Ни для кого из нас. — Лена помолчала, не замечая слез. — Знаешь, у меня иногда такое ощущение, что твой отряд — это маленький осажденный город. Ты, твои друзья, их близкие в этом проклятом городе, из которого мало кто выходит.

— Посылать людей туда все равно будут. Но если в отряде окажутся случайные люди... Мы сработались, и это хоть какая-то гарантия, ощущение уверенности, что тот, кто рядом, не подведет. Думаешь, мне хочется туда ездить?

Николай отвернулся, прижался к стене ладонями и разгоряченным лбом. Лена подошла, обняла его.

— Без тебя я из города уйти не могу.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Хочу, чтобы знал. Тебе же нужна уверенность, ты сам говорил.

— Лен, а к чему церковь снится? Не знаешь?

— Я знаю одно. И давно прошу тебя об этом. Окрепись! Мне будет легче. Ну я прошу.

— Значит, не знаешь... А церковь всегда одна и та же снится — маленькая, белая, с одним коричневым куполом. Я где-то то ли в книге, то ли в календаре видел ее. Не могу вспомнить, как называется.

— Зачем тебе? Ты же креститься не собираешься. И лампаду с кухни убрал...

— Пап, ну пойдем играть. — Сашка заглянул с балкона в комнату.

Вторую неделю Николай ходил за ним. И уже знал, что зовут его Овхан и он полтора месяца снимает квартиру неподалеку, через два дома. Николай осторожно порасспрашивал о нем соседей, следил и никак не мог решить, что делать. Когда вернулся из отпуска и впервые столкнулся с чеченцем в магазине, в первый момент хотел броситься на него, схватить. Но сразу сообразил, что если этот тип в Москве, то у него с собой пачка документов. Ничего не докажешь.

Николай всегда после дежурства в отряде заезжал в один и тот же магазин. Кассирша, девушка в больших круглых очках, здоровалась с ним, как со старым знакомым. И в тот раз он поздоровался и замер, уставившись на очередь в соседнюю кассу.

— Что с вами? Вам плохо? — Кассирша тронула его за руку.

Николай пришел в себя от того, что ее ладонь оказалась очень холодной. А в соседней очереди — Овхан. Невысокий, со смолистыми коротко стриженными волосами. Смуглое лицо, чуть светлее там, где была борода.

Из магазина Николай последовал за ним. Оставил машину. Потом пришлось возвращаться за ней...

Овхан ничего криминального не делал. Ездил почти каждый день на вещевой рынок. Продавал в ларьке сумки и рюкзаки. Глаз у Николая наметанный, но он не заметил ничего подозрительного, как ни старался разглядеть.

А на службе, особенно ночью, в ожидании очередного выезда, Николай все время упирался взглядом в соседнюю койку. С краповым беретом на подушке и фотографией Толяна. Тишина. Чьи-то шаги в коридоре и отчаяние в мыслях: "Как же быть? Как?"

Он сжимал в кулаке колющее одеяло. "Взять бы за горло этого Овхана. Вытряхнуть из него, где Толик или хотя бы его тело. Но и не вспугнуть бы..."

Разбудило Николая какое-то странное покалывание. Он увидел торшер с круглым в виде шара плафоном. Они с Леной купили его на следующий день после свадьбы. Отхватили в комиссионном. Везли бережно, с волнением загораживая свою драгоценность от пассажиров сначала в автобусе, потом в метро. И поставили в еще пустой квартире посреди большой комнаты.

Покалывание не прекращалось. Николай почувствовал, что это Лена перебирает его волосы.

— Что ты делаешь? — шепнул он и глянул на часы. — Два уже.

— У тебя появилось много седины. Я выдергиваю... Утром будешь совсем молодой...

— Скорее, совсем лысый. — Николай поймал ее руку и поцеловал ладонь.

Он что-то вспомнил, сел на кровати, взял сигареты с тумбочки.

— Я же просила дома не курить. Какой Сашке пример...

— Знаешь, — Николай словно не слышал, — я понял, что мне мешает в ту церковь зайти. Помнишь, я тебе рассказывал?

— Да, да. — Лена заинтересованно приподнялась на локте.

— Сейчас во сне я увидел себя вроде как со стороны. На мне кольчуга почти до колен, шлем. Из-под него по лицу стекает кровь, капает на серебряные чешуйки кольчуги. И у ног покореженный щит лежит... Я совсем обессилел. Хочу войти в эту церковь, а боль не дает и шагу ступить.

Лена внимательно всматривалась в его задумчивое лицо.

"Я его совсем не знаю. Такой близкий и такой далекий. Сны чужие, непонятные. Ни о чем мне они не говорят. Не интересна мне и его работа. Кто в кого стрелял и кого задержал?.. За что же я его полюбил? У него

всегда грустные синие глаза, такие синие, как озерная вода в осенний солнечный день. Синева притягивает, заманивает. Глазами, что ли, заманил? Подбородок большеват, кожа на щеках немного неровная, оспины, шрамы. Этого раньше не было. До взрыва в первую его войну. Посекло. Теперь из-за шрамов он не может гладко побриться. Остаются колючие щетинки. Иногда седые. Я до мельчайших подробностей знаю, как он выглядит, какие у него родинки и шрамы. После ранения он не мог сам мыться, и я мыла его, как Сашку. Он весь мой, любимый и дорогой. Но какая-то часть его все время не со мной. Война раздваивает его. Он стал больше молчать. Скрывает многое, видимо, чтобы не пугать, не травмировать... Лучше бы говорил. Тогда не было бы ощущения отчужденности..."

— Кто-то звонит. Ты слышишь? — Николай прервал ее раздумья.

— Наверняка тебе.

— Николай, — откуда-то издали прорвался взволнованный голос Севастьянова, заместителя командира. — Извини, что разбудил, но тут такое дело... Крутицкий домой летит...

— Что с тобой? — Лена тронула мужа за плечо.

Николай помотал головой.

— Ничего не понимаю. Толик сейчас прилетит.

— Откуда?

— Из Чечни. Через полтора часа будет в Чкаловском.

Анатолий сбежал с трапа. И буквально повис у Николая на плечах:

— Колян! Слава Богу, ты жив.

— Да я-то чего? Толька! Это ты или нет?

— Ну я это, я! Давай к тебе, что ли?.. Жрать хочу, умираю. А тетку подготовить надо. Она ж думает, что убили...

В машине они оба молчали. Анатолий, кажется, дремал. А Николай гнал "жигуленок" по пустынной ночной трассе, поглядывал на друга и все не мог поверить, что все это явь.

Борода у Анатолия отросла сильнее, чем обычно в командировках, лицо осунулось. Он сильно похудел. Потрепанный камуфляж сидел на нем необычно свободно.

Через два часа Толик заполнил собой всю их маленькую кухню. Захмелел от чуть разбавленного спирта, который Лена приберегала для медицинских целей, и уплетал холодную картошку с мясом прямо со сковороды.

— Не надо в тарелку, — попросил он Лену. — Так вкуснее.

Он ел, курил, смеялся, как бывало раньше. Лена не решалась расспрашивать, видя, что и Николай молчит.

— Я спать пойду, мне вставать рано, — поднялась она. — Посуду в раковину поставите.

— А где она у тебя работает? — поинтересовался Толик, когда Лена вышла.

— Мастером в парикмахерской. Ты разве не знал?

— Забыл.

Они замолчали, смотрели друг другу в глаза.

— Мы не могли найти тебя, — первым заговорил Николай. — Я-то вообще отключился. Меня отвезли сразу на ПВД. Но тебя ребята искали. Соседи помогали лес

шерстить... — Николай поймал себя на том, что говорит словами командира.

— Да я разве что?.. — смутился Толик. — Мы своих не бросаем. Знаю. И я слышал, как наши ходили, прямо над головой. Он мне дуло "борза" под ребра сунул, не рыпнешься. Да я и сознание без конца терял. Земли полный рот. В какую-то землянку под перекрытия деревянные заташили и сидели там сутки, а может, и больше... Как мертвые, под землей. Он мне и промедол вколол, чтобы я не стонал... До сих пор запах гнилых бревен чувствую...

— А потом? Почему нам не предлагали тебя обменять?

— Предложили бы. Сперва они с месячишко выжидают. Следы заматают. По горячим-то следам вы ведь и вызволить меня могли... А как месяц прошел, я сбежал.

— Как?

— Наши помогли. Шуровать в лесу стали. "Нохчи" запаниковали. Деру дали. Тут я под шумок... Они думали, я ослаб совсем из-за раны, всего лишь одного часового оставили. Правда, мужик крепкий попался. Наверное, минут десять я его душил. Придавил, автомат забрал и в лес. Ото всех подальше. Сгоряча ведь могли и свои пристрелить, если бы за боевика приняли. Без документов, с трофейным автоматом... Пробежал, сколько сил хватило. Очухался в подполе у одного дедули. Мировой дед оказался, ветеран Отечественной. Чеченцы на сторону фашистов переходили, а он один из немногих за нас воевал... Меня все какой-то вонючей травой отпаивал и байки про войну травил. Сдается, и прятал меня потому, что поболтать ему не с кем...

— Почему же не попросил его сообщить о тебе нашим?

— Я сам объявился, чтобы деда не подставлять. На первом же блоке меня захомутали. Выяснять ничего не стали, руки крутить начали. Сам понимаешь, какой я вид имел... Ну а потом все выяснилось, наши бэтээр прислали. Забрали меня. Через два дня — борт на Москву. Вот я и дома... Колян, мне бы помыться. И приземлиться бы где, подремать.

— Иди. Сейчас полотенце принесу.

Николай зашел в ванную, когда Анатолий уже снял тельняшку и, приблизившись к зеркалу, разглядывал свое бородатое лицо.

— А... это — зарубки на память, — перехватив недоуменный взгляд друга, махнул рукой Анатолий, вся спина которого была буквально исполосована. — Они плотно со мной поработали. Я ведь не сразу про себя им рассказал. А потом и вовсе назвался Серегиным.

— Так он в прошлом году погиб...

— Поэтому ему все равно. Он бы меня понял... А я жить дальше собирался, потому свое настоящее имя выдавать и не спешил... Меня ведь и вы за погибшего считали? — Толик весело подмигнул. — Вот один погибший другим и прикрывался.

— Как же ты выжил?

— Иммуитет выручил. Я ведь отродясь не болел. К тому же их местный эскулап меня чуток подлечил и насваем подпитывал. Хорошо, кстати, боль снимает.

— Ты что, к нему приистрастился?

— Да он легкий. Мне — как слону дробина. Ладно, закрой дверь с той стороны.

Николай уже лег, когда Анатолий тихо пробрался в комнату и тронул его за плечо:

- А что мою фотку и на Доску памяти повесили?
- Повесили.
- Ну вы даете!..

— Толя, поговорить надо. — Николай остановился на пороге спортзала.

— Чего тебе? — Анатолий с досадой грохнул об пол гирию. — Совсем форму потерял.

— Пойдем, в читальном поговорим.

У заведующей клубом взяли ключ от читального зала. Там редко кто бывал. Но на стеллажах исправно появлялись новые журналы и газеты. В дальнем углу стоял шахматный столик.

— Сразимся? — указал на него глазами Анатолий. — Давно мы с тобой не играли.

Николай машинально ставил фигуры и все молчал.

— Ну? — Анатолий съел пешкой его коня. — Как хорошо с тобой играть, когда ты задумчивый.

— Ты не знаешь имени того типа?

— Какого?

— Который нас подорвал.

— Не знаю. Не спрашивал. — Анатолий потер ладонью глаза и лоб. — Что тебе в голову взбрело?

— Он живет через два дома от меня. Я видел его не сколько раз. И знаю имя — Овхан.

Анатолий откинулся на спинку стула и рассматривал шахматы, словно обдумывая следующий ход.

Николай достал с полки первый попавшийся журнал и листал его. Он боялся услышать от Анатолия какие-то вопросы. Но тот ничего не спросил.

— Покажешь мне его?.. А знаешь, чудно. Я раньше дома не бывал месяцами, никто обо мне и не вспоминал. Воспринимали это нормально. А как узнали, что я погиб, теперь смотрят на меня странно. Я выпал из жизни. Даже здесь, в отряде. Глядят с жалостью. Как будто она мне нужна.

Николай озадаченно смотрел на хмурого друга. Таких редко приходилось его видеть.

“Каждый человек — это осажденный город, дело не в отряде, как говорила Лена. Мы не вместе, у каждого свой бастион. У веселого Толика могут быть такие больные, растерянные глаза... И почему он не спросил, вопрос же вертелся на языке. — Николай устало вздохнул. — Что он обо мне теперь думает? А что бы ни думал, я больше ничего не скажу”.

Николай встал и заметил за спиной на стене календарь.

— Что это?

— Церковь, — пожал плечами Анатолий, подошел ближе и прочел: — Спасо-Преображенский собор. Это в Переславле.

— Ну и как? Интересная? — Лена поставила перед Николаем чашку чая.

Они старались ужинать вместе, втроем. При отце Сашка меньше баловался и ел лучше.

— Что “интересная”? — опустив газету, вынырнул из своих мыслей Николай.

— Газета. Ты полчаса как от нас отгородился и читаешь ее вверх ногами.

Сашка фыркнул от смеха.

— Па, ты бы так мой дневник смотрел.

— Кстати, я его давно не видел. — Николай торопливо складывал газету, стараясь скрыть смущение. — Принеси-ка, да поскорей!

— Коля, ты бы лучше сходил в булочную. У нас хлеба нет. — Лена тронула его за руку, улыбнулась.

...Он не взял зонт и шел по мокрому тротуару ссутулившись, перешагивая через лужи, пряча голову в воротник кожаной куртки. Уже дня два он не следил за Овханом. Какой смысл? Чеченец, по-видимому, не собирался уезжать и продолжал работать на рынке.

Анатолий пока не объявлялся. Даже не звонил. Из-за истории с его “гибелью” он выпал из графика отряда и пока дежурил в другой группе. Попадал с Николаем в “слепую” смену. Он заканчивал дежурство, а Николай заступал только через сутки.

“Почему он сразу не захотел взглянуть на этого Овхана? Это так естественно... Может, не поверил?”

Анатолий зашел вечером. По его лицу стекали капли дождя. Николай протянул руку, чтобы забрать у него куртку.

— Погоди. Я не в гости. Одевайся, дело есть.

На улице Николай едва поспевал за Анатолием. Свой нервный шаг тот сдержал только... у двери Овхана.

— Звони, — не терпящим возражения тоном сказал он, а сам встал сбоку за косяк.

— Кто? — глухо донеслось из-за железной двери.

— Овхан, это я, — как можно увереннее произнес Николай.

Дверь открылась. Они сразу вбежали. Анатолий прижал горло Овхана локтем, стукнул затылком о стену.

Николай на всякий случай заглянул в комнаты. Он ожидал увидеть еще каких-нибудь подозрительных типов. Но никого там не было. И комнаты чисто прибраны. На комодѣ фотография в рамке. На ней Овхан с женщиной и маленькой девочкой на руках.

— Вы кто? — хрипло выдохнул он из-под руки Анатолия.

Анатолий вдруг отпустил его. Бледный, с прилипшими ко лбу волосами, он смущенно глядел на Николая.

— Это не он. Похож, но не он. — Опустив голову, Анатолий вышел на лестничную клетку.

— Извините. — Николай выскочил следом. — Толян, ты чего? Ты уверен?

— Я слишком хорошо его разглядел. — Анатолий достал свою фотографию, которую снял с мемориальной доски. Порвал и бросил. — Все.

Сергей КОНОВАЛОВ родился в 1957 году. Окончив Саратовское высшее военное командное училище, служил в частях по охране важных государственных объектов. Затем учеба в Академии им. М.В. Фрунзе и последние двенадцать лет — служба на Северном Кавказе в непрерывных боях и походах. Полковник. Награжден орденом “За военные заслуги”.

В нашем журнале публиковались его стихи. Предлагаемые вашему вниманию два рассказа из карабахского блокнота — дебют прозаика С. Коновалова.

РАССКАЗЫ

ПАШТЕТ И БОСЯК

Там, где войска стоят больше года, обязательно появляются беспризорные собаки. Причин много, но самая грустная из них — предательство хозяев. Такой домашней собакой, пополнившей ряды бродячих псов Шуши, была и дворняга капитана Крылова. Грустная история, но в какой-то мере пес стал жертвой моды.

Первая командировка нашей только что сформированной оперативной дивизии длилась полгода. Чтобы меньше скучалось, некоторые офицеры и при-

обрили породистых щенков. К нашему возвращению они уже выглядели довольно внушительно, а их хозяева выгодно выделялись из общей массы, обращая на себя внимание редких женщин, занесенных гибельной перестройкой за Большой Кавказский хребет. Так, Игорь Вечорко — маленький, невзрачный старлей, бывший самым незаметным среди офицеров полка, с приобретением Арчаха — красавца дога тигровой масти — обрел большую известность не только в части, но и в близлежащем поселке под названием Казачьи Лагери.

Надо заметить, что в эти самые Лагери были за-

везены и другие, не менее породистые собаки — кавказские овчарки, афганские борзые... И вскоре уже почти все жители стали называть поселок Соба-чы Лагери.

Вот и сослуживец Вечорко — капитан Крылов любил поразить окружающих своей деловитостью, удачливостью и достатком. Когда позволяла обстановка, он украшал палец крупной золотой печаткой и с независимым видом ездил по ресторанам. Чтобы выпендриться в очередной раз, перед убытием в командировку пришел в роту с трехнедельным щенком, которого якобы приобрел за приличную сумму. И надо сказать, в первые дни командировки он лично присматривал за малюткой, потом приставил к нему каптерщика, который, дорожа своей должностью, ухаживал за щенком, как за родным сыном.

Босс — так был назван будущий боксер — казалось, понимал важность своего положения: никогда не суетился, чинно гулял на поводке. Но хозяину он пока не был нужен, потому что рассматривать собаку капитана Крылова, как, впрочем, и его самого, было некому, поскольку к Дому политпросвещения в Степанакерте, где разместились два наших батальона, посторонних не подпускали.

Время шло. Босс подрос, но породистый боксер в нем не проглядывался. Капитан Крылов на недоуменные вопросы отвечал, что это из-за того, что у собаки не купированы уши и хвост да и пес недостаточно взрослый, чтобы в его облике проявились благородные черты. Но к концу командировки Босс уже настолько явно походил на дворнягу, что солдаты переименовали его в Босняка.

Бросить Босняка в Степанакерте Крылов не захотел, потому что в глубине души все же надеялся на чудо перевоплощения. Но чуда не произошло. В Казачьих Лагерьях Крылов где-то скрывал его от неминуемых насмешек, а в очередную командировку тайком взял с собой и по прибытии на место подкинул возмужавшего пса в стаю шушинских собак.

Былая важность с Босса уже сошла. Он быстро свыкся со своей участью, видимой привязанности к капитану не проявлял. Как и все собаки, он кормился на помойке, а все остальное время валялся на солнышке.

Город Шуша, куда попал Босняк в третью карабахскую командировку своего хозяина, находился на вершине горы, нависавшей над столицей Нагорного Карабаха — Степанакертом. В Степанакерте до 1990 года жили в основном армяне, а в Шуше — азербайджанцы. Жили не тужили, пока обезумевшая перестройка не выкинула из Степанакерта несколько тысяч азербайджанцев, а те, в свою очередь, из Шуши — всех армян. Ездить в Армению карабахские армяне могли только через Лачин, который, как и Шуша, оказался в руках азербайджанцев. Дорога через Агдам для них была вообще не приемлема, так как вилась почти через весь Азербайджан. С другой стороны, чтобы азербайджанцам Шуши проехать к своим, предстояло держать путь через Степанакерт. Эти поездки в лучшем случае заканчивались битьем автобусных стекол подростками, в худшем — ружейно-пулеметным огнем их отцов-наставников.

Всего этого Босняк не знал. Ему нравилось яркое, но не жаркое шушинское солнце, помойка, на которой всегда можно было вдоволь налопаться отходами с солдатских столов. Нравилась незлые и ленивые местные собаки, никогда не убегавшие дальше территории местного санатория, где и расположился батальон внутренних войск, в котором служил капитан Крылов. Они настолько привыкли к военным, что всех в форме принимали за своих, но стоило появиться гражданскому, стая немедленно поднималась, окружала пришельца и сопровождала оглушительным лаем.

Как-то к стае прибилась рыжий щенок какой-то смешанной, но явно охотничьей породы. Еще не оформившись во взрослую собаку, он уже резко выделялся из всей своры повадками и умом. Держался независимо и с достоинством, показывая при этом всем своим видом беззаветную готовность услужить людям в погонах. Солдаты окрестили щенка Паштетом, по-видимому, по аналогии с баночным продуктом, по цвету напоминавшим его окрас.

К слову, остальные собаки кличек не имели, и даже огромная кавказская овчарка, постоянно лежавшая у входа в штаб батальона, не была удостоена такой чести.

Настало время, и Паштет смекнул, что собачья тактика малозффективна в борьбе с гражданскими пришельцами, которые в его глазах являлись, несомненно, врагами людей военных. Теперь, завидев штатского, миновавшего калитку санатория, Паштет молча, пригнув голову и вытянув хвост параллельно земле, огибал пришельца со спины, затем делал стремительный бросок, хватал того за ногу, отскакивал прочь и только после этого принимался лаять, призывая на подмогу стаю. В общем, желающих посетить санаторий день ото дня становилось все меньше и меньше.

Ночами армяне наладили обстрелы Шуши из "Алазани". К градобойным ракетам они прикручивали дополнительные заряды. Обстрел представлял собой запоминающееся зрелище: за шушинским кладбищем, восточнее, за горой вспыхивало яркое пламя, из которого рождался белый шлейф ракеты. Над городом он исчезал, и через несколько секунд раздавался мощный взрыв упавшего снаряда. Армянские специалисты рассчитывали стрельбу так, чтобы маршевый заряд догорал над самыми крышами. Естественно, ни о какой точности не могло быть и речи, больших разрушений такие обстрелы тоже не производили. Но и пресечь их военные не могли, потому что место, где стояла пусковая установка, отделяла от города пропасть, на дне которой несла свои воды речка Кар-Кар. Достать пулеметным огнем пусковую тоже невозможно: она на обратных скатах хребта, вне зоны видимости и огня. Ни минометов, ни орудий, ни даже бзэммпэшек у войск тогда не было. Бойцы залегали на краю пропасти с пулеметами и АГС-17, стреляли больше для успокоения себя и жителей Шуши.

Первое время солдаты и офицеры выходили на крыльцо санатория любоваться фейерверком: белый след ракеты, огоньки трассирующих пуль, взрывы

падающих снарядов создавали впечатление какой-то игры. Однако на третью ночь снаряд разорвался метрах в двадцати от крыльца, расщепив дерево и побив осколками кусты. От гибели и увечий любителей опасных зрелищ спас ЗИЛ-130, прикрывший кабиной любопытных. После этого случая во время обстрела часовые отсиживались в окопах, а остальные прятались внутри здания, и даже безымянная кавказская овчарка забивалась под лестницу, и ни угрозы, ни пинки не могли заставить ее покинуть свое убежище. Пес просто каменел, хотя по окончании обстрела быстро возвращался на крыльцо.

На улицах Шуши замелькали люди в песчаном полевом обмундировании с малокалиберными винтовками за плечами. Это были первые солдаты нарождающегося независимого Азербайджана. Мы же постепенно, небольшими группами возвращались в Казачьи Лагери. Рота капитана Крылова — одной из первых.

При сборах про Босюка, естественно, никто не вспоминал, да и он давно уже забыл свое безмятежное детство, став полноправным членом беспризорной собачьей стаи.

Оставшиеся в санатории с тоской прощались с сослуживцами. В опустевшем здании набиралось всего двадцать четыре бойца и командира. Комбат понимал, что в таком бардаке, который воцарился в стране, остатки батальона в лучшем случае разоружат местные боевики, в худшем — просто перестреляют. Надо было искать выход из сложившейся ситуации. Проводив крыловцев, на следующий же день он приступил к поискам запасного маршрута, ведущего к железнодорожному вокзалу Степанакерта, где размещался и полковой командный пункт.

Осень уступала место зиме. Листва на тополях пожухла. По утрам подмораживало, иней сходил только к обеду. С рассветом небольшой отряд спустился с почти отвесных скал и направился к шоссе на Степанакерт.

Впереди дозорных бежал Паштет, поминутно отклоняясь то влево, то вправо от дороги. Голоса он не подавал, а, прижав морду к земле и опустив хвост, принохивался к незнакомым местам.

Худшее предположение оправдалось: азербайджанцы взорвали скалу, нависавшую над единственной дорогой на Степанакерт, выставили на выезде из Шуши усиленный кордон, тем самым намертво заблокировав в городе остатки батальона. Связи с полком не было, приказа оставлять город — тоже. Днем и ночью ждали нападения. Местные вообще перестали заходить в санаторий. В город вошла бакинская бригада, объявила военное положение. Силу свою они не скрывали. Требовали сдачи оружия. Забираясь на самую высокую точку лагеря, комбат беспрестанно по "маяку", пока не села батарейка, вызывал командира полка...

Рано утром остатки батальона построились в одну шеренгу. Кроме автоматов, ПКМС, АГС-17 и два ЗИЛа, один из которых предстояло тянуть на буксире, — вот и все вооружение. Комбат отдал приказ: совершить марш к железнодорожному вокзалу Степанакерта, технику и оружие не бросать, убитых и

раненых выносить на себе. Затем распорядился дослать патроны в патронники и вкрутить запалы в гранаты.

Паштет и тут оказался впереди дозора. Казалось, собака понимала важность своей задачи и была готова бороться с любыми препятствиями, которые могли возникнуть на пути солдат. Ни один пес из всей стаи не пошел следом. Они равнодушно наблюдали за сборами и выходом отряда. И среди них Босюк, который за предательство платил той же монетой.

Дорогу на Степанакерт азербайджанцы перекрыли и принялись выбивать армян из Киркиджака — деревни, а точнее, пригорода Степанакерта. Там день и ночь шла пальба, бухали гранатометы, стелился дым. А наш отряд все-таки сравнительно благополучно добрался до конечной цели своего маршрута. Паштет вышел вместе с бойцами и еще две недели жил с ними, пока военным не поступил приказ выдвигаться на Гянджу, а оттуда самолетами на Ростов.

В ходе суматошных сборов о Паштете не вспоминали, да и он не был приучен ездить на технике. Пес был удивлен, что лагерь внезапно опустел, все военные забрались в грузовики, которые двинулись в сторону Аскерана.

Паштет помчался за последним ЗИЛом, но, как ни горяча была его любовь к военным, как ни напрягал он свои собачьи силы, все равно на пятом километре отбил лапы, захромал и сбавил темп бега. А колонна уходила все дальше и дальше.

Паштет поднял голову. В воздухе отчетливо угадывался запах соларки, дешевых сигарет, солдатских сапог и портянок — запах людей, которым он отдал без остатка свое сердце, ради которых бросил свою стаю, город, где родился, бросил все и оказался один, хромой на пустынной и чужой дороге.

К вечеру он доковылял до Агдама. Запах казармы становился все слабее и слабее, а в районе рынка исчез вовсе. Еще долго крадучись ходил Паштет по улочкам Агдама, принохивался, искал своих, незаслуженно бросивших его, повизгивал от тоски и обиды. Под утро, обессилев, лег у кирпичной ограды какого-то дома и закрыл глаза. Жить дальше не хотелось.

ХЛЕБ

К началу девяносто первого года в Степанакерте хлеба не стало совсем. Исчезли круглосуточные молчаливые очереди ожидающих, потухли костры на улицах города, у которых грелись голодные люди. Чем питаются жители, стало непонятно, на улицах они появлялись редко.

Вместе с хлебом окончательно исчезли бензин и соларка. Азербайджанцы перестали заправлять и военные машины. Карабах оказался в блокаде, окруженный со всех сторон азербайджанской территорией. Армяне, стиснув зубы, поклялись умереть, но не

уйти с родных мест. Каждую ночь, а иногда и днем гремели выстрелы.

Командированные для наведения порядка войска сами оказались в двусмысленном положении. Они не могли воевать на два фронта, а армяне и азербайджанцы делали все, чтобы перетянуть их к себе. Нередко роты одного батальона стояли на территории враждующих сторон. В то же время чувствовалось, что правительству России нет дела до карабахских проблем, до солдат Советской армии, застигнутых в этих местах развалом некогда единого государства. Многие военные, узнав о "самостийности" своих республик, активно разъезжались по домам. И только сотая дивизия оперативного назначения внутренних войск, командированная в горячую точку еще союзным правительством, продолжала выполнять задачи уже несуществующей центральной власти.

Но вот хлеба не стало и у военных. Сухари, которые должны были лежать в коробках с сухим пайком, куда-то бесследно исчезли. Поговаривали, что они промокли и раскисли от затяжных осенних дождей, но этому мало кто верил. Скорее всего они были проданы или обменены на карабахский коньяк доблестными тыловиками, для которых зачастую война, как известно, мать родна.

Но ничего, думали бойцы, охранявшие администрацию комитета особого района, перекантуемся как-нибудь, ведь, судя по всему, терпеть осталось недолго: уже выдвинулись к железнодорожному вокзалу Степанакерта все роты, стоявшие в Доме политпросвещения. Отъезд не за горами. И вот когда комбату-3 и комбату-4 оставалось снять посты и с остатком караула убиты в ядро полка, поступает приказ: охрану не снимать, продолжать выполнять задачу. В общем, остались два офицера с горсткой солдат и забытым Богом комитетом посреди уже почти враждебного города. У комбата-3 в подчинении караул, у комбата-4 — кухонный наряд, обеспечивавший администрацию горячей пищей.

На другой день к зданию КОРa подъехал БТР, его боковые люки открылись, из одного вылез начальник продовольственного склада, а из другого выпало пять мешков, набитых жестяными банками.

— Это вам командир прислал на неделю, — сказал прапорщик и юркнул обратно в люк.

БТР умчался прочь, и вовремя, потому что прапор вместо стандартного сухая привез только мясорастительные консервы, то бишь горох и перловку в жире. Догонять БТР не имело смысла, ехать в ядро полка не на чем да и незачем. Зампотылу всегда найдет неоспоримую причину исчезновения тушенки и сухарей, а в другой раз вообще может ничего не прислать. Одним словом, пришлось давиться горохом и перловкой целую неделю.

Курева тоже не было. Идти за ним в город равносильно самоубийству: армяне за две недели до того разоружили степанакертский милицкий полк; зрелище было удручающее. В общем, курильщики, невзирая на чины, активно разыскивали окурки, оставшиеся в здании КОРa с лучших времен. Прибывший из штаба дивизии подполковник — очень культурный и предупредительный человек — зашел в комнату

комбатов. Даже через очки было видно, как блестят его глаза:

— Смотрите, какая удача, — он показал отлично сохранившийся окурочек "Примы", — лежал перед чердачной лестницей. И еще я набрал, правда, эти помельче. Угощайтесь, пожалуйста, — и он протянул на открытой ладони несколько бычков.

После перекура принялись за горох.

Комбат-4 — подполковник Кулинич — есть со всеми не стал, а, улучив момент, незаметно вышел из комнаты. Минут через десять комбат-3 обнаружил его, склонившегося над электроплиткой.

— Андрей Дмитриевич, зачем это вы горох кипятите? — поинтересовался он.

— Я не кипячу, а жир выпариваю, — последовал ответ. — Вы же знаете, что мне после гепатита жирного есть нельзя. Только овощи, фрукты, мясо отварное, хлеб... — Тут Кулинич громко сглотнул голодную слюну.

Без слов было ясно, что ему после перенесенной болезни нужен длительный отпуск, диета и спокойная человеческая жизнь. А тут вместо всего этого — холодный полуподвал, горох в жиру и круглосуточное ожидание нападения боевиков.

Долго еще комбат-4 кипятил свою жестянку, потом выбрал ее содержимое, но после этого есть захотелось еще больше. Чувство голода боролось в нем с чувством стыда перед солдатами, у которых пришлось бы забирать еще одну банку, предназначенную на обед. Ведь все привезенные были сосчитаны, распределены и сданы на хранение. Но голод становился невыносимым, мозг работал в одном направлении — где добыть съестное? И неожиданно созрел план.

— Сергей Николаевич, — обратился Кулинич к комбату-3, — у меня же три бойца в кухонном наряде обеспечивают сотрудников КОРa. Надо бы их проверить. Пойдем посмотрим, как они там.

Через три минуты комбаты были уже в варочном цеху, где готовился обед. Над одним из котлов поднимался легкий пар, а на скороварке начальник столовой пек лепешку. Рядом с ним стояло блюдо с жидким тестом и чистая тарелка.

Увидев Кулинич, он одернул свою белую куртку, подошел и поздоровался за руку.

— Ну как? — спросил комбат-4.

— Это вы о кухонном наряде?

— Вот именно. Есть ли претензии к бойцам? Все ли они на месте?

— Не волнуйтесь, Андрей Дмитриевич, солдаты на месте. Двое чистят картошку, один порядок наводит в обеденном зале. Ребята хорошие, претензий нет.

— А у меня плохих и не бывает, — напыщенно заметил Кулинич. — Только вот трудности возникли — на охрану людей не хватает, сам по ночам в усилении с автоматом стою. Так что придется забирать от вас солдат.

Такая перспектива начальнику столовой явно не улыбалась.

— Да вы что, Андрей Дмитриевич?! — вскинулся он. — Кто же будет начальство обслуживать? — и после затянувшейся паузы, переворачивая лепешку, взял быка за рога: — Может быть, лепешечку попробуете?

На что комбат-4 то ли с недоумением, то ли с возмущением возразил:

— Да ты что?! Разве мы за этим пришли?

Тут уж пришла очередь удивляться комбату-3. Он смотрел на Кулинича как на сумасшедшего: как это можно отказаться от хлеба, когда тебе его предлагают вот так, от чистого сердца?!

Но Кулинич и бровью не повел.

— Ладно, занимайтесь. А мы пока солдат проведим, — буркнул он и прошел к дверям.

Солдаты оказались на месте. Комбат-4 развел с ними какую-то бодягу о чистоплотности, недопустимости воровства, вспомнил свои курсантские годы и минут через пятнадцать возвратился к начальнику столовой и его сковороде.

На тарелке уже лежали две солидные лепешки, а третью, румяную с одной стороны, вот-вот предстояло снимать.

— Ну что с тобой поделать, — театрально вздохнул Кулинич и вынул из кармана куртки обрывок газеты. — Давай, что ли, свои лепешки. Да и эту кладу, как бы не пригорела.

Начальник столовой, загипнотизированный на-

чальственным тоном, повиновался. Хотя наверняка еще долго проклинал себя за опрометчивое предложение угостить комбата лепешечкой. А тот, подхватив добычу, уже на ходу заметил:

— Если будут проблемы с нарядом, заходи...

За порогом столовой комбат-3 усмехнулся и восхищенно протянул:

— Ну и голова у тебя, Андрей Дмитриевич, ну и голова! Это ж надо так повернуть дело, что он сам отдал три лепешки вместо одной! Он когда ту, первую-то, предлагал, и то мучился. А тут сразу три! Да у него и теста-то осталось дай Бог еще на две штуки... Ну и голова! И как ловко: он сам предложил, а ты как бы через силу согласился... Ну голова!

Лицо Кулинича сияло. Первый раз за две последние недели в его руках был почти настоящий хлеб.

19 апреля 2002 года на 58-м году жизни скоропостижно скончался бывший заместитель главного редактора военно-публицистического и литературно-художественного журнала внутренних войск МВД России полковник запаса УСКОВ Валерий Николаевич.

Смерть вырвала из наших рядов замечательного русского человека, гражданина, патриота своей Родины.

Валерий Николаевич родился в военном 1944 году на Урале, в городе Юрюзань Челябинской области, в рабочей семье. Его детство, юность, начало трудовой деятельности связаны с городом русских оружейников Тулой. Здесь он закончил семилетку, а затем механический техникум.

Осенью 1964-го он был призван на действительную военную службу во внутренние войска, в которых и отдал служению Родине 28 лучших молодых лет. Начинал в Ереване стрелком 213-го отряда внутренней и конвойной охраны МООН Армянской ССР, затем стал младшим командиром. Активная жизненная позиция выдвинула его в полковые комсомольские вожаки, что и определило в дальнейшем его армейскую стезю. Он окончил экстерном Ленинградскую военно-политическую школу МООН СССР и стал офицером-политработником. В это же время проявились и его недюжинные журналистские способности. Замполита конвойной роты лейтенанта Ускова не раз отмечали как од-

Валерий Николаевич УСКОВ
(16. 09. 1944 — 19. 04. 2002)

ного из лучших военкоров многотиражной газеты "На страже" 69-й конвойной дивизии. В конце 1970 года он становится ее штатным сотрудником. И трудится в Тбилиси последующее десятилетие ответственным секретарем, редактором дивизионной многотиражки, проявляя деловитость и разумную инициативу.

В 1976 году он окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС, отделение работников печати. В это же время в коллектив-

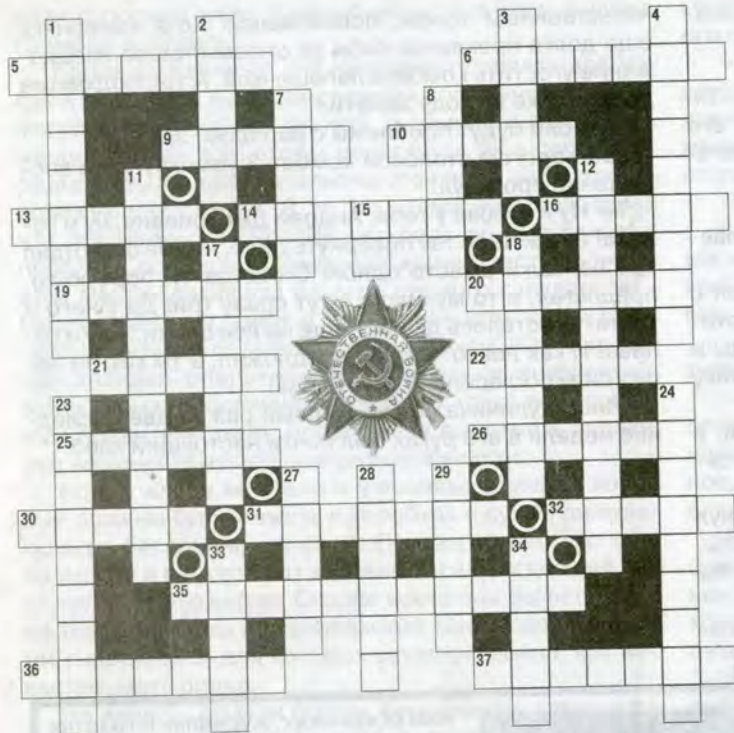
ных сборниках, журналах и газетах все чаще появляются его корреспонденции, очерки, стихи и рассказы.

В 1980 году Валерий Николаевич становится офицером Политического управления внутренних войск МВД СССР и, четыре года работая в отделении печати, песнует войсковую журналистскую молодежь, принимает активное участие в семинарах литераторов внутренних войск. В издательстве "Еш гвардия" отдельной книгой издается его повесть "Последний патруль", а в издательстве "Патриот" выходит сборник его стихов "Моя дорожная звезда".

Пять последующих лет он возглавляет отдел партийно-политической работы журнала "На боевом посту" и еще три года, до самого увольнения в запас, является заместителем главного редактора.

Почти три десятилетия безупречной службы полковника Ускова отмечены целым рядом наград, в том числе медалью "За боевые заслуги". Находясь в запасе, он не порывал связей с родным коллективом, живо интересовался происходящими в войсках и войсковой печати процессами.

Светлая память о Валерии Николаевиче навечно сохранится в сердцах его сослуживцев, всех, кто знал этого замечательного человека и гражданина.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Город в Германии, где в 1945 г. проходила конференция глав правительств СССР, США и Великобритании. 6. Человек, любящий свое Отечество, преданный своему народу. 9. Первый немецко-фашистский концентрационный лагерь, созданный в 1933 г. под Мюнхеном. 10. Заряд взрывного вещества, закладываемый в землю или устанавливаемый под водой на небольшой глубине и взрывающийся внезапно для противника. 13. Воин, который охраняет или защищает кого-нибудь или что-нибудь. 14. Лицо, награжденное каким-либо орденом. 16. Фигура пилотажа с разворотом самолета на 360 градусов, используемая в воздушном бою. 19. Младшее воинское звание в Военно-морском флоте. 20. Кодовое наименование плана операции войск Донского фронта по разгрому окруженной группировки фашистских войск под Сталинградом в 1943 г. 21. Отравляющее вещество кожно-нарывного действия, примененное немцами в Первой мировой войне против англо-французских войск. 22. Маршал Советского Союза, кавалер высшего военного ордена "Победа", дважды Герой Советского Союза. 25. Высшая и наиболее эффективная форма полевой, морской и воздушной выучки частей. 26. Кодовое наименование операции группы армий "Центр" фашистской Германии во Второй мировой войне с целью окружения и уничтожения советских войск под Москвой в 1941 г. 30. Конструктор стрелкового оружия, создатель 7,62-мм трехлинейной винтовки образца 1891 г. 31. Организация, использующая для полетов в околоземном воздушном пространстве самолеты, вертолеты, планеры. 32. Территориальное общевойсковое объединение соединений, частей, военно-учебных заведений и различных местных военных учреждений. 35. Неожидан-

ные для противника действия, способствующие достижению успеха в бою. 36. Ежедневная газета социальной защиты ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов СНГ. 37. Советский конструктор, создатель среднего танка Т-34, лучшего танка Второй мировой войны.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Рассказ Б. Полевого о боевой дружбе двух артиллеристов — русского и армянина в годы войны. 2. Установка для обнаружения и определения местонахождения объектов. 3. Отверстие в казенной части артиллерийских орудий, заполненное порохом для воспламенения заряда. 4. Советский график, автор плакатов "Все для фронта! Все для Победы!", "Дойдем до Берлина!" и других. 7. Прием, применявшийся в воздушном, морском и танковом бою. 8. Условная линия, полоса, участок местности, с которой отсчитывается начало или конец определенного этапа каких-либо действий войск, сил и средств. 11. Основной вид боевых действий, проводимых в целях разгрома противника. 12. Кодовое наименование плана совместной операции немецких и финских войск против Советского Союза в Заполярье во Второй мировой войне. 15. Марка самолетов, созданных в ОКБ под руководством авиаконструктора О. К. Антонова. 17. Полоса местности, занятая или намеченная для занятия войсками и ведения боевых действий. 18. Единица измерения продолжительности работы машин. 23. Воспитанник суворовского училища. 24. Электромеханический аппарат, использующийся на проводных линиях связи для ведения служебных переговоров. 27. Быстроходный корабль небольшого водоизмещения, предназначенный для разведки и посыльной службы. 28. Писатель, автор документальной повести "Полководец", книги "Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира", Герой Советского Союза. 29. Летчик, управляющий летательным аппаратом. 33. Сооружение для хранения, технического обслуживания и ремонта летательных аппаратов. 34. Маневр войск.

Составил Евгений КУЛИКОВ

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 4, 2002

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Ракетносец. 7. Канарис. 8. Аэратор. 12. Каземат. 14. Маршал. 16. Оружие. 17. Праща. 19. Реле. 20. Грот. 21. Пикирование. 22. Знак. 24. Акын. 26. Кирза. 28. Рокада. 30. Сталин. 32. Пластов. 34. Акведук. 36. Договор. 37. Каптенармус.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Ручница. 2. Кубрик. 3. Трос. 4. Ниша. 5. Секрет. 6. "Центавр". 7. Капрал. 9. Ранжир. 10. Чека. 11. Амбразура. 13. лейтенант. 15. Лисичка. 16. Омнибус. 17. Поиск. 18. Атака. 23. Анкета. 25. Калибр. 27. Риск. 29. Дневник. 31. Траверс. 32. Подкоп. 33. Ваграм. 35. Каре. 36. Доза.

Роберт Иванович Рождественский (1932-1994гг.) родился в алтайском селе Косиха в семье военных. Учился сначала на филологическом факультете Петрозаводского университета, а затем в Литературном институте им. А.М. Горького, который окончил в 1956 году. Годом раньше вышла его первая книга — “Флаги весны”. Его имя было особенно популярно в шестидесятые годы, когда поэтические вечера проводились на стадионах, собирали десятки тысяч слушателей. Он гремел на эстраде вместе с Евтушенко, Вознесенским, Ахмадулиной и почему-то считался продолжателем поэтической линии Маяковского. Время многое уже расставило по своим местам. Сегодня, в канун 70-летия поэта Р. Рождественского, автора десятков стихотворных сборников, лауреата Государственных премий СССР и России, вспоминаются прежде всего его песни из “Семнадцати мгновений весны”, “Судьбы” и многих других фильмов.

Я сегодня до зари встану,
по широкому пройду полю.
Что-то с памятью моей

стало:

все, что было не со мной, — помню!
Бьют дождинки по щекам впалым.
Для Вселенной двадцать лет — мало.

Даже не был я знаком
с парнем,
прокричавшим:
"Я вернусь,
мама!..."

Обещает быть весна долгой.
Ждет отборного зерна пашня.
И живу я
на земле доброй
за себя

и за того парня.

Я от тяжести такой горблюсь.
Но иначе жить нельзя, —

если

**Все зовет меня его голос,
Все звучит во мне
его песня**

А степная трава пахнет горечью.
Молодые ветра зелены.
Просыпаемся мы,
И грохочет над полночью
то ли гроза,
то ли эхо
прошедшей войны.

Медаль "За воинскую доблесть"

ПОЛОЖЕНИЕ о медали "За воинскую доблесть"

Медалью "За воинскую доблесть" награждаются военнослужащие внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации:

за отличные показатели в боевой подготовке; за особые отличия при несении боевой службы;

за заслуги в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности; за отвагу, самоотверженность и другие заслуги, проявленные при прохождении военной службы.

ОПИСАНИЕ медали "За воинскую доблесть"

Медаль имеет форму круга серебристого цвета диаметром 32 мм, с выпуклым бортиком с тыльной стороны. На лицевой стороне помещено изображение геральдического знака — эмблемы органов внутренних дел Российской Федерации и внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации. Вокруг эмблемы по краю медали выложен сплошной лавровый венок, перевитый вверх лентой. На обороте медали помещены надписи — в центре горизонтально в три строки: "За воинскую доблесть" с лавровой ветвью, и "Министерство внутренних дел Российской Федерации" по верхнему и нижнему краю. Все изображения и надписи выпуклые. Медаль крепится посредством ушка и колечка к пятиугольной колодке, обтянутой муаровой лентой крапового цвета. В 1 мм от края ленты нанесены полосы оранжевого цвета в 1 мм. Ширина ленты 24 мм.